

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 14(3) • 2021

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Political Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объем 10,68 усл. п.л. Заказ № 702.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 14(3) • 2021

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Мировая политика в эпоху коронавируса

- 7 Сардарян Г.Т. – Пандемия COVID-19 в социальном учении Римско-католической церкви

Критический взгляд на международные отношения

- 23 Эльмурадов А. – Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений
39 Лошкарёв И.Д. – Диаспоры и вооружённые конфликты: не только «третья сторона»

Региональное измерение мировой политики

- 57 Боровский Ю.В., Шишкина О.В. – Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза
82 Ali Emre Sucu, Iskandarov Q.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. – Does Turkey have a Central Asian Project?

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 97 Ponomareva E.G. – The Present and the Past of American Liberalism In Light of Slavery and Racial Injustice
104 Попов А.А. – СЭВ как «ядро» альтернативной глобализации
114 Е.А. Чернышева – Современная монетаристская теория – панацея от всех экономических бед США

Table of Contents • 14(3) • 2021

RESEARCH ARTICLES

World Politics in the Era of Coronavirus

- 7 Sardaryan G.T. – The COVID-19 Pandemic in the Social Teaching of the Roman Catholic Church

A Critical Look at International Relations

- 23 Elmuradov A. – Postcolonial/Decolonial Critique and the Theory of International Relations
39 Loshkariov I.D. – Diasporas and Armed Conflicts: beyond Being “Third Party”

The Regional Dimension of World Politics

- 57 Borovsky Y.V., Shishkina O.V. – Securitization of Energy Supply within the European Union
82 Ali Emre Sucu, Iskandarov Q.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. – Does Turkey have a Central Asian Project?

BOOK REVIEWS

- 97 Ponomareva E.G. – The Present and the Past of American Liberalism In Light of Slavery and Racial Injustice
104 Popov A.A. – Comecon as the «Core» of Alternative Globalization
114 Chernysheva E.A. – Is Modern Monetary Theory a Real Solution for All US Economic Problems?

Пандемия COVID-19 в социальном учении Римско-католической церкви

Г.Т. Сардарян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Пандемия COVID-19 обнажила перед человечеством критические проблемы устройства не только современной системы здравоохранения, но и роли государства в управлении социально-экономическими процессами, институтов власти и их способности обеспечить безопасность и благополучие населения в условиях практической остановки экономики, самоизоляции граждан и сверхвысокой мобилизации государственных административных ресурсов для обеспечения полномасштабной борьбы с распространением вируса. Многие из неотъемлемых, в особенности для западных обществ, прав и свобод человека оказались ограниченными для эффективного противостояния коронавирусу, что было бы сложно представить ещё за несколько месяцев до начала пандемии. Тезисы о постепенном снижении роли государства в организации управления социально-экономическими процессами на фоне усиления институтов гражданского общества также потеряли свою значимость, так как исключительно государство оказалось в состоянии организовать централизованную мобилизацию ресурсов для противостояния массовой угрозе здоровью населения. В совокупности данные вопросы приводят к пересмотру традиционно сложившейся аксиологии западного общества, основанной на примате индивидуализма и атомизации социума – подходов, против которых традиционно выступала Римско-католическая церковь, в своей доктрине опирающаяся на концепцию общего блага. Будучи наиболее крупной мировой конфессией, католицизм сохраняет своё влияние на широкие круги населения во многих ведущих странах современного Запада. Социальная доктрина церкви традиционно воспринимается, как самими католиками, так и различными объединениями граждан, в качестве этической основы организации жизни общества. Нельзя также недооценивать роль тезисов, выдвигаемых Папой Римским в политическом дискурсе не католического мира, учитывая его важную символическую и публичную роль. В связи с этим в работе проводится анализ развития социальной доктрины католической церкви после начала пандемии в контексте как восприятия ею непосредственно коронавируса и необходимых мер по борьбе с ним, так и позиции по постковидному устройству мира. Ключевое значение здесь имеют папские энциклики, послания и выступления, в которых отражена официальная позиция Ватикана. Важным является рассмотрение доктрины, в том числе в соотношении с ключевыми вопросами, традиционно составляющими ее содержание на протяжении нескольких столетий, учитывая, что большинство вопросов, поднимаемых Святым Престолом, имеют в своем корне идейно-

УДК: 322

Поступила в редакцию: 15.03.2021 г.

Принята к публикации: 10.05.2021 г.

теоретические корни, уходящие ещё в период эпохи Просвещения и развития либеральной политической философии. Автор приходит к выводу, что Ватикан не видит в COVID-19 нового кризиса, несущего в себе угрозу уничтожения человечества из-за невиданных до этого факторов. Все те вызовы, с которыми столкнулся мир с возникновением пандемии, являются объектом критики Святого Престола примерно с момента становления капитализма и либеральной политической философии. Коронавирус лишь демонстрирует несостоятельность тех тезисов, которые выдвигаются релятивизмом и философскими течениями, нацеленными на атомизацию человеческого общества. Папа Франциск, как правило, критикует капитализм с более кардинальных позиций, нежели его предшественники, и не видит в нём возможности достижения общего блага, являющегося краеугольным камнем католической социальной доктрины. Его озабоченность вызывает не столько само распространение болезни, сколько отсутствие решимости государств работать совместно на пути её преодоления, неравномерность распределения доступа к вакцинации и эгоистическая безответственность отдельных членов социума. И причиной всему этому является, по его мнению массовая культура консюмеризма, насаждаемая крупными транснациональными корпорациями. В качестве возможного пути преодоления кризиса Ватикан предлагает классические для социального учения католической церкви принципы – солидарность и субсидиарность, которые требуют субъектности общества и децентрализацию власти.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, Ватикан, коронавирус, COVID-19, пандемия, субсидиарность, солидарность.

Влияние COVID-19 на медицину, здоровье и качество жизни населения ещё предстоит оценить по прохождению достаточного времени представителям врачебного сообщества, однако уже сейчас очевидно, что данные сферы не являются единственными, которые затронула пандемия. От ставших уже привычными ограничений прав человека, до нового законодательства и образа жизни – всё это результат появления нового вида коронавирусной инфекции. Среди данных вопросов на первый план начинают выходить проблемы, составляющие предмет этики как индивидуальной, так и общественной. Становится очевидно, что за всеми иными видами кризиса пандемия несёт и существенный ценностный кризис, всё в большей степени обнажая растущее неравенство, в том числе и нового вида – цифровое. Общество сталкивается с заметным потрясением социально-философских основ собственного существования, пересмотром значительной части надбиологической регуляции отношений между людьми.

Ускорение цифровизации, которое вызвала пандемия, влечёт за собой крупномасштабные изменения в системе организации труда, сопоставимые, по крайней мере по реакции социально-философской мысли, с периодом индустриальной революции. Традиционные институты, обеспечивающие стабильное функционирование государственной власти, такие как демократический процесс, республиканские механизмы управления сталкиваются с острым кризисом своих идейно-теоретических основ, отказавшись, в данном качестве,

от христианства, однако так и не сумев произвести адекватной альтернативы, ограничиваясь анахронизмами, по примеру «светского гуманизма».

Несмотря на целенаправленные и системные, однако пока что безуспешные попытки по превращению христианства в форму субкультуры, наравне с маргинальными группами социума, влияние его общественных структур, в частности, Римско-католической церкви на борьбу с распространением коронавирусной инфекции как в виде непосредственной деятельности Ватикана, так и формирования общественного мнения в отношении наиболее острых вопросов, вызванных пандемией, нельзя недооценивать.

В данной связи представляется важным рассмотреть причины, по которым Римско-католическая церковь рассматривает пандемию, в качестве не только угрозы жизни населения, но и острой социально-экономической и этической проблемы, способной вызвать широкомасштабную трансформацию общества в посткоронавирусный период.

С этой целью необходимо рассмотреть основополагающие источники социального учения церкви, в том числе папские энциклики и обращения, изданные в период пандемии, сопоставив их как с традиционным содержанием доктрины католицизма, так и позицией непосредственно Папы Франциска, внесшего свой вклад в обновление принципов социального учения Святого Престола.

Отечественный и зарубежный научный интерес к вопросам социального учения Римско-католической церкви традиционно высок, учитывая весомое значение Святого Престола в определении этических нарративов в общественном сознании многих западных государств. Так, отечественная традиция изучения католической доктрины была заложена в работах М.В. Андреева (Андреев 1968), Э.О. Берзина (Берзин 1966), Л.Н. Великовича (Великович 1967), М.П. Мchedлова (Мchedлов 1964). Её исследование, как правило, было связано с решениями Второго Ватиканского Собора и их последующей имплементацией. К подобным работам можно также отнести труды таких авторов, как Л.Н. Великович (Великович 1981), Ф.Г. Овсиенко (Овсиенко и др. 1977), И.Я. Кантеров (Кантеров 1972), Н.А. Ковальский (Ковальский 1989), М.П. Мchedлов (Мchedлов 1974), Н.Н. Поташинская (Поташинская 1979), Р.Т. Рашкова (Рашкова 1989), М.М. Шейнман (Шейнман 1975) и др.

Временный спад исследований доктрины Святого Престола после распада СССР сменился периодом высокого интереса и издания значимых трудов после 2000 г. Работы В.М. Богомазова (Богомазов 2012), П.В. Крылова (Крылов 2010), Н.Н. Поташинской (Поташинская 2012), К. Каневского (Каневский 2003), Л.А. Оноприенко (Оноприенко 2014) и др. достаточно подробно рассматривали развитие социального учения церкви. Вопросом восприятия католической церкви в отечественной научной мысли занимался А.М. Руткевич (Руткевич 2016).

Исследуя зарубежный научный опыт в рассмотрении данной проблематики, можно отметить, что католическая доктрина на протяжении столетий была

в центре внимания достаточно большого круга учёных, однако большая часть работ так же, как и в советских источниках, оказывалась сильно идеологизирована. В случае с СССР речь идёт о влиянии марксизма–ленинизма, а в западных источниках отчётливо прослеживается ориентация исключительно на либеральные ценностные ориентиры в изучении как роли церкви, так и её социального учения. Тем не менее это ни в коей степени не уменьшает значимости и научности трудов таких авторов, как Майкл Шук (Schuck 1991), который провел комплексный анализ корпуса папских энциклик и их направленности по ключевым вопросам социальной, политической и религиозной повестки; Джеральд Маккул, рассмотревший схоластику XIX века и основные течения внутри самой церкви (McCool 1989); историк католической церкви Винченцо Ферроне, сопоставляющий ценности Святого Престола и Просвещения (Ferrone 2014); Роберто Ди Маттеи (Mattei 2004) – один из ведущих специалистов по истории католической церкви, проанализировавший столкновение католической доктрины и Великой французской революции; Дарелл Джодок (Jodock 2000), Джин Бернс, проанализировавший последствия и формы политического участия католиков после объединения Италии и Германии (Burns 1994), посвятивший своё исследование проблемам течения модернизма внутри Святого Престола; Джон Финнис, исследовавший ход и развитие Второго Ватиканского Собора (Finnis 2011); Джозеф Вейлер (Weiler 2003), рассмотревший влияние католической доктрины на современную Европу и ЕС, и др.

Римско-католическая церковь и COVID-19

Римско-католическая церковь обладает одной из наиболее структурированных и систематизированных социальных доктрин, которая насчитывает несколько столетий и охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека – от экономики до политических вопросов. Она включает в себя апостольские конституции, апостольские послания, энциклики и письма, в которых отражена позиция Ватикана по наиболее насущным вопросам человеческого бытия. Учитывая тот факт, что, как уже говорилось выше, любая пандемия включает в себя не только медицинские, но и существенные социально-экономические аспекты, опирающиеся на этические нормы поведения человека и общества, церковь не могла обойти вниманием и COVID-19, внесший кардинальные изменения в привычную жизнь современного человечества.

Ватикан сам оказался подвержен существенному влиянию ограничений, вызванных пандемией. В конце февраля 2020 г. все публичные мессы в Милане и Венеции были приостановлены, а 8 марта правило распространилось на территорию всей Италии. Папа Франциск 9 марта подал пример остальным священнослужителям, проведя мессу в прямом эфире из своей резиденции в Domus Sanctae Marthae. Уже в считанные дни мессы были приостановлены и в католических церквях за пределами Италии. 27 марта Папа Франциск передал

благословение *Urbi et Orbi*, обычно предназначенное для Рождества и Пасхи, с пустой площади Святого Петра после молитвы за здоровье всего мира. Для молебна Франциск привез распятие из Сан-Марчелло-аль-Корсо, которое было пронесено по улицам Рима во время эпидемии чумы 1522 г. Распространение COVID-19 в Италии вскоре замедлилось, и 18 мая было разрешено возобновить публичные мессы.

В отдельных странах Римско-католическая церковь получала разные формы поддержки от государства. Скажем, в США она использовала специальное и беспрецедентное освобождение от федеральных налогов, чтобы аккумулировать не менее 1,4 млрд долл. в виде помощи в отношении коронавируса. При этом церковь оказывала в свою очередь помощь государственной власти в борьбе с пандемией. Так, в Бергамо, наиболее пострадавшем городе Италии, где в моргах не хватало места для жертв пандемии, епископ Франческо Бески приказал использовать территории церкви для погребения. Папа Римский оказывал поддержку правительствам в вопросе вакцинации населения, критикуя тех, кто призывал от неё отказаться¹.

Во всём мире многие приходы приостановили присутствие верующих на своих мессах и прибегли к дистанционным технологиям для трансляции торжеств, таким как прямые трансляции. Ватикан объявил об отмене празднования Страстной недели в Риме, которое проводится в конце Великого поста.

Однако, помимо непосредственной вовлечённости церковных структур в борьбу с коронавирусом, Ватикан оказывал и существенное влияние на данный процесс путём формирования отношения и восприятия кризиса с точки зрения собственного учения. В одном из своих обращений Франциск сравнил² ситуацию с пандемией в мире с одним из эпизодов в Евангелие, когда ученики Христа обращались к нему, говоря, что они погибают, когда началась буря, а Христос находился на корме лодки. Понтифик говорит, что подобно им, люди были застигнуты врасплох неожиданной бурей и осознали, что находятся в одной лодке, будучи хрупкими и дезориентированными, но в то же время важными и нужными, все призваны грести вместе, каждый нуждается в утешении другого.

Характерная для католической церкви критика капитализма, особенно ярко отражаемая в посланиях Франциска, часто становится объектом его отдельного внимания в вопросах борьбы против пандемии.

В своей третьей энциклике за время понтификата под названием «*Fratelli Tutti*» («Все братья») Франциск говорит³ об этом напрямую. Он осудил «магиче-

¹ Pope Francis calls opposition to Covid vaccine 'suicidal denial' and says he will get jab. *Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/pope-francis-vaccine-coronavirus-b1785051.html> (accessed 1.06.2021)

² Pope Francis says 'We are all in the same boat,' during *Urbi et Orbi* ceremony. *Religion News*. URL: <https://religionnews.com/2020/03/27/pope-francis-only-together-we-can-do-this-during-extraordinary-indulgence-ceremony/> (accessed 1.06.2021)

³ Francesco. *Fratelli tutti*. Lettera Enciclica sulla fraternità e l'amicizia sociale. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html (accessed 1.06.2021)

ские теории» рыночного капитализма как «единственное решение социальных проблем». Понтифик подвергает критике идею о свободе рынка как достаточном условии для обеспечения безопасности после пандемии. Хрупкость мировых систем перед лицом пандемии продемонстрировала, что не всё можно решить с помощью рыночной свободы. В приоритет, по мнению Святого Престола, необходимо поставить активную экономическую политику, направленную на продвижение экономики, которая способствует производственному разнообразию и бизнес-творчеству, позволяя создавать, а не сокращать рабочие места. Папа также повторил прошлые призывы к перераспределению богатства, сказав, что те, у кого его много, должны распоряжаться им на благо всех, при этом пояснив, что не предлагает авторитарного и абстрактного универсализма. Когда кризис в области здравоохранения пройдёт, худшим ответом будет ещё более глубокое погружение в лихорадочное потребление и новые формы эгоистичного самосохранения, отмечает понтифик.

По мнению понтифика, каждый кризис содержит в себе как опасность, так и возможность. Он считает, что необходимо замедлить темпы производства и потребления и научиться понимать и созерцать природный мир, а сам кризис необходимо использовать как возможность, чтобы обратить внимание на бедных. Он сравнил современную социальную политику государств с отношением к спасённым животным, когда бедные лишены возможностей, находятся в наркотической зависимости и не имеют права даже на мечту.

С целью оказания действенных мер по помощи нуждающимся в борьбе с коронавирусом Папа Франциск в апреле 2020 г. учредил чрезвычайный фонд при Папских миссионерских обществах. Средства, внесённые в этот фонд, предназначены для оказания помощи тем людям и общинам, которые трагически пострадали от распространения COVID-19. В заявлении⁴, опубликованном Agenzia Fides, информационной службой Папских миссионерских обществ, говорилось о том, что деньги будут напрямую поступать в страны, где Ватикан осуществляет миссионерскую деятельность через структуры и институты Церкви.

Необходимо отметить, что только в Африке насчитывается более 74 000 сестер и более 46 000 священников, которые управляют 7274 больницами и клиниками, 2 346 домами для престарелых и уязвимых групп населения, а также обучают более 19 млн детей в 45 088 начальных школах. Во многих сельских районах они являются единственными поставщиками медицинских услуг и образования.

Папа Франциск не только открыл этот фонд, но и первым внёс в него свой вклад в размере 750 000 долларов США.

Пасхальная служба в апреле 2020 г. происходила при практически полном

⁴ Vaticano – Istituto dal Papa un Fondo di emergenza presso le Pontificie Opere Missionarie per il Covid-19. Agenzia Fides. URL: http://www.fides.org/it/news/67703-VATICANO_Istituto_dal_Papa_un_Fondo_di_emergenza_presso_le_Pontificie_Opere_Missionarie_per_il_Covid_19 (accessed 1.06.2021)

отсутствии верующих. Для сравнения, за год до этого на одной только площади Святого Петра собралось более 70 000 паломников со всего мира, чтобы услышать, как понтифик произносит своё послание «*Urbi et Orbi*» («Городу и миру») после пасхальной мессы.

Ватикан транслировал послание Папы в прямом эфире для мировой аудитории. Франциск обращался к миру, который, по его словам, уже столкнулся с эпохальными проблемами и теперь подавлен пандемией, подвергающей серьёзным испытаниям всю человеческую семью⁵.

Понтифик говорил о тех, кто сталкивается с неопределённым экономическим будущим и опасениями по поводу безработицы, призывая политических лидеров активно работать на общее благо, предоставлять средства и ресурсы, необходимые для того, чтобы каждый мог вести достойную жизнь, и, когда позволяют обстоятельства, помочь им вернуться к нормальной повседневной деятельности.

Ватикан традиционно придает особое значение вопросам неравенства. Позиция понтификов может отличаться от противопоставления «свободы без правды» и «справедливости без свободы» Иоанна Павла II до более жёсткой критики рыночной экономики. Франциск в данном смысле занимает позицию значительно более резкую по отношению к несовершенствам капиталистической системы, способным создавать и увеличивать разрыв между богатыми и бедными. Папа призывал мировых лидеров заботиться о бедных, беженцах и бездомных, просил ослабления международных санкций, так как они мешают странам адекватно поддерживать своих граждан, требовал сокращения, если не прощения долгов беднейших стран, чтобы они могли наилучшим образом удовлетворить свои потребности. В центре его внимания было и прекращение огня во всех уголках мира – в Сирии, Йемене, Ираке, Ливане и многих африканских странах.

Другой традиционной темой, вызывающей озабоченность Франциска, является вопрос изменения мирового климата. Резкое сокращение загрязнения во время локализации коронавируса по всему миру должно привести к большей обеспокоенности окружающей средой по мере снятия ограничений, заявил Папа Франциск. Выступая перед верующими в июне 2020 г., он отметил⁶, что пандемия заставила многих людей задуматься о своих взаимоотношениях с окружающей средой. Локдаун уменьшил загрязнение и ещё раз показал красоту стольких мест, свободных от движения и шума, а по возобновлению деятельности, по мнению понтифика, человечество должно быть более ответственным в заботе о своём общем доме.

⁵ *Messaggio urbi et orbi del Santo padre Francesco*. URL: http://www.vatican.va/content/francesco/it/messages/urbi/documents/papa-francesco_20200412_urbi-et-orbi-pasqua.html (accessed 1.06.2021)

⁶ Pope on Environment Day: We cannot pretend to be healthy in a world that is sick. *Vatican News*. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2020-06/pope-francis-sends-message-to-colombia-world-environment-day.html> (accessed 1.06.2021)

В продолжение политики Франциска Ватиканом было опубликовано⁷ 225-страничное руководство, в котором католиков призывают отказаться от инвестиций в отрасли ископаемого топлива и внимательно следить за компаниями в таких секторах, как горнодобывающая промышленность, чтобы проверить, не наносят ли они ущерб окружающей среде.

Говоря о жизни после COVID-19, Папа Франциск заявил, что новая нормальность должна включать в себя трансформацию системной несправедливости, а не просто поддержание статус-кво. По его мнению, все обеспокоены социальными последствиями пандемии, и многие люди хотят вернуться к нормальной жизни, возобновить экономическую деятельность, но эта нормальность не должна включать в себя социальную несправедливость и деградацию окружающей среды.

Франциск рассматривает пандемию как кризис, из которого никто не выйдет таким, как раньше – он либо выйдет из него лучше, либо хуже. И человечеству необходимо стать лучше, чтобы противостоять социальной несправедливости и экологическому ущербу.

Говоря о несправедливости в процессе борьбы с пандемией, Франциск указал на роль крупнейших финансовых компаний, к которым прислушиваются вместо того, чтобы слушать людей, которые действительно двигают экономику. Первых он считает сильными, а вторых – слабыми, говоря о том, что последними пренебрегают. Франциск традиционно настаивает на необходимости вовлечения самых различных групп общества — коренных жителей, бедных, пожилых — в процесс принятия решений о собственном будущем. В связи с этим он неоднократно призывал к всеобъемлющему переосмыслению экономических, социальных и политических структур мировой экономики, которые, по его словам, проявили слабость во время кризиса здравоохранения⁸.

Одним из важных измерений социальных трансформаций на фоне пандемии были карантинные режимы, в результате которых, с одной стороны, под угрозой оказались целые отрасли экономики, а с другой – психологическое состояние граждан, которые ратовали за снятие ограничений. В данном контексте Франциск проявлял достаточно сдержанное отношение. Ещё в мае 2020 г. он заявил, что люди важнее экономики, так как они, а не экономика, являются храмом Святого Духа, говоря о спешке стран по быстрому возобновлению работы предприятий после первой волны коронавируса⁹.

Действенной мерой для победы над пандемией он считает вакцинацию, в которой также видит и этическую сущность, называя скандалом возможность

⁷ Tavolo interdicasteriale della Santa Sede sull'ecologia integrale. *In cammino per la cura della casa comune a cinque anni dalla "Laudato si'*. Libreria editrice vaticana. URL: <https://www.ofsemr.it/wp-content/uploads/2020/08/In-cammino-per-la-cura-della-casa-comune.pdf> (accessed 1.06.2021)

⁸ Inside Pope Francis' mission to make capitalism work for the common good. *America Magazine*. <https://www.americamagazine.org/politics-society/2021/01/27/pope-francis-capitalism-mark-zuckerberg-economics-239827> (accessed 1.06.2021)

⁹ People more important than the economy, pope says about Covid crisis. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-pope-idUSKBN2370E1> (accessed 1.06.2021)

направления всей экономической помощи, в основном за счет государственных денег, на спасение тех отраслей, которые не способствуют включению исключенных, продвижению наименьших, общему благу или заботе о созидании. Понтифик предостерег правительства государств от того, чтобы при вакцинации от Covid-19 приоритет был отдан самым богатым и от превращения вакцины в достояние той или иной нации, а не универсальное достояние для всех.

Многие эксперты отмечали жесткую критику со стороны Франциска, которой были подвергнуты так называемые ковид-диссиденты. Однако, необходимо отметить, что в данном контексте вопрос значительно шире простой поддержки мер правительства и необходимости вакцинации. Святой Престол традиционно скептически воспринимает философские течения, рассматривающие общество в качестве совокупности составляющих его индивидов. Любые формы атомизации социума присущие, в первую очередь, либерализму, подвергались жесткой критике Ватикана, вне зависимости от личности Папы, так как противоречили концепции общего блага, лежащей в основе социального учения церкви. Именно в данной парадигме Франциск рассматривает проблему ковид-диссидентов, когда в ноябре 2020 года заявляет, что, за некоторыми исключениями, правительства прилагают огромные усилия, чтобы поставить благополучие своего народа на первое место, решительно действуя для защиты здоровья и спасения жизней, однако некоторые группы протестуют, отказываясь держаться на расстоянии, маршируя против ограничений на поездки – как будто меры, которые правительства должны вводить для блага своего народа, представляют собой какое-то политическое нападение на автономию или личную свободу. Понтифик считает, что стремление к общему благу – это гораздо больше, чем сумма того, что хорошо для отдельных людей. Это означает уважение ко всем гражданам и стремление эффективно реагировать на потребности наименее обеспеченных.

Мир после COVID-19

Все проблемы, обозначенные Франциском, являются традиционным объектом внимания католической социальной доктрины, которая исторически отстаивала идеи общего блага, солидарности и subsidiarности. Некоторые понтики видели в рыночных механизмах возможность для реализации потенциала и таланта человека, особенно в противопоставлении марксизму. Франциск занимает более жёсткую позицию и критикует известные механизмы капитализма, видя в них основную причину многих проблем современного человечества, от бедности до климатических изменений. В упомянутой выше энциклике¹⁰ он предлагает своё видение мира после пандемии.

¹⁰ Francesco. *Fratelli tutti*. Lettera Enciclica sulla fraternità e l'amicizia sociale. . URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html (accessed 1.06.2021)

Понтифик говорит о том, что древние конфликты, считавшиеся давно похороненными, вспыхивают вновь, в то время как случаи близорукого, экстремистского и агрессивного национализма растут. В некоторых странах концепция народного и национального единства под влиянием различных идеологий создаёт новые формы эгоизма и утраты социального смысла под видом защиты национальных интересов. Открытость миру в настоящее время, по мнению Франциска, используется исключительно в отношении открытости иностранным интересам или свободы экономических держав инвестировать без препятствий или осложнений во всех странах. Локальные конфликты и пренебрежение к общему благу эксплуатируются глобальной экономикой для навязывания единой культурной модели. Эта культура объединяет мир, но разделяет людей и нации, так как по мере того, как общество становится всё более глобализованным, она делает людей соседями, но не делает их братьями. Человечество более одиноко, чем когда-либо, во всё более массовом мире, который продвигает индивидуальные интересы и ослабляет общинное измерение жизни. По его мнению, есть рынки, где люди становятся просто потребителями или сторонними наблюдателями. Как правило, продвижение такого рода глобализма усиливает идентичность более сильных, которые могут защитить себя, но оно имеет тенденцию уменьшать идентичность более слабых и бедных регионов, делая их более уязвимыми и зависимыми. Таким образом, политическая жизнь становится всё более хрупкой перед лицом транснациональных экономических держав, действующих по принципу «разделяй и властвуй».

В результате, по мнению Франциска, происходит растущая утрата чувства истории, что приводит к ещё большему распаду, который он называет деконструктивизмом, продвигающим тезис о том, что человеческая свобода претендует на создание всего с нуля, при этом оставляя после себя только стремление к безграничному потреблению и выражение пустого индивидуализма.

Подобную парадигму понтифик рассматривает как форму культурной колонизации. Один из эффективных способов ослабить историческое сознание, критическое мышление, борьбу за справедливость и процессы интеграции – это, по мнению Франциска, опустошить великие слова или манипулировать ими. Он задается вопросом в духе Рене Декарта: что на самом деле означают такие слова, как «демократия», «свобода», «справедливость» или «единство»? Они были согнуты и сформированы, чтобы служить инструментами для господства, как бессмысленные метки, которые могут быть использованы для оправдания любого действия.

На фоне всех этих проблем человечество, по мнению понтифика, столкнулось с такой всемирной трагедией, как пандемия COVID-19, которая на мгновение возродила ощущение глобального сообщества, находящегося в одной лодке, где проблемы одного человека – это проблемы всех, где никто не спасается в одиночку, а только вместе.

Святой Престол рассматривает мировую экономику в неуклонном движении к техническому прогрессу, который стремится сократить человеческие из-

держки. Пандемия же заставила человечество вновь проявить заботу о людях, обо всех, а не о благе немногих, усилив необходимость переосмысления образа жизни, отношений, организации общества и, прежде всего, смысла существования.

Франциск выдвигает и собственную позицию по отношению к современным международным отношениям, говоря о том, что твердая вера в общее предназначение земных благ требует, чтобы этот принцип применялся также к нациям, их территориям и ресурсам. Здесь у понтифика можно проследить достаточно либеральную философскую позицию, так как он рассматривает не только законность частной собственности, но и первичность общего назначения товаров, утверждая, что каждая страна также принадлежит и иностранцу, поскольку в товарах той или иной территории не должно быть отказано нуждающемуся человеку, прибывшему из другого места.

Это предполагает иной подход к пониманию отношений и обменов между странами. По мнению понтифика, если каждый человек обладает неотчуждаемым достоинством, если все люди – братья и сестры, и если мир действительно принадлежит всем, то родился ли сосед в одной стране или где-то ещё, страна также разделяет ответственность за его развитие, выполняя эту ответственность различными способами. Она может оказать щедрый приём тем, кто в нём остро нуждается, или работать над улучшением условий жизни на их родных землях, отказываясь эксплуатировать эти страны или истощать их природные ресурсы, поддерживая коррумпированные системы, препятствующие достойному развитию их народов. То, что относится к нациям, справедливо и для различных регионов внутри каждой страны, поскольку там часто существует слишком большое неравенство. Иногда, по мнению Франциска, неспособность признать равное человеческое достоинство заставляет более развитые регионы в некоторых странах думать, что они могут сбросить мертвый груз более бедных регионов и таким образом повысить свой уровень потребления.

* * *

Таким образом, обобщая позицию католической церкви по борьбе с пандемией и устройству мира после её исчезновения, можно сказать, что Ватикан не видит в COVID-19 нового кризиса, несущего в себе угрозу уничтожения человечества из-за невиданных до этого факторов. Все те вызовы, с которыми столкнулся мир с возникновением пандемии, являются объектом критики Святого Престола примерно с момента становления капитализма и либеральной политической философии. Коронавирус лишь демонстрирует несостоятельность тех тезисов, которые выдвигаются релятивизмом и философскими течениями, нацеленными на атомизацию человеческого общества.

В некоторых аспектах, безусловно, Франциск критикует капитализм с более кардинальных позиций, нежели его предшественники, и не видит в нём возможности достижения общего блага, являющегося краеугольным камнем като-

лической социальной доктрины. Его озабоченность вызывает не столько само распространение болезни, сколько отсутствие решимости государств работать совместно на пути её преодоления, неравномерность распределения доступа к вакцинации и эгоистическая безответственность отдельных членов социума. И причиной всему этому является массовая культура консюмеризма, насаждаемая крупными транснациональными корпорациями.

Что касается тех мер, которые Ватикан видит в качестве возможного пути преодоления кризиса, то они являются в достаточной степени классическими для социального учения католической церкви. Это два главных принципа – солидарность и субсидиарность, которые требуют, с одной стороны субъектности общества в целом, а не только составляющих его индивидов, а с другой – децентрализацию власти и действия в интересах общин, а не только национальных государств. Католическая церковь, построенная по принципу универсальности, не имеющая национальной привязки, традиционно выступала в роли одного из главных двигателей интеграционных процессов в самых разных частях света. И сегодня, в эпоху радикальных изменений в политических и партийных системах мира, в особенности Европы, она также настаивает на необходимости надгосударственной интеграции, видя в этом, в том числе, способ преодоления национализма, который исторически противопоставлял себя католицизму, в особенности в Германии и Италии.

Станет ли мир лучше или хуже, говоря языком Франциска, утверждать сложно. Однако с ним можно согласиться в том, что он точно не будет таким, как прежде, так как пандемия в действительности обнажила уязвимость тех институтов и систем, которые последние несколько столетий казались человечеству непререкаемыми. Тезисы о безальтернативном отмирании государства как способа организации человеческого социума стали мало реалистичными на фоне той масштабной мобилизации ресурсов, которую в состоянии осуществить исключительно государственная власть. Однако то, будет ли она в большей степени нацелена на достижение общего блага, либо будет движима краткосрочными политическими интересами, подталкивая эгоистичный консюмеризм и отстаивая интересы крупных корпораций – будет являться одним из главных вопросов, которые будут стоять перед человечеством после окончания пандемии.

Об авторе:

Генри Тигранович Сардарян – доктор политических наук, декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: sgp@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 322

Received: March 15, 2021

Accepted: May 10, 2021

The COVID-19 Pandemic in the Social Teaching of the Roman Catholic Church

G.T. Sardaryan

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-7-22](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-7-22)

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs

Abstract: The COVID-19 pandemic exposed the critical problems of the structure not only of the modern health system but also of the role of the state in managing socio-economic processes, government institutions, and their ability to ensure the safety and well-being of the population in conditions of the practical economic shutdown, self-isolation of citizens and ultra-high mobilization of state administrative resources to ensure a full-scale fight against the spread of the virus. Inherent human rights and freedoms were limited to effectively counter the coronavirus, which would have been difficult to imagine even a few months before the pandemic outbreak. Arguments about the gradual decline of the role of the state in the organization of the management of socio-economic processes against the background of the strengthening of civil society institutions also lost their significance, as only the state was able to organize a centralized mobilization of resources to counter the mass threat to public health. These questions lead to a revision of the traditional axiology of Western society, based on the primacy of individualism and the atomization of society – approaches that the Roman Catholic Church has traditionally opposed, which in its doctrine is based on the concept of the common good. As the world's largest confession, Catholicism retains its influence over a wide range of people in many of the leading countries of the modern West. The church's social doctrine is traditionally perceived, both by Catholics themselves and by various associations of citizens, as an ethical basis for organizing the life of society. The paper analyzes the development of the social doctrine of the Catholic Church after the outbreak of the pandemic in the context of both its perception of the coronavirus itself and the necessary measures to combat it and its position on the post-ovoid structure of the world. The Papal encyclicals, messages, and speeches, which reflect the official position of the Vatican, are of crucial importance. As a possible way to overcome the crisis, the Vatican offers the classic principles for the social teaching of the Catholic Church – solidarity and subsidiarity, which require, on the one hand, the subjectivity of society and the decentralization of power.

Keywords: Roman Catholic Church, Vatican, coronavirus, COVID-19, pandemic, subsidiarity, solidarity

About the author:

Henry T. Sardaryan – Doctor of Political Science, Dean of the Faculty of Management and Politics of MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 19454. E-mail: sgp@inno.mgimo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

- Burns G. 1994. *The Frontiers of Catholicism: The Politics of Ideology in a Liberal World*. Oakland, CA: University of California Press. 320 p.
- Ferrone V. 2014. *The Politics of Enlightenment: Constitutionalism, Republicanism, and the Rights of Man in Gaetano Filangieri*. New York: Anthem Press. 310 p.
- Finnis J. 2011. *Human Rights and Common Good: Collected Essays*. Oxford: Oxford University Press. 470 p.
- Jodock D. 2000. *Catholicism Contending with Modernity: Roman Catholic Modernism and Anti-Modernism in Historical Context*. Cambridge: Cambridge University Press. 360 p.
- Mattei R.D. 2004. *Pius IX*. Leominster: Gracewing Publishing. 224 p.
- McCool G.A. 1989. *Nineteenth-century Scholasticism: The Search for a Unitary Method*. New York: Fordham University Press. 301 p.
- Schuck M.J. 1991. *That They be One: The Social Teaching of the Papal Encyclicals, 1740–1989*. Washington, DC: Georgetown University Press. 237 p.
- Weiler J.H.H. 2003. *Una Europa Cristiana*. Madrid: Ediciones Encuentro Sa. 216 p.
- Andreev M.V. 1968. *Katolicizm i problemy sovremennogo rabocheho i nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya* [Catholicism and the Problems of the Modern Workers' and National Liberation Movement]. Moscow: Mysl'. 343 p. (In Russian)
- Berzin E.O. 1966. *Katolicheskaya cerkov' v Yugo-Vostochnoj Azii* [Catholic Church in Southeast Asia]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury «Nauka». 324 p. (In Russian)
- Bogomazov V.M. 2012. *Nravstvennost' i latinoamerikanskaya «teologiya osvobozhdeniya» v kontekste globalizatsii* [Morality and Latin American "Liberation Theology" in the Context of Globalization]. *Evroziya: duhovnye tradicii narodov*. №3. P. 68 – 79. (In Russian)
- Kanevskij K. 2003. *Sotsial'naya doktrina Katolicheskoy cerkvi* [Social Doctrine of the Catholic Church]. *Rossiyskaya yustitsiya*. №4. P. 69 – 72. (In Russian)
- Kanterov I.Ya. 1972. *Vatikan pod natiskom ateizma* [Vatican under the Onslaught of Atheism]. Moscow: Nauka. 151 p. (In Russian)
- Koval'skij N.A., Ivanova I.M. 1989. *Katolicizm i mezhdunarodnye otnosheniya* [Catholicism and International Relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 268 p. (In Russian)
- Krylov P.V. 2010. *Mir i vojna v «teologii osvobozhdeniya» i perspektivy rossijsko-latinoamerikanskikh otnoshenij* [Peace and War in the "Theology of Liberation" and Prospects for Russian-Latin American Relations]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*. 1(1). P. 184 – 197. (In Russian)
- Mchedlov M.P. 1964. *Pod svodami sobora sv. Petra* [Under the Arches of St. Peter's Basilica]. Moscow: Politizdat. 93 p. (In Russian)
- Mchedlov M.P. 1974. *Katolicizm* [Catholicism]. Moscow: Politizdat. 278 p. (In Russian)
- Onoprienko L.A. 2014. *Princip subsidiarnosti i ego otrazhenie v sotsial'noj doktrine Katolicheskoy cerkvi* [The Principle of Subsidiarity and its Reflection in the Social Doctrine of the Catholic Church]. *PolitBook*. №3. P. 178–192. (In Russian)
- Ovsienko F.G., Radugin A.A. 1977. *Novye tendentsii v katolicheskoy filosofii i teologii* [New Trends in Catholic Philosophy and Theology]. Moscow: Znanie. 64 p. (In Russian)
- Potashinskaya N.N. 1979. *Katolicheskaya cerkov' i rabochee dvizhenie v Italii* [The Catholic Church and the Labor Movement in Italy]. Moscow: Nauka. 255 p. (In Russian)

Potashinskaya N.N. 2012. Benedikt XVI i problema ekumenizma [Benedict XVI and the Problem of Ecumenism]. E.V. Belyakova, A.V. Nazarenko. *Religii mira: Istoriya i sovremennost'*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 659-689. (In Russian)

Rashkova R.T. 1989. *Vatikan i sovremennaya kul'tura* [The Vatican and Modern Culture]. Moscow: Politizdat. 416 p. (In Russian)

Rutkevich A.M. 2016. Rimskij katolicizm v istorii russkoj mysli [Roman Catholicism in the History of Russian Thought]. *Filosofskie nauki*. №2. P. 45–49. (In Russian)

Shejnmán M.M. 1975. *Katolicizm v menyayushchemsya mire* [Catholicism in a Changing World]. Moscow: Nauka. 161 p. (In Russian)

Velikovich L.N. 1967. *Krizis sovremennogo katolicizma* [The Crisis of Modern Catholicism]. Moscow: Nauka. 160 p. (In Russian)

Velikovich L.N. 1981. *Katolicizm v sovremenном mire* [Catholicism in the Modern World]. Moscow: Znanie. 64 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Андреев М.В. 1968. *Католицизм и проблемы современного рабочего и национально-освободительного движения*. Москва: Мысль. 343 с.

Берзин Э.О. 1966. *Католическая церковь в Юго-Восточной Азии*. Москва: Главная редакция восточной литературы «Наука». 324 с.

Богомазов В.М. 2012. Нравственность и латиноамериканская «теология освобождения» в контексте глобализации. *Евразия: духовные традиции народов*. №3. С. 68 – 79.

Великович Л.Н. 1981. *Католицизм в современном мире*. Москва: Знание. 64 с.

Великович Л.Н. 1967. *Кризис современного католицизма*. Москва: Наука. 160 с.

Каневский К. 2003. Социальная доктрина Католической церкви. *Российская юстиция*. №4. С. 69 – 72.

Кантеров И.Я. 1972. *Ватикан под натиском атеизма*. Москва: Наука. 151 с.

Ковальский Н.А., Иванова И.М. 1989. *Католицизм и международные отношения*. Москва: Международные отношения. 268 с.

Крылов П.В. 2010. Мир и война в «теологии освобождения» и перспективы российско-латиноамериканских отношений. *Научные труды Северо-Западного института управления*. 1(1). С. 184 – 197.

Мчедлов М.П. 1974. *Католицизм*. Москва: Политиздат. 278 с.

Мчедлов М.П. 1964. *Под сводами собора св. Петра*. Москва: Политиздат. 93 с.

Овсиенко Ф.Г., Радугин А.А. 1977. *Новые тенденции в католической философии и теологии*. Москва: Знание. 64 с.

Оноприенко Л.А. 2014. Принцип субсидиарности и его отражение в социальной доктрине Католической церкви. *PolitBook*. №3. С. 178–192.

Поташинская Н.Н. 1979. *Католическая церковь и рабочее движение в Италии*. Москва: Наука. 255 с.

Поташинская Н.Н. 2012. Бенедикт XVI и проблема экуменизма. Е.В. Белякова, А.В. Назаренко. *Религии мира: История и современность*. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 659-689.

- Рашкова Р.Т. 1989. *Ватикан и современная культура*. Москва: Политиздат. 416 с.
- Руткевич А.М. 2016. Римский католицизм в истории русской мысли. *Философские науки*. №2. С. 45–49.
- Шейнман М.М. 1975. *Католицизм в меняющемся мире*. Москва: Наука. 161 с.

Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений

А. Эльмурадов

Университет Билефельд, Билефельд, Федеративная Республика Германия

Статья сфокусирована на дискуссии о роли постколониальной мысли в развитии теории международных отношений. Находясь на пересечении множества дисциплин и направлений исследований, постколониальные теории предлагают широкий взгляд не только на культурное наследие колониализма и империализма как таковые, но и на более сложные и многогранные проблемы современности («колониальность власти», «геополитика знаний»), а также условия их возникновения. Постколониальные теории способствуют критическому переосмыслению евроцентрических нарративов, противодействуя телеологическим и линейным представлениям о современности. Несмотря на свою популярность, постколониальные исследовательские подходы проникли в теорию международных отношений довольно поздно. Обе области интеллектуального поиска развивались как по отдельности, так и противостоя друг другу в самой своей эпистемологической сути. На основе обзора обширной литературы автор исследует связи между производством постколониальных знаний и теорией международных отношений, тем самым освещая проблемы современной политической науки и международных исследований. Формирование интегративных подходов к изучению мировой политики позволит обеспечить консолидацию как политической науки, так и международных исследований и успешное взаимодействие этих областей знания.

Ключевые слова: постколониализм, колониальность, геополитика знаний, теория международных отношений, деколонизация

Постколониальные концепции возникли в рамках культурных исследований и были сосредоточены на выявлении социальных, культурных, политических и экономических последствий европейской колонизации. Постколониализм можно понимать как критический ревизионистский подход, который активно влиял на академические круги, начиная с 1960-х годов, в сочетании с другими контрдискурсами, такими как постструктурализм, афроамериканские исследования, исследования феминизма и гендерные исследования.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 27.05.2021 г.

Принята к публикации: 20.06.2021 г.

ния, исследования идентичности, языка, национализма, расизма, этнографии и антропологии.

С течением времени постколониализм вобрал в себя множество идей и концепций из самых разных дисциплин. Постколониализм можно рассматривать как «реакцию» на колониализм или отход от него, точно так же как постмодернизм является «реакцией» на модернизм: сам термин «постколониализм» укоренен в постмодернизме, с которым он разделяет часть понятий и подходов. Например, одним из центральных понятий постколониальной науки является бифокальный подход, направленный на анализ властных отношений и выработку нормативных стратегий противодействия или деколонизации доминирующих историографий, а также эпистемологических и онтологических допущений, основанных на европоцентристском опыте. Фокус внимания на этих компонентах характерен для большинства исследователей постколониализма, что формирует образ чего-то «большого, чем просто теория» (Chibber 2013: 2). Вместе с тем такой взгляд на постколониализм вызывает целый ряд вопросов: насколько его можно считать теорией как таковой, должны ли и могут ли в рамках постколониальных исследований выдвигаться конкретные методы и концепции (Smith 1999; Spivak 2003; Chandra 2013). По сути? постколониализм, вопреки тому смыслу, который несёт в себе суффикс «-изм», не может пониматься как цельная теория, так как объединяет в себе целое разнообразие концепций и взглядов, опирающихся на матрицу знаний и политико-социальную субъективность той или иной истории и культуры. Кроме того, постколониализм не является субстантивной теорией, теорией среднего уровня.

Множественность точек зрения обусловлена различными интерпретациями постколониальных условий, особенно при сравнении временных и пространственных факторов. Это многообразие контекстов, в которых (пере)конституируется «постколониальный субъект», порождает фундаментальную проблему: постколониальные и колониальные условия значительно варьируются по форме и содержанию в разные исторические периоды, а также в различных регионах земного шара. Однако, несмотря на попытки постколониальной критики объяснить эту сложность, понятие постколониализма часто трактуют через категорию исторической преемственности. Приставка «пост-» понимается как исторический маркер, требующий определения отправной точки в истории (Young 2001; Seth 2013) или ее конца (Dabashi 2012). Эдвард Саид, выдающийся постколониалист, утверждал, что Бандунгскую конференцию 1955 года можно условно считать отправной точкой «постколониального»¹, поскольку эта дата положила начало изменению типа имперской конфронтации, с которой пришлось стол-

¹ В этой связи стоит сослаться на основополагающую работу Кваме Нкрума, который исследовал проблему продолжающихся зависимостей в концепции неоколониализма (1966), и работу Франца Фанона, который концептуализировал психологические и социологические особенности доминирования в государствах, обретших независимость (Fanon 1963, 1967).

кнуться постколониальным государствам (Said 2003: 104). В постколониальной мысли линейные подходы проблематизируются по крайней мере двумя способами. Во-первых, они склонны упрощать разнообразие историй и культур ранее колонизированных людей, народов, обществ сквозь призму европейской темпоральности, содержащей в себе представления о «развитии» и «прогессе». Постколониальная критика демонстрирует, что более тонкое понимание того или иного социума может быть достигнуто путем смещения данного временно-го акцента, характерного для европейской мысли, в сторону пространственного разнообразия мировой политики. Идея «прогресса» явилась центральной для оправдания империализма и олицетворяла линейное, телеологическое развитие истории по европейским представлениям. С теми, кто не соглашался, оставались в «зале ожидания истории» (Chakrabarty 2000: 8). Во-вторых, постколониальная критика обращает внимание на, казалось бы, меняющийся характер мировой политики XXI века, а также состояние «глобальной колониальности». Несмотря на формальное прекращение прямого контроля, колониальные структуры продолжают обуславливать соотношение сил в глобальной политике, описанное как «империализм без колоний» (McClintock 1992: 89). Отмечается, что доказательства вины и ответственности все более перемещаются в неподдающуюся объективно обоснованным количественным оценкам ментальную и духовную сферу, где происходит «вживление» колониального способа мышления и навязываются западные парадигмы в образе жизни, системе ценностей, науке, литературе, театре, кино, моде и т.п. (Фитуни, Абрамова 2020: 30).

Различия подходов возникают и в связи со множеством толкований сути, измерений, проявлений и последствий колониальности. С течением времени авторские взгляды внутри постколониальных исследований разошлись, что привело к разночтению и противоречиям между постколониальной и деколониальной трактовками. Основное различие между ними состоит в том, что постколониальная теория в узком смысле чаще всего воспринимается как отражение типичного для европейской современности дуализма, тем самым воспроизводя состояние эпистемологической колониальности. Как пронизательно отмечает М. Тлостанова, представитель деколониальной теории на постсоветском пространстве, постколониальные исследования, по сути, есть перевод проблематики колониализма на понятный Западу язык. Иными словами, постколониализм часто попадает в ту же ловушку дихотомического мышления, которую постколониалисты сами осуждают, и пытается вырваться. Постколониальные исследования не меняют присущих модерности и фундаментальных для нее дискурсов прогресса и развития и не ставят под сомнение классической современной матрицы перевода географии в хронологию².

² Шенталь А. Мадина Тлостанова: «Колониальность переживает колониализм». URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (дата обращения: 09.05.2021).

Деколониальная трактовка, как сравнительно новое направление критического мышления, отличается от постколониализма тем, что радикально ставит под вопрос саму логику и систему современной матрицы знаний и дисциплинарности. Целью данной статьи, однако, не является оценка растущего академического поля постколониальных и деколониальных исследований со всеми их внутренними различиями. Следует отметить, что в более широком смысле оба подхода имеют одинаковое происхождение, несмотря на то, что они формулируют несколько разные цели и задачи. Постколониальная мысль – это перформативный способ критического ревизионизма, направленный на колониальное прошлое и оценивающий его современное наследие, также сосредотачивающийся на тех формах колониализма, которые появились в нынешнее время в контексте всё более глобального, но не полностью деколонизированного мира (Huggan 2013: 10). Это широкое определение, сформулированное Г. Хагганом, не только оспаривает европоцентрические нарративы, но и отвергает телеологические концептуализации в целом. Постколониализм в этом смысле можно понимать как традицию критического мышления, получившую развитие в выдающихся работах Э. Саида (1978), Г. Спивака (1988) и Х. Бхабхи (1994), которые затем легли в основу академических постколониальных исследований.

Таким образом, условно можно выделить две общие генеалогии в постколониальной мысли: это подходы, сфокусированные на *дискурсивном конструировании идентичностей субальтернов*, и подходы, подчеркивающие *социально-экономические и политико-эпистемологические условия постколониальных отношений*. Хотя между ними есть явно пересекающиеся черты, можно сказать, что эти генеалогии сформировали различные направления исследований. К первой группе относятся исследования вышеупомянутых Саида, Спивака и Бхабхи. Базируясь на постструктуралистских работах Фуко (Саид), Альтюссера, Лакана (Бхабха) и Дерриды (Спивак), их теория колониального дискурса в основном сосредоточилась на социальном воспроизводстве постколониальных представлений о субальтернах (Chaturvedi 2012). Вторая группа представлена менее известными авторами – представителями латиноамериканского мира: Анибал Кихано, Вальтер Миньоло, Альберто Морейрас, Энрике Дуссель, Фернандо Корониль, Рамон Гроссфогель и др. Считается, что с XVI века начинает формироваться общая структура «колониальности власти», воплощающая в себе идеи современности и прогресса, распространившаяся с развитием западного капитализма, формированием атлантических торговых путей и неолиберального рынка (Quijano 2000). Если на протяжении XVI-XIX веков колонизированные «Другие» были охарактеризованы как «люди без письма» и «люди без истории», то в XX веке они считались «людьми без развития», а к началу XXI века – «людьми без демократии». Таким образом, колониальность власти является скрытой, но неотъемлемой частью риторики модерности, так как ее замаскированная структура «соединяет формирование расы (расизма), контроль

труда (капиталистическую эксплуатацию), контроль государства и субъектности (в том числе и в гендерной сфере и сфере сексуальности), и, наконец, важнейший контроль над производством знаний, [...], создание западной монополии знаний в современной истории»³. Важным шагом на пути к становлению деколониальной критики внутри латиноамериканской школы стало развитие теории зависимости, «внутреннего колониализма», анализ проблем глобальных неолиберальных структур и их влияния со ссылкой на теорию мир-систем (Wallerstein 1979: 2004). По Миньоло, постколониальная критика непременно должна вбирать в себя взгляды на историю со стороны представителей «сообществ-молчунов», которые были отстранены от процесса геокультурного конструирования Нового Света. Он утверждает, что пока современность преподносится как «риторика спасения», за ней скрывается колониальность, логика угнетения и эксплуатации. В этой интерпретации капитализм и колониальность рассматриваются как аспекты одного и того же инструмента контроля над экономикой, гендером, сексуальностью, знанием и субъективностью (Mignolo 2000; Quijano 2000; Quijano 2007). Если принять, как утверждает Кихано, что современность и колониальность – две стороны одного и того же процесса (Quijano 2000), тогда все современные институты, включая высшее образование, должны были бы быть созданными в контексте колониальности. Иными словами, колониальный опыт является определяющим и для современных преобразований: производство и применение знаний, идей, труда, капитала и актуальных процессов имеет тенденцию поддерживать превосходство Запада над «отсталыми» регионами мира. Очевидно, что картина сложнее, чем описано такой широкой кистью критического жанра, но концепция колониальности довольно отчётливо описывает и, следовательно, способствует прослеживанию тончайших структурных аспектов, тенденций и протекающих трансформаций. Таким образом, идея колониальности проливает свет на тот факт, что основная динамика современности в мировой политике не обязательно универсализирует или уравнивает, но воспроизводит иерархически упорядоченный мир.

Оценка того, какие подходы и трактовки обеспечивают лучшее объяснение мировой политики – задача, которая выходит за рамки простого сравнения колониальной и деколониальной критики, поскольку требует исследования содержания понятия «мировой политики», а также лежащих в ее основе эпистемологических и онтологических допущений. Очевидно, что исследование этой сложной, многогранной, изменчивой области должно подразумевать критический разбор не только основных теорий международных отношений, но и осознание их ограничений, таких как зависимость от методологического национализма, применения конвенциональных категорий и рамок, претензии на уни-

³ Шенталь А. Мадина Тлостанова: «Колониальность переживает колониализм». URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (дата обращения: 09.05.2021).

версальность, построение «центричных» теорий. В этой связи важно переосмыслить роль постколониальной мысли в теории международных отношений как множества точек зрения, интерпретаций и подходов к вопросам идентичности, культуры и власти, которые разделяют общую озабоченность дискурсами и практиками колониализма и империализма и тем, как они продолжают проявляться в современной мировой политике. При этом необходимо переосмыслить значение существующих в интеллектуальном арсенале представлений о мировой политике и то, как они создаются. Важно не ограничиваться исследованием той или иной теории, сравнивать и противопоставлять, как это традиционно делается, а проблематизировать эпистемологию, основы познания, присущие производству знаний о мировой политике в теории международных отношений.

Геополитика знаний

Постколониальные исследования утверждают, что дискурс социальных наук современности находится в кризисе. Это наблюдение оказывает существенное влияние на производство знаний в эпоху глобализации, поскольку ставит под сомнение сами «основы знания». Следовательно, постколониальная критика ставит цель разрушить господствующие дискурсы «освобождающего разума» («razón liberadora»; Dussel 1994), воспроизводящие истины, основанные на европейском опыте. Таким образом, она нацелена на тщательное изучение понятий и концепций, принимающихся в качестве должных в общественных науках. В этом отношении ключевой проблемой является понятие «геополитики знаний». «Геополитика знаний» (*geopolitics of knowledge*) – это концепция деколонизальности, дискутируемая в основном среди латиноамериканских учёных. Согласно данной концепции, историческая экспансия западного капитализма подразумевала расширение западной эпистемологии во всех ее ответвлениях: от инструментального разума, сопровождавшего промышленную революцию и преподносившего в качестве риторики спасения, до стандартов науки, здравого смысла и т.п. (Dussel 1993, 1994; Mignolo 2002, 2003; Grosfoguel 2002). Постколониальная критика уделяет особое внимание различным проявлениям европоцентрического мышления в политических науках. Беглого взгляда достаточно, например, чтобы заметить, что траектория политической мысли в целом демонстрирует европоцентрическую тенденцию: будь то кантовский «вечный мир» как источник либеральной мысли и «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуямы (1992) как трансляция этой же кантовской логики, и представление о западном капиталистическом модерне как единственном жизнеспособном выборе для человечества (таких примеров множество). Более того, в повседневной академической лексике существует ряд широко распространённых категорий, понятий, подходов и методов («анархия», «несостоятельное государство», «негосударственные субъекты», «полевые исследования», «позитивизм»,

«рациональный выбор», «гражданское общество»), которые продвигаются как нейтральные и объективные категории/критерии универсального исследования, однако же, могут оказаться довольно проблематичными при более внимательном рассмотрении. С. Кавирадж описывает расхождения между понятиями современной европоцентрической политической лексики, с одной стороны, и социальными реалиями и условиями их возникновения в странах третьего мира, с другой: «Язык современной политики удивительно и обманчиво универсален. Куда бы мы ни шли в третьем мире мы встречаем социалистов, либералов, подозрительно большое количество демократов из всех разновидностей, националистов, федералистов и центристов. Тем не менее, в большинстве случаев их фактическое поведение существенно отличается от того, что мы обычно ожидаем с учетом давно установившихся значения этих терминов в западной политической и общественной мысли. Таким образом, при изучении политики в странах третьего мира мы сталкиваемся с серьёзным несоответствием между формулировками, описывающими это мир, и объектами, которые его населяют» (Kaviraj 2001: 289).

«Политическая лексика современности» непременно влияет на дискурс о социально-политических процессах становления в России и на постсоветском пространстве в целом. Несмотря на то, что в зарубежной литературе по теории международных отношений постколониализм достаточно хорошо изучен, а сам он превратился в одно из влиятельных направлений постпозитивистской парадигмы теории международных отношений, в российской международно-политической науке как сама школа, так и её изучение находятся в зачаточной форме. Попытка разобраться с историей и основными постулатами этой школы является одной из важнейших задач в контексте переосмысления «*политического*» на постсоветском пространстве. Исследование становления постсоветской Центральной Азии, например, по-прежнему в значительной степени основывается на устойчивых представлениях, которые навязывают старые образцы и прототипные модели, в которых понимание региона формируется его дискурсивным воспроизведением как «важный фактор стабильности/безопасности», «площадка» для сотрудничества/борьбы между «великими державами»; при этом игнорируя культурно-исторические условия возникновения местной специфики, социально-политическую субъектность (Elmuradov 2021). При этом примечательно, что сами ученые из Центральной Азии чаще всего оказываются пассивными получателями и воспроизводителями знаний, уходящих корнями в западную эпистемологию, нежели чем производителями новых, отличных точек зрения.

В. Морозов применяет постколониальную теорию к России, рассматривая ее как «субальтернативную империю». В своей новаторской книге «Постколониальная идентичность России: Субальтернативная империя в европоцентричном мире» автор «подталкивает» постколониальные и конструктивистские исследования к непростому диалогу, который демонстрирует напряженность и выявля-

ет многочисленные белые пятна в обоих подходах (Морозов 2015). Критический обзор существующей литературы позволил автору проанализировать, как положение России в международной системе обусловило её внутреннее развитие, как это, в свою очередь, привело к конкретным внешнеполитическим результатам. Приняв евроцентрическое мировоззрение, Россия тем не менее отличается от европейских стран: это различие определяется не культурой, а скорее неравномерным и комбинированным развитием глобального капитализма, в который Россия интегрирована как полупериферийная нация. Российское государство, колонизируя свою периферию, расширялось с запада в разные направления, но так и не смогло преодолеть экономическую и нормативную зависимость от западного мира. Своеобразная диалектика *подчиненного* и *имперского* в постсоветский период породила официальный дискурс, который основан на идее защиты «подлинно российских ценностей», хотя на самом деле за этим новым традиционализмом стоит всего лишь отрицание западной гегемонии (Морозов 2015).

Таким образом, постколониальная критика в теории международных отношений пытается разрушить представление о Европе как о единственном активном созидателе всемирной истории. Этот миф влечет за собой повествование о Европе как о современной и прогрессивной цивилизации на протяжении всей истории, что и привело к естественному возвышению её значимости в мире. Согласно этой идее, отсталость, по существу присущая «традиционным обществам» за пределами Запада, привела к логическому распространению «освобождающего разума» на глобальные периферии. Создание национальных государств в Европе и колониальное предприятие по созданию государств в остальном мире основано на этой идее, которая всё ещё сохраняет глубокие корни в мышлении о *международном, глобальном и мировом*. Два важных паттерна лежат в основе этих корней: антиисторический характер доминирующих теорий международных отношений и эпистемологический эссенциализм используемых категорий.

Практика теоретизации международных отношений не проявляет особого интереса к глобальной/транслокальной истории⁴ и вообще понятию историчности, поскольку история и историчность считаются не очень важными, если определяющей чертой международного порядка является предположение о трансисторической «анархии» или о государствах как «рациональных однородных единицах»⁵. Эпистемология не аисторична, она не может быть сведена к линейной истории от античного до современного производства знаний в Северной

⁴ В отличие от «всемирной истории», «глобальная история» относится к широкому кругу исследовательских подходов, которые обычно характеризуются растущим интересом к альтернативным концепциям пространства, выходящим за рамки методологического национализма и евроцентризма.

⁵ К. Уолтц пишет, что стойкий анархический характер международной политики объясняет поразительное сходство качества международной жизни на протяжении тысячелетий (Waltz 1979: 66).

Атлантике. Эпистемология должна быть пространственной по своей историчности. То, что антиисторическая концепция доминирующих теорий, таких как неореализм, рассматривает Вестфальскую систему в качестве отправной точки для теоретизации о *международном* в академических дебатах, является онтологическим и эпистемологическим препятствием для познания реальности (Ling 2002; Hobson 2007; Acharya, Buzan 2010). Неспособность оценить неоколониальные структуры и учесть постколониальный опыт в значительной степени проистекает из колониального наследия самой теории международных отношений (Inayatullah, Blaney 2004). Долгое время в системе общественных наук на Западе теория международных отношений была (и остается в той или иной форме) направлением для воспроизводства элиты, вовлечённой в проект поддержания империи или управления постимперскими отношениями. На протяжении второй половины XX века академические круги всё больше ратовали за деколонизацию и обеспечивали встречи интеллектуалов из колонизированного мира для разработки будущих идей и стратегий. Однако несмотря на радикальные изменения, связанные с деколонизацией, «освободительный разум» так и не был полностью устранен. В своей работе Инаятулла и Блейни предлагают не только убедительные эмпирические аргументы в пользу исключительных практик внутри и за пределами академических кругов, но также объясняют, что теория международных отношений в недостаточной мере учитывает культурные различия и незападный опыт. Построив абсолютные и объективные «стандарты», доминирующие теории стали парадигмальными, что в конечном итоге и порождает насилие ради «теоретической чистоты» (Inayatullah, Blaney 2004: 168). Это замечание Инаятуллы и Блейни напоминает острое наблюдение А. Тикнер о том, что «теория не отражает природу, а, скорее, ученые несут ответственность за преобразование природы в слова» (Tickner 2013: 630).

Серьезно относясь к роли временных и пространственных условий для производства знаний, критики выдвигают социально-исторический подход, предполагающий альтернативные прочтения. Например, вызов европоцентрическому нарративу был брошен в работе Д. Хобсона «Восточные истоки западной цивилизации». Отказываясь от европоцентризма, Хобсон проследит различные события в экономике, торговле и науке на протяжении более тысячи лет в различных регионах по всему миру. В частности, он описывает, каким образом Запад смог извлечь выгоду из активного взаимодействия с другими регионами и странами, такими как Китай, Индия, исламские империи и Африка (Hobson 2004). Стоит отметить еще одну книгу Д. Хобсона «Евроцентрическая концепция мировой политики», в которой подробно рассматриваются различные западные международные теории, возникавшие с 1760-х по 2010-е годы. Он разделяет общее наблюдение постколониальных исследований в том, что теории «не многое объясняют о международной реальности [...], но стремятся, часто неосознанно, продвигать Запад в качестве активного субъекта, высшего или идеального нормативного референта в мировой политике»

(Hobson 2012: 1). Примечательно, что не все теории международных отношений, отнесённые к европоцентрическим, «осознают» нормативный характер своих концепций (Hall, Hobson 2010; Jabri 2014).

Постколониальная критика проблематизирует не только антиисторический характер теорий международных отношений, но и используемые категории, понятия и концепции, принятые в качестве аксиом. Учёные разделяют убеждение, что эпистемологический эссенциализм должен подвергаться сомнению, потому что он реифицирует доминирующие структуры (Seth 2013, Ling 2014; Sabaratnam 2013, 2017). Согласно С. Сёну, построение государства за пределами Европы привело к становлению колониальной модерности в XVIII и XIX веках, а вместе с тем и распространению множества понятий европейского происхождения. Отношения между *гражданским обществом* и *государством*, которые считались естественными в Европе, не коррелировали с представлениями коренных народов, например, в Индии, и колониальное государство не пыталось учесть их при формировании собственных институтов (Sen 2002). В качестве другого примера стоит отметить работу А. Заракол «После поражения: как Восток научился жить с Западом», в которой автор рассматривает три «восточные» страны, потерпевшие крупные военные поражения: Турция после Первой мировой войны, Япония после Второй мировой войны и Россия после холодной войны. Один из выдвинутых аргументов заключается в том, что «внутренние нарративы «модернизации» после поражения как в Японии, в России, так и в Турции имеют поразительное сходство» (Zarakol 2011: 9): во всех случаях политические элиты успешно использовали этот нарратив, видя себя в качестве посредников между современным Западом и «отсталыми» обществами. Заракол указывает на нерелективный характер доминирующих теорий международных отношений, работающих с априорными предположениями о существовании системы национальных государств в глобальном масштабе (Zarakol 2011).

Декolonизация теории международных отношений

Открытым остается вопрос о том, внесла ли постколониальная критика равнозначный вклад в проблематизацию современных процессов мировой политики по сравнению с классическими парадигмами. На этот вопрос следует ответить, несомненно, утвердительно. Постколониализм, в конечном счете, предполагает пристальный взгляд на различные аспекты социальной жизни, включая опыт, ценности, историю. Как таковые постколониальные подходы могут также привлекать духовные, религиозные, трансцендентальные и западные философские концепции, которые часто могут трактоваться в качестве иррациональных или ненаучных в западных академических кругах (Shani 2007, 2008; Acharya 2011; Shilliam 2011; Ling 2014). При этом стоит признать и наличие определённых недостатков и ограничений: например, опора постколониальной мысли на постмодернизм и постструктурализм, а также на европейские спосо-

бы производства знаний (Dirlik 1994; Brown 1994). Постструктурализм и постмодернизм понимаются как «внутренняя» критика современности, в то время как постколониализм описывает особый способ критики со стороны Азии, Африки и Латинской Америки. Бинарные конструкции на онтологическом и эпистемологическом уровне, однако, все больше оспариваются в свете растущего взаимодействия между обществами по всему миру (Matin 2013).

Ряд учёных призывает переосмыслить в новом эпистемологическом свете основные парадигмы в теории международных отношений и критически, и всесторонне исследовать способ производства нового знания. Речь идёт и о развитии относительно новых областей, таких как «глобальная социология» (*Global Sociology*) и «глобальная история» (*Global History*) (Go 2016; Go, Lawson 2017). Деколониальная критика рассматривает эти призывы с точки зрения деколонизации различных областей исследования: деколонизация общественных наук должна выйти за рамки концепций внутри той или иной области и содержать направления неевропоцентричной критики, деколонизируя производство самого знания (Tlostanova 2019). Сказанное не означает, что деколонизацию производства знания следует понимать как представление контрдискурсов; скорее она понимается как продуктивный результат постколониальной критики, направленной на изменение значения норм и институтов в глобальном масштабе в соответствии с более справедливым и инклюзивным видением. В рамках теории международных отношений деколониальные подходы варьируются от незападных теорий до отдельных аналитических попыток оспорить эпистемологические и онтологические предположения существующих парадигм. Как утверждает С. Сет, «незападная теория международных отношений по-прежнему будет теорией международных отношений» (Seth 2013: 2). С другой стороны, активно дискутируется возможность консолидации китайской, индийской или латиноамериканской теории международных отношений (Tickner 2003; Chan, Moore 2009; Tickner, Wæver 2009; Acharya 2011). Большинство из этих новых подходов направлено на формулирование идей децентрализованного мира, представленной, например, в работе Д. Чакрабарты «Провинциализация Европы» (Chakrabarty 2000).

Необходимо подчеркнуть, что стратегии деколонизации должны учитывать широкий спектр факторов, среди которых находит место и размывание границ в контексте глобализации. С усилением последней, подстёгиваемой миграцией, *постколониальное* превратилось в «момент» глобального человеческого существования, не во временном смысле, а дискурсивно и аффективно, социально-экономически и т.д. Колониальность продолжает оставаться в этой новой глобальной среде неназванной, невысказанной движущей силой модернизации и рынка (Mignolo 2012: 220). В нынешних условиях научное сообщество нуждается в новом диалоге, значимость которого заключается в разработке стратегий деколонизации в рамках академической практики и научных исследований (Shilliam 2021). «Деколонизация» должна определять способы, которыми

среда знаний воспроизводит колониальные иерархии. Очевидно, что одним из важных факторов являются университеты и учебные программы. Как выглядят учебные планы? Какая литература/авторы/темы используются? В то время как одна модель образовательной среды рассматривает академиков как дарителей знаний студенческому сообществу, деколонизация учебных программ тем не менее означает создание пространства и ресурсов для диалога о том, что преподается, как это формирует наш мир.

Об авторе:

Азиз Эльмурадов, Факультет социологии, Университет Билефельд, 33501, X B2-218, Билефельд, Германия. E-mail: aziz.elmuradov@uni-bielefeld.de

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой поддержке Немецкого исследовательского фонда (DFG), «Мировая политика» № GRK 2225/1

UDC: 327
Received: May 27, 2021
Accepted: June 20, 2021

Postcolonial/Decolonial Critique and the Theory of International Relations

Aziz Elmuradov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38)

Bielefeld University, Bielefeld, Germany

Abstract: The article is devoted to the discussion of the role of postcolonial/decolonial critique and its contribution to the theory of international relations. Intersecting with multiple disciplines and area studies, the postcolonial/decolonial critique offers a broad view not only on the cultural heritage of colonialism/imperialism as such, but also on the more complex and multifaceted challenges facing international relations – the coloniality of power and geopolitics of knowledge – and conditions of their emergence.

Postcolonial/decolonial approaches foster critical engagement with Eurocentric narratives in social sciences, countering teleological or linear representations of modernity. Despite its importance, postcolonial/decolonial thought penetrated the theory of international relations rather late. The two fields of intellectual quest have developed not only separately, but they have often diverged in their very epistemological constitution. Based on a review of an extensive literature, the author explores the links between the production of postco-

lonial knowledge and the theory of international relations. Thus, the author illuminates the problems of modern political science and international studies, on the one hand, and on the other hand, emphasizes the need to make the theory of IR accessible to a variety of new global perspectives. The formation of integrative approaches in the study of world politics should provide a new consolidation of both political science and international studies and a productive interaction of these areas of knowledge.

Keywords: postcolonialism, coloniality, geopolitics of knowledge, theory of international relations, de-colonization

About the author:

Aziz Elmuradov – PhD, Research Associate, Faculty of Sociology, Bielefeld University, Research Training Group “World politics: The Emergence of Political Arenas and Modes of Observation in World Society” (RTG 2225/1). Universitätsstraße 25, Bielefeld, Germany, 33615. E-mail: aziz.elmuradov@uni-bielefeld.de

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests

Acknowledgements:

This study was financially supported by the German Research Foundation (DFG), World Politics No. GRK 2225/1

References:

- Acharya A. 2011. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West. *Millennium – Journal of International Studies*. 39(3). P. 619-637. DOI: 10.1177/0305829811406574
- Acharya A., Buzan B. 2010. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia*. London: Routledge. 256 p.
- Bhabha H.K. 1994. *The Location of Culture*. London: Routledge. 440 p.
- Brown C. 1994. “Turtles all the Way down”: Anti-Foundationalism, Critical Theory and International Relations. *Millennium – Journal of International Studies*. 23(2). P. 213-236. DOI: 10.1177/03058298940230020901
- Chakrabarty D. 2000. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 336 p.
- Chan S., Moore C. (eds.). 2009. *Approaches to International Relations: Vol. 4. Non-Western Approaches to International Relations*. London: SAGE.
- Chandra U. 2013. The Case for a Postcolonial Approach to the Study of Politics. *New Political Science*. P. 479-491.
- Chaturvedi V. (ed.). 2012. *Mapping Subaltern Studies and the Postcolonial*. London: Verso. 384 p.
- Chibber V. 2013. *Postcolonial Theory and the Specter of Capital*. London: Verso. 256 p.
- Dabashi H. 2012. *The Arab Spring: The End of Postcolonialism*. London: Zed. 296 p.
- Dirlik A. 1994. The Postcolonial Aura: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism. *Critical Inquiry*. 20(2). P. 328-356.
- Dussel E. 1993. Organization Studies and Epistemic Coloniality in Latin America: Thinking Otherness from the Margins. *Organization*. 13 (4). P. 463-488.

Elmuradov A. 2021. Uzbekistan between Modernity and Tradition: Subject and Symbolic Order, in C. Pierobon, N. Becker and S. Schlegel (eds.), *Central Asia after Three Decades of Independence. Politics and Societies between Stability and Transformation*. Baden-Baden: Nomos.

Fanon F. 1963. *The Wretched of the Earth*. Preface by Jean-Paul Sartre. New York: Grove. 251 p.

Fanon F. 1967. *Black Skin, White Masks*. New York: Grove. 186 p.

Fituni L.L., Abramova I.O. 2020. Politicheskaya teoriya dekolonizatsii: imperativy sovremennogo prochteniya (The Political Theory of Decolonization: The Imperatives of a Modern Reading). *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. 6. P. 26-40. (in Russian)

Fukuyama F. 1992. *The End of History and the Last Man*. Harmondsworth: Penguin.

Go J., Lawson G. (eds). 2017. *Global Historical Sociology*. Cambridge University Press. 310 p.

Go J. 2016. *Postcolonial Thought and Social Theory*. Oxford: Oxford University Press. 264 p.

Grosfoguel R. 2002. Colonial Difference, Geopolitics of Knowledge, and Global Coloniality in the Modern/Colonial Capitalist World-System. *Review Fernand Braudel Center*. 25(3). P. 203-224.

Hall M., Hobson J.M. 2010. Liberal International Theory: Eurocentric but not Always Imperialist? *International Theory*. 2(2). P. 210-245. DOI: 10.1017/S1752971909990261

Hobson J.M. 2004. *The Eastern Origins of Western Civilization*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 394 p.

Hobson J.M. 2007. Is Critical Theory Always for the White West and for Western Imperialism? Beyond Westphalian towards a Post-Racist Critical IR. *Review of International Studies*. 33(S1). P. 91-116.

Hobson J.M. 2012. *The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760-2010*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 392 p.

Huggan G. (ed.). 2013. *The Oxford Handbook of Postcolonial Studies*. Oxford: Oxford University Press. 752 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199588251.001.0001

Inayatullah N., Blaney D.L. 2004. *International Relations and the Problem of Difference*. New York: Routledge. 288 p.

Jabri V. 2014. Disarming Norms: Postcolonial Agency and the Constitution of the International. *International Theory*. 6(2). P. 372-390. DOI: 10.1017/S1752971914000177

Kaviraj S. 2001. In Search of Civil Society. In Kaviraj, S. Khilnani, S. (eds): *Civil Society: History and Possibilities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ling L.H.M. 2002. *Postcolonial International Relations: Conquest and Desire between Asia and the West*. Basingstoke, U.K.: Palgrave. 255 p.

Ling L.H.M. 2014. Decolonizing the International: Towards Multiple Emotional Worlds. *International Theory*. 6(3). P. 579-583. DOI: 10.1017/S175297191400030X

Matin K. 2013. Redeeming the Universal: Postcolonialism and the Inner Life of Eurocentrism. *European Journal of International Relations*. 19(2). P. 353-377. DOI: 10.1177/1354066111425263

McClintock A. 1992. The Angel of Progress: Pitfalls of the Term "Post-Colonialism." *Social Text*. 31/32. P. 84-98. DOI: 10.2307/466219

Mignolo W. 2000. *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 416 p.

Mignolo W. 2003. Globalization and the Geopolitics of Knowledge: The Role of the Humanities in the Corporate University. *Nepantla: Views from South*. Duke University Press. 4. P. 97-119.

- Mignolo W.D. 1993. Colonial and Postcolonial Discourse: Cultural Critique or Academic Colonialism? *Latin American Research Review*. 28(3). P. 120-134.
- Mignolo W.D. 2002. The Geopolitics of Knowledge and the Colonial Difference. *South Atlantic Quarterly*. 101(1). P. 57-96.
- Mignolo W.D. 2007. Delinking – the Rhetoric of Modernity, the Logic of Coloniality and the Grammar of De-Coloniality. *Cultural Studies*. 21(2-3). P. 449-514. DOI: 10.1080/09502380601162647
- Morozov V. 2015. *Russia's Postcolonial Identity: a Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London: Palgrave Macmillan. 217 p.
- Nkrumah K. 1965. *Neo-colonialism: The Last Stage of Imperialism*. New York: International Publishers. 280 p.
- Quijano A. 2000. Coloniality of Power and Eurocentrism in Latin America. *International Sociology*. 15(2). P. 215-232. DOI: 10.1177/0268580900015002005
- Quijano A. 2007. Coloniality and Modernity/Rationality. *Cultural Studies*. 21(2-3). P. 168-178. DOI: 10.1080/09502380601164353
- Sabaratnam M. 2013. Avatars of Eurocentrism in the criTique of the Liberal Peace. *Security Dialogue*. 44(3). P. 259-278
- Said E.W. 1978. *Orientalism*. New York: Pantheon. 368 p.
- Said E.W. 2003. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. London: Penguin. 432 p.
- Sen S. 2002. Uncertain Dominance: The Colonial State and Its Contradictions (with notes on the history of early British India). *Nepantla: Views from the South*. 3(2). P. 391-406.
- Seth S. 2013. *Postcolonial Theory and International Relations: A Critical Introduction*. London: Routledge. 216 p.
- Shani G. 2007. “Provincializing” Critical Theory: Islam, Sikhism and International Relations Theory. *Cambridge Review of International Affairs*. 20(3). P. 417-433.
- Shani G. 2008. Toward a Post-Western IR: The Umma, Khalsa Panth, and Critical International Relations Theory. *International Studies Review*. 10(4). P. 722-734.
- Shilliam R. (ed.). 2011. *International Relations and non-Western Thought: Imperialism, Colonialism and Investigations of Global Modernity*. London: Routledge. 288 p.
- Smith L.T. 1999. *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. London; Dunedin, New York: Zed Books; University of Otago Press. 220 p.
- Spivak G.C. 1988. Can the Subaltern Speak? In C. Nelson & L. Grossberg (eds.), *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana: University of Illinois Press. P. 271-313.
- Spivak G.C. 2003. *Death of a Discipline*. New York: Columbia University Press. 136 p.
- Tickner A.B. 2003. Hearing Latin American Voices in International Relations Studies. *International Studies Perspectives*. 4(4). P. 325-350.
- Tickner A.B. 2013. Core, Periphery and (Neo)Imperialist International Relations. *European Journal of International Relations*. 19(3). P. 627-646. DOI: 10.1177/1354066113494323
- Tickner A.B., Wæver O. (eds.). 2009. *International Relations Scholarship around the World*. New York: Routledge. 368 p.
- Tlostanova M. 2019. The Postcolonial Condition, the Decolonial Option and the Post-Socialist Intervention. In Albrecht M. (ed.), *Postcolonialism Cross-Examined: Multidirectional Perspectives on Imperial and Colonial Pasts and the Newcolonial Present*. Routledge. P. 165-178.
- Wallerstein I. 1979. *The Capitalist World-Economy*. New York: Cambridge University Press. 305 p.

Wallerstein I. 2004. *World-Systems ANALYSIS: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press. 128 p.

Waltz K. 1979. *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill. 250 p.

Young R.J.C. 2001. *Postcolonialism: An Historical Introduction*. Malden, MA: Blackwell. 512 p.

Zarakol A. 2011. *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 297 p. DOI: 10.1017/CBO9780511921421

Список литературы на русском языке:

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. 2020. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 26-40.

Диаспоры и вооружённые конфликты: не только «третья сторона»

И.Д. Лошкарёв

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается важный аспект современных диаспоральных исследований, связанный с функциональным статусом диаспор в современных вооружённых конфликтах. Конвенциональная точка зрения заключается в том, что диаспоры могут выступать только «третьей стороной» конфликта, которая либо способствует углублению существующих между противоборствующими сторонами противоречий, либо выступает в качестве посредника между ними. В теоретическом плане автор опирается на концепцию «новых» или сетевых войн и пытается продемонстрировать, что на структурном уровне современных мировых политических процессов формируются предпосылки для более активного вовлечения диаспор в вооружённые конфликты. Для того чтобы выявить структурные предпосылки для подобного вовлечения, автор обращается к анализу двух кейсов. Первый – это появление и функционирование в 1917-1918 гг. в России 1-го Польского корпуса, который был сформирован в условиях отрыва польского населения России от их территории происхождения в результате Первой мировой войны. Анализ документов показывает, что руководство корпуса вполне чётко уклонялось от политической подчинённости российским органам власти и сохраняло только военную подчинённость, исходя из того, что задача этого подразделения – участие в восстановлении польской государственности. Второй кейс – это генезис и эволюция «Секретной армии» генерала Ванг Пао в Лаосе в 1960-1974 гг. Это подразделение сыграло важную роль в Гражданской войне в Лаосе, поскольку сумело сдерживать натиск превосходящих сил фронта «Патет-Лао» и отрядов из Северного Вьетнама. Подобное длительное участие в боевых действиях стало возможным благодаря логистической и технической поддержке специальных служб США. Два данных кейса позволяют сделать вывод о наличии в предшествующие исторические периоды вооружённых подразделений с чётким диаспоральным компонентом, которые внесли определённый вклад в общую динамику противостояния между другими сторонами конфликта. Данный опыт полезен для анализа современных конфликтов с диаспоральным компонентом, особенно в условиях постепенного размывания силовых ресурсов в мировой политике. Участие диаспор в вооружённых конфликтах вне статуса «третьей стороны» связано с достижением ряда условий – как внутренних, так и внешних.

Ключевые слова: диаспоры, вооружённые конфликты, Ванг Пао, Довбор-Мусницкий, «Секретная армия», Польский корпус.

УДК: 323.113

Поступила в редакцию: 12.02.2020 г.

Принята к публикации: 06.04.2021 г.

В последние десятилетия в международно-политической науке сформировалось устойчивое убеждение, что диаспоры, в отличие от других акторов мировой политики, не могут обладать военно-политическими ресурсами влияния. Поскольку в международно-политической науке по-прежнему сильны традиции «методологического национализма», то есть представление о ведущей роли государств в мировых делах (Цыганков 2012: 31-33), этот тезис не вызывает особенных сомнений. По крайней мере, такое противопоставление было характерно для диаспоральных исследований: применение силы государствами ограничивает или даже исключает силовые действия диаспор.

С середины 90-х гг. XX столетия с появлением литературы о так называемых «новых» или «сетевых» войнах возник новый тезис о том, что диаспоры могут выступать посредниками или «третьими сторонами» в вооружённых конфликтах – будь то борьба с политическими режимами внутри государств (Arquilla 2001) или противостояние современных и архаичных методов ведения насильственной борьбы в целом регионе или в условиях распада государств (ван Кревельд 2015: 91-92). С этой точки зрения, роль диаспор в конфликтах по-прежнему второстепенная, хотя и не безобидная. Как отмечала М. Кэлдор, «оторванные от жизни на исторической родине диаспоры в развитых промышленных или богатых нефтью странах являются поставщиками идей, денежных средств и практических методов, тем самым навязывая другим свои собственные фрустрации и фантазии в ситуациях, которые зачастую требуют совсем иных подходов» (Кэлдор 2015: 41-42).

Тезис о диаспорах-«разжигателях конфликтов» в 90-е гг. стал особенно актуальным на фоне весьма наглядных ситуаций с участием диаспор – кровопролитного противостояния на территории бывшей Югославии, пограничных столкновений в Закавказье и острого конфликта между тамильским и сингальским населением на Шри-Ланке. Во всех этих случаях имел место факт внешней поддержки одной из конфликтующих сторон со стороны диаспор. Негативная роль диаспор объяснялась, прежде всего, невозможностью для этих мигрантских сообществ действовать через формальные механизмы разрешения споров (из-за отсутствия финансовых ресурсов или юридических оснований, а также из-за проблемных взаимоотношений с государствами происхождения или утратой такового). Одновременно подчёркивалось изменение роли средств коммуникации и появление возможностей для прямого и, главное, длительного общения с непосредственными участниками конфликта на территории происхождения, что стирает чёткие границы между внутренними и международными конфликтами (Adamson 2005; Demmers 2002; Koinova 2011). Интересно, что противостояния подобного рода, видимо, порождают новые конфликты, поскольку приводят к появлению беженцев и «беженских» соответствующих диаспор, менее настроенных на компромисс в борьбе с теми, кто стал причиной миграции этих беженцев (Lyons 2007).

Тезис о диаспорах-«разжигателях конфликтов» привёл к появлению алармистской гипотезы, что само наличие крупной диаспоры за рубежом может быть существенным риском для государств, которые недавно пережили внутренние и международные конфликты или же находятся в предконфликтной стадии политического развития (Gleditsch 2007). По заданию Всемирного Банка известный экономист П. Коллиер даже подсчитал, что наличие крупной диаспоры в США увеличивает вероятность возобновления конфликта на территории происхождения более чем на треть, а наличие диаспоры небольшого размера – всего на 6% (Collier 2000). Позже Коллиер собрал более крупную базу данных и сформулировал тезис более размыто: наличие диаспор любого размера в развитых странах «существенно» увеличивает вероятность конфликта (Collier 2004).

С середины 2000-х гг. стал получать всё большую популярность противоположный тезис о диаспорах-«подстрекателях мира». Дж. Берцович подчёркивал, что конфигурация вовлечения диаспор в вооружённые конфликты напрямую зависит не только от характеристик диаспор, но и от атрибутов (стадий) самого конфликта, что даёт множество возможных форм вовлечения – в том числе, конструктивных (содействие переговорному процессу, сопровождение постконфликтного урегулирования и так далее) (Bercovitch 2007: 23-34). Практика нового столетия дала немало примеров конструктивного участия диаспор в вооружённых конфликтах – в качестве примирителей враждующих кланов и инвесторов в развитие инфраструктуры в многолетней гражданской войне в Сомали (Horst 2013), переговорной площадки для формирования переходного правительства в Афганистане и дерадикализации христианских фундаменталистов в Уганде (Baser, Swain 2008).

Вероятно, диаспоры могут в качестве «третьей стороны» конфликта быть и «подстрекателями мира», и «разжигателями войн». Постепенно в исследованиях диаспор формируется понимание, что содержание и формы вовлечения в конфликты определяются, помимо прочего, географической дистанцией и ображениями по поводу безопасности территории происхождения (Van Hear 2017), темпоральными характеристиками идентичности и механизмами политической мобилизации внутри диаспор (Blinkerhoff 2008). Не менее важно, что есть различие и между самими диаспорами: например, так называемые безгосударственные диаспоры намного чаще вовлечены в конфликты как «разжигатели войн» (Baser 2015). Таким образом, для диаспор участие в конфликтах является результатом сложных внутренних процессов и изменений конъюнктуры политических процессов на территории происхождения (Roth 2015).

В этой связи вполне уместно задаться вопросом о том, ограничивается ли участие диаспор в вооружённых конфликтах только форматом «третьей стороны». Во-первых, это прямо следует из логики современных исследований, которые увязывают действия диаспор и внешнюю конъюнктуру: вполне вероятны ситуации, когда активность диаспор может выйти за рамки формата «третьей стороны». Во-вторых, реальность «новых войн» подразумевает не утрату госу-

дарством монополии на легитимное насилие, а рост доступа к инструментам насилия и увеличение числа попыток выйти за рамки легитимного насилия и принуждения к подчинению какому-либо политическому, в том числе международно-политическому порядку (Arquilla 2001). Иными словами, тезис о диаспорах как возможных основных участниках конфликтов (при соответствующих внешних условиях), строго говоря, не бросает вызов и не противоречит «методологическому национализму», во всяком случае, напрямую. Наконец, в-третьих, незначительный по масштабу выход за границы существующей научной ортодоксии (или «нормальной науки») не может рассматриваться как проблема, а скорее как точка поиска новых ответов на серьёзные теоретические вопросы (Кун 2003).

Именно эти соображения определили задачу и структуру настоящей статьи. Основная задача – показать, что участие диаспор не как «третьей стороны» в конфликте возможно не только теоретически, но и эмпирически. Для этого подробно разбираются и сравниваются два кейса – существование на территории России национальных польских корпусов в 1917-1918 гг. (с фокусом на 1-ый Польский корпус) и участие «Секретной Армии» генерала Ванг Пао в гражданской войне в Лаосе в 1960-1970 гг. Обращение к этим кейсам имеет и некоторое теоретическое значение, поскольку автор пытается продемонстрировать, что еще до эпохи «новых» или сетевых войн диаспоры вполне успешно выходили за рамки функционала «третьей стороны» вооружённого конфликта. Таким образом, можно найти условно «исходные» структурные предпосылки, при которых диаспоры могут вовлекаться в конфликты и становиться чем-то статусно большим, нежели «третья сторона».

1-ый Польский корпус – «вооружённая» диаспора в России?

Во время Первой мировой войны в России возникли так называемые национальные части – подразделения, сформированные по этническому признаку (украинские, чешские, латышские и так далее). Особенно бурное развитие этот вид воинских подразделений получил после Февральской революции, когда «обычные» части представлялись руководству страны и армии (не всем, безусловно) менее надежными, чем скрепленные «национальным чувством» части (Олейников 2016; Солнцева 2004).

Как известно, в марте 1917 г. Временное правительство принципиально согласилось на независимость Польши, хотя и отложило этот процесс до проведения Учредительного собрания. В таких условиях при поддержке властей (прежде всего, Временного правительства и Петроградского совета) стали формироваться сначала группы, а затем и представительские органы польской общины (Рачковский 2019). В конце мая – начале июня 1917 в Петрограде прошел съезд военнослужащих-поляков, на котором было представлено 52 местных союза военнослужащих. Этот съезд выбрал два органа (Польский Военный Испол-

ком и Центральный Исполком) – вместе эти органы образовывали «Начполь» (Главный польский военный исполнительный комитет). В функции Начполя входило, в том числе, руководство формированием польских военных частей¹.

В конце июня 1917 г. руководством российской армии при одобрении Начполя было принято решение о формировании 1-го Польского корпуса. Хотя корпус оставался подразделением российской армии, подчинялся в оперативном порядке Ставке Верховного Главнокомандования и получал соответствующее снабжение, цель данного подразделения была очевидной – подготовка к боевым действиям на польской территории с последующим провозглашением независимости Польши. В Приказе № 2 от 25 июля по корпусу командующий генерал-лейтенант Ю.Р. Довбор-Мусницкий выразился более чем четко (правда, документ был издан только на польском языке): «Наша заветная мечта близка к осуществлению. Русская революция могучим движением сбросила иго самодержавия, освободила польский народ от незаслуженного тяжкого гнета. В числе целей все продолжающейся войны провозглашено и подтверждено восстановление Польши и как первый шаг к осуществлению этого начато формирование крупной самостоятельной боевой единицы – Первого Польского Армейского Корпуса»².

Таким образом, к осени 1917 года на территории России (преимущественно в Могилевской губернии) существовала боевая единица, которая с политической точки зрения не подчинялась российским органам власти. Позднее началось формирование ещё двух польских корпусов на территории современной Украины, которое, однако, было прервано Октябрьской революцией. Конечно, армейские подразделения не стремились полностью подчиняться и Начполю, сказывались противоречия между восприятием реальности общественными организациями и кадровыми военными. Например, генерал Довбор-Мусницкий назначил на должности полковых или бригадных командиров только двоих из девяти предложенных Начполем кандидатов³. Тем не менее Начполь вполне успешно осуществлял координацию деятельности и пополнения польских частей, отстаивал интересы польских военных частей перед российскими органами власти.

К октябрю-ноябрю 1917 г. корпус Довбор-Мусницкого насчитывал до 30 тыс. солдат и офицеров. Всё это время корпус занимал нейтральную позицию по отношению к тем бурным событиям, которые происходили в России – Корниловское выступление, Октябрьская революция. Более того, генерал Довбор-Мусницкий по своей инициативе направил полковника Мосцицкого на оккупированную немцами территорию на переговоры с так называемым «Регентским советом» – номинальным органом управления Польшей (Zielinsky 2009: 43-44; Wrzosek 1967).

¹ ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1, д. 9, л. 9.

² ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1, д. 122, л. 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1, д. 18, л. 41. ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1, д. 122, л. 35.

Ситуация резко изменилась в декабре 1917 – январе 1918 г., когда у советской власти дошли руки до вопроса польских вооружённых формирований и польских партийно-политических органов. Новая Ставка Верховного главнокомандующего и командование Западного фронта потребовали передислокации частей 1-го Польского корпуса, предприняли попытки внедрить в нём соответствующие революционные институты (революционные комитеты, чтение лекций по текущему политическому моменту) и распустить некоторые подразделения. Более того, 17 января⁴ в Минске арестовали шестерых членов Начполя. На этом фоне остатки этого комитета (по крайней мере, его «киевская» часть) фактически уступили свои полномочия другому органу, который был тесно связан с партией польских социалистов («пидсудчиков»), то есть с политическими силами по другую сторону фронта (Miodowski 2008; Wrzosek 1967).

В этих непростых условиях командование корпуса пошло на открытый разрыв с советской властью: генерал Довбор-Мусницкий направил в Ставку ультиматум с требованием отменить все распоряжения о разоружении польских частей и о задержке перемещений частей к месту дислокации корпуса. Естественно, руководство Ставки и командование Западного фронта не собирались выполнять требование Довбор-Мусницкого к определённом им времени – 12 часов 00 минут 25 января 1918 г. Напротив, был издан приказ о разоружении корпуса и объявлении его командира вне закона. В ответ корпус занял Бобруйск и укрепился в нём, начались боестолкновения с отдельными отрядами Западного фронта. Бои шли с переменным успехом, но корпусу удалось занять Минск, где ранее находился штаб фронта (20 февраля) (Wrzosek 1967).

Все эти события происходили на фоне фактического отказа советской власти заключить мир с Германией и другими центральными державами (10 февраля), а 17 февраля 1918 г. началось наступление немецких войск. В таких условиях корпус пошёл на нестандартный шаг и 26 февраля заключил с представителями германского командования соглашение. Согласно этому документу Польский корпус признавался нейтральным вооружённым подразделением, которое временно сохраняло административный контроль над районом дислокации – Бобруйском и его окрестностями. (Miodowski 2008: 164-165). В дальнейшем командование корпуса объявило о своей лояльности Регентскому совету, то есть отказалось подчиняться немецкому командованию не только в военном смысле, но и в политическом (Zieliński 2009: 45-46).

История 1-го Польского корпуса поучительна не только с точки зрения того, какие формы и типы идентичности оказались достаточно востребованными в революционных событиях вековой давности, но и с диаспоральной точки зрения. Несмотря на то, что до Первой мировой войны значительная часть Польши входила в состав Российской империи, к польской диаспоре в России

⁴ Здесь и далее используются даты по новому стилю.

на тот период можно отнести немалое число поляков на территории бывшего Великого княжества Литовского и Курляндии, а также значительное число поляков, добровольно или недобровольно оказавшихся на окраинах империи (в Средней Азии, Сибири) (Заринов 2010: 23-24). В данном случае причисление к диаспоре возможно из-за несомненного ощущения коллективной травмы, возникшей в результате трёх разделов Польши и фактической ликвидации польской государственности более чем на столетний период. Это настроение передаёт, например, письмо штабс-капитана Г.П. Дембовецкого (апрель 1917 г.) о переводе его в национальную воинскую часть: «Выходец из Польши, я, как и мои предки, был вынужден служить российскому царю, как польскому королю. Теперь, когда Отчизна будет существовать самостоятельно, считаю своим долгом посвятить ей свои силы и жизнь»⁵. Более того, после ряда наступательных операций германских и австро-венгерских войск в 1915 г. Россия утратила контроль над польскими территориями, то есть поляки в России, поддерживающие друг с другом социальные, экономические, культурные и политические связи, и в формальном смысле слова стали диаспорой.

В рамках диаспоральных исследований история 1-го Польского корпуса важна тем, что при определённых условиях возникла вооружённая единица польской диаспоры. Это подразделение не только находилось в тылу действующих войск, но и приняло участие в боевых действиях, пусть недолго и с заведомо более слабым противником (сводные отряды революционно настроенных солдат российской армии). Более того, 1-й Польский корпус всегда имел или, во всяком случае, декларировал двойную подчинённость – военную (российской Ставке Верховного главнокомандования, а затем командованию германского Восточного фронта) и политическую (Начполю, а затем Регентскому совету). Наконец, заслуживает внимания тот факт, что 1-й Польский корпус как диаспоральная политическая единица не только вёл боевые действия и в январе 1918 г. открыто не подчинился непосредственному военному руководству, но и успешно заключил соглашение с представителями командования противника⁶.

Если рассматривать это факты с дескриптивной, а не нормативной точки зрения, то можно констатировать, что у корпуса Довбор-Мусницкого как диаспоральной единицы была определённая степень самостоятельности или, точнее, мирополитической акторности (Лебедева 2013). Этот тезис подтверждается не только формальной коммуникацией с другими общепризнанными акторами (в данном случае с Германией), но и существенной автономностью от других акторов (прежде всего, властей России). Более того, сами последствия деятельности корпуса Довбор-Мусницкого выходили за рамки политико-юридических границ одного государства, то есть имели как минимум транснациональный

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5111, оп. 1., д. 50, л. 13.

⁶ Справедливости ради, необходимо отметить, что уже в марте 1918 г. германское командование в одностороннем порядке начало пересмотр соглашения, а в мае корпус был расформирован.

(трансграничный) характер. В настоящее время диаспоральные вооружённые единицы вполне могут повторить опыт данного корпуса, хотя очевидно, что какого-либо признания со стороны общепризнанных акторов (главным образом, государств) добиться будет намного сложнее. Иными словами, диаспоральным политическим единицам, вероятно, будет сложнее сконцентрироваться в географически ограниченном пространстве, как это получилось в Могилевской губернии у корпуса Довбор-Мусницкого в 1917-1918 гг.

«Секретная армия» Ванг Пао – «вооружённая» диаспора в Лаосе?

Территория современного Лаоса исторически находилась под влиянием находившегося на севере Китая. Из южных областей Китая в Индокитай неоднократно переселяли различные неханьские этносы, столкнувшиеся с попытками ассимиляции. В XII-XIII столетиях из-за притеснений монгольской династии Юань район Юньнаньского нагорья покинули две крупных этнических группы – тайцы и лао⁷ (История Востока 2002: 580). Первое крупное государство лао называлось Лансанг – «Королевство миллиона слонов и белого зонта» (1353 – 1707), которое распалось на несколько княжеств. С середины XVIII столетия северные и центральные районы Индокитая, на которых поселились лао, постепенно подчинило себе тайской государство Сиам, а позднее – французские колонизаторы. Это подчинение во многом носило номинальный характер, особенно на левом берегу реки Меконг. В результате за несколько веков на территории современного Лаоса стабилизировалась сложная социальная структура, которая сохраняется до сих пор: на вершине социальной иерархии – земледельцы из этносов лао и тхай в пойменных равнинах (лао-лум), земледельцы и собиратели из мон-кхмерских народов (лао-тенг), населяющие холмистые местности, и небольшие горные этносы (лао-суонг) (История Востока 2004; Weightman 2011).

В XIX столетии в этот сложный политический и социальный контекст попали хмонги (мяо). Изначально этот этнос проживал в междуречье р. Хуанхэ и Янцзы, но за несколько тысячелетий китайцы (ханьцы) вытеснили его южнее р. Янцзы (современные провинции Сучуань, Гуйчжоу и Юньнань). Во времена династии Мин (XIV – XVII вв.) китайские власти в основном делали акцент на подчинении хмонгов, что и осуществлялось через назначение ханьцев местными администраторами. Затем при маньчжурской династии Цин (1644 – 1912) китайское государство сделало акцент на расселении хмонгов и активном переселении ханьцев на юг: чтобы снизить вероятность восстания, власти не пренебрегали не только этническими чистками, но и изощрёнными наказаниями – например, пожизненным запретом на выход из собственной деревни. Это

⁷ Родственный этим этносам народ шанов в этот же период переселился из Китая на территорию современной Мьянмы.

привело к серии крупных восстаний в XVIII – XIX столетиях, из-за подавления которых численность хмонгов сократилась в три-четыре раза (Vang 2008). Во время восстания 1795 – 1806 гг. началась первая волна миграции, в процессе которой несколько хмонгских деревень во главе со своими старейшинами переселилось на север современного Лаоса. Поскольку это были горные местности, хмонги автоматически оказались «лао-суонг», то есть в самом низу социальной иерархии. Постепенно хмонги расселись и в центральных районах Лаоса, но их статус уже не менялся (Vang 2008). Так на территории современного Лаоса появилась классическая диаспора, вынужденно переселившаяся из Китая и искавшая своё новое место в экономических и социальных отношениях «принимающего» общества⁸.

Формированию хмонгских вооружённых подразделений способствовали следующие факторы. Во-первых, важным фактором была политическая нестабильность в стране пребывания. В 1949 г. Лаос стал независимым государством (окончательно с 1954-го), что не снизило внутренних противоречий: на севере страны закрепились прокоммунистические силы (фронт «Патет-Лао»), в центре – французы, а затем американцы пытались укрепить «нейтральный» монархический режим, на юге активно действовали консервативные монархисты («роялисты»), выступавшие против нейтрализма и коммунизма. Пикантность ситуации состояла в том, что эти три основные противоборствующие силы возглавляли представители королевского дома⁹, которых король Саванг Ватханна практически безуспешно, но с буддистским терпением пытался объединить в общенациональный орган управления (Hamilton-Merritt 1993; Weightman 2011: 439).

Во-вторых, Индокитай стал одним из театров периферийного противостояния двух сверхдержав. Основной нерв противостояния в регионе между СССР и США находился во Вьетнаме, но по территории восточного Лаоса проходила «тропа Хо Ши Мина» – логистическая сеть, обеспечивавшая поставки прокоммунистическим повстанцам-вьетконговцам из Северного Вьетнама. То есть ситуация в Лаосе рассматривалась обеими сверхдержавами в более широком контексте: к середине 60-х гг. стала абсолютно нормальной ситуация, когда северовьетнамские подразделения помогали в наступательных операциях «Патет-Лао», а остановить их пыталась королевская армия при поддержке американской авиации (Webb 2016).

Именно в таких условиях майор лаосской королевской армии Ванг Пао¹⁰ в 1959 г. предложил использовать местные отряды самообороны из хмонгского

⁸ Низкий социальный статус хмонгов демонстрируют следующие цифры: к 1975 г. в Лаосе был один хмонг с ученой степенью, три депутата парламента, один министр, один адвокат Верховного суда (Yang 2003: 276).

⁹ Нейтралисты – принц Суванна Фума, роялисты – принц Бо Ум, коммунисты – принц Суфунавонг.

¹⁰ Ванг Пао был одним из немногих хмонгских офицеров лаосской армии, офицерским званием он был обязан рекомендациям французской колониальной администрации.

населения для борьбы с «Патет-Лао» и северовьетнамскими отрядами. Дело в том, что стратегическое значение для королевских войск и их противников получила так называемая долина Кувшинов (провинции Сиангкхуанг и Хуапхан), которая с северо-востока прикрывала столицу Вьентьян¹¹ и по которой проходил участок «Дороги Хо Ши Мина». На этой территории проживало большое число «лао-суонг», в том числе хмонгов. В тот момент американское посольство в Лаосе отвергло этот план (Webb 2016).

Ситуация изменилась в конце 1960 г., когда Пентагон и ЦРУ сделали ставку на поощрение партизанской борьбы против «Патет-Лао» и отрядов из Северного Вьетнама. В декабре состоялась встреча американских военных и лидеров хмонгских кланов, на которой стороны пришли к согласию о необходимости формирования хмонгских подразделений. Значительную роль в этих переговорах сыграл подполковник Ванг Пао – самый высокопоставленный хмонг в лаосской армии, которому было поручено возглавить новые формирования (Hamilton-Merritt 1993).

Уже к лету 1961 г. американские специалисты по партизанским операциям обеспечили поставки вооружения и начальную военную подготовку хмонгских бойцов (общей численностью до 7-9 тыс. человек). Их силы стали сопоставимыми с численностью отрядов «Патет-Лао» (19 тысяч человек). Несмотря на заключение Женевских соглашений (1962 г.) о нейтралитете Лаоса и гарантиях этого статуса, ЦРУ продолжило помогать подразделениям Ванг Пао и даже не вывело всех своих специалистов с территории Лаоса, в отличие от Пентагона. Именно американская спецслужба¹² стала основным контрагентом хмонгских отрядов (Webb 2016). Точно так же поступила и северовьетнамская сторона, которая демонстративно вывела из Лаоса 40 человек (из 7 тысяч). В результате столкновения «Патет-Лао», хмонгов, нейтралистов и королевских войск на севере страны продолжались, а с 1964 г. возобновились полномасштабные военные действия (Hamilton-Merritt 1993).

Именно с этого времени (и до 1974 г.) «Секретная армия» Ванг Пао была основным подразделением, которое вело борьбу с «Патет-Лао» и вьетнамскими отрядами на северо-востоке страны – в «Долине кувшинов». Преимущество хмонгских подразделений заключалось в том, что они могли вести боевые действия и в период сезона дождей, который начинается в июле. Повышенный до генерального чина, Ванг Пао опирался на поддержку клановых старейшин, а также активно использовал хмонгских беженцев из северных провинций для пополнения своих частей (около 200 тысяч хмонгов покинули занятые коммунистами районы). К 1967 г. численность солдат Ванг Пао достигала 20 тыс. человек (Hamilton-Merritt 1993: 177).

¹¹ В Лаосе в этот период также имелась «королевская столица» – город Луангпрабанг, расположенный севернее Долины Кувшинов.

¹² ЦРУ действовала в Лаосе под вывеской гражданской авиационной компании Air America.

Не вдаваясь в детали Гражданской войны в Лаосе, отметим, что постепенно «Патет-Лао» и северовьетнамским отрядам из-за численного превосходства удалось оттеснить «Секретную армию» из основной части «Долины кувшинов» и разгромить наиболее боеспособные части королевской армии. В случае с подразделениями Ванг Пао дополнительным фактором выступили межведомственные разногласия между Пентагоном, Госдепартаментом и ЦРУ, а также стратегически невыверенные операции по возвращению «священной» горы Фу Фа Чи в 1967-1969 гг.

В рамках курса на разрядку международной напряжённости СССР и США договорились о сворачивании конфликтов в Юго-Восточной Азии. В 1973 г. в Лаосе было заключено соглашение о прекращении огня между основными сторонами конфликта, началось формирование коалиционного правительства. В 1974 г. на фоне импичмента президента Р. Никсона США свернули все военные операции в Лаосе, а в 1975 г. фронт «Патет-Лао» окончательно взял власть в свои руки (Webb 2016). После этого значительная часть бойцов армии Ванг Пао и почти половина хмонгского населения Лаоса (всего – до 150 тыс. чел.) покинули страну, перебравшись сначала в Таиланд, а затем далее – по странам Европы и Северной Америки (Yang 2003: 277).

С точки зрения диаспоральных исследований, «Секретная армия» генерала Ванг Пао интересна тем, как стремительно внешние силы сумели перевести социальные и исторические различия в разряд политических: общины горных жителей Лаоса («лао-суонг») были поставлены перед выбором: или поддержка географически удаленного монархического режима в Лаосе, или несопротивление «Патет-Лао» и северовьетнамским войскам, которые вели свою деятельность в непосредственной близости. Диаспоральным общинам не свойственна революционность: диаспоры стремятся встроиться в существующее общество и извлекать выгоды из уже имеющейся и понятной социальной структуры, а не бороться за далеко не очевидные преобразования. Совершенно логично, что хмонгские общины собирателей и земледельцев в северном Лаосе сделали выбор в пользу статус-кво, а отсюда – достаточно стойкая поддержка клановыми лидерами усилий Ванг Пао и его мобилизационных кампаний.

Таким образом, «Секретная армия» также может претендовать на роль актора мировой политики. Во-первых, совершенно очевидны её контакты с зарубежными политическими игроками, пусть и неформальные. Эти контакты сложно описать как вариант патрон-клиентских отношений, поскольку потенциальный «клиент» в лице генерала Ванг Пао и его окружения часто игнорировал рекомендации ЦРУ, особенно в вопросах планирования операций, методов ведения боевых действий и коммуникации с формальными властями Лаоса. Во-вторых, результат этой деятельности имел значение не только для Лаоса, но и для Вьетнама и Таиланда (возможно, для всей Юго-Восточной Азии), то есть имел трансграничный характер.

В то же время необходимо выделить и уникальные особенности данного кейса. Хмонги изначально занимали низкое положение в социальной иерархии Лаоса и не могли ожидать от местных властей каких-либо радикальных перемен в этой иерархии. Это делало их предрасположенными к взаимодействию с внешними силами. Но и этого было недостаточно, поскольку внешние силы в свою очередь должны были иметь заинтересованность в конкретной стране и событиях, происходящих вокруг нее. Подобное совпадение внешней заинтересованности и внутренней предрасположенности в современных условиях встречается, по всей видимости, нечасто (сравнительно «свежий» пример – поддержка курдов Ирана Саудовской Аравией), что ограничивает возможности для тиражирования данного опыта в современных условиях.

Промежуточные результаты

Анализ событий вокруг 1-го Польского корпуса и «Секретной Армии» Ванг Пао позволяет предварительно сделать вывод о том, что участие диаспор было в качестве основных сторон конфликта, а не «третьих» сторон, которые занимают «разжиганием» противостояния или «подстреканием» к миру. Причём это возможно для конфликтов различного типа – от мировых войн (1-й Польский корпус) до партизанской борьбы в джунглях в рамках так называемого «опосредованного» (англ. *proxy*) конфликта сверхдержав.

Безусловно, у представленных ситуаций есть определённая специфика (см. табл. 1), которая заключается в разной степени вовлечённости внешних акторов, социально-экономических условиях функционирования диаспор, а также в особенностях политического режима и администрирования территорий (полуфеодальная парламентская монархия и переходная республика с зонами прямого военного управления). Эти параметры позволяют предположить, что вовлечение диаспор в конфликты в качестве одной из основных сторон возможно в условиях значительного ослабления институтов государственной власти: и в Лаосе 1960-1975 гг., и в России в 1917-1918 гг. наблюдалась либо начальная стадия гражданской войны, либо стадия устойчивого противостояния.

Таблица 1. Сравнение двух кейсов

Table 1. The comparison of cases.

	1-й Польский корпус	«Секретная армия»
Ведение боевых действий	Да, недолго	Да, более 10 лет
Военное подчинение руководству вооружённых сил страны пребывания	Да, формально	Да, формально
Наличие руководящего политического диаспорального органа	Да	Нет
Вовлечение в формирование подразделения политических сил (партий, движений)	Да	Нет
Вовлечение спецслужб в формирование подразделения	Нет	Да

	1-й Польский корпус	«Секретная армия»
Тип конфликта, в котором приняло участие подразделение	Межгосударственный конфликт («мировая война»)	Опосредованный (<i>проху</i>) внутригосударственный конфликт
Цель подразделения	Самосохранение и восстановление государственности на территории происхождения	Улучшение статуса хмонгов в стране пребывания
Наличие гражданской войны в стране пребывания	Да	Да

Проанализированные кейсы дают несколько амбивалентный ответ насчёт длительности участия в конфликтах «вооружённых» диаспор или диаспоральных воинских подразделений. Очевидно, это напрямую зависит от поставок вооружений и возможности восполнять потери наличного состава, что для диаспор означает необходимость поиска внешних союзников (общественных объединений, сверхдержав, спецслужб). Однако и по этим показателям приведённые кейсы различаются: «Секретная армия» Ванг Пао в политическом смысле опиралась на традиционную клановую структуру хмонгов и не имела чётко выраженной идеологической окраски, в то время как 1-й Польский корпус пользовался поддержкой польских политических сил (как внутри России, так и вне её – о чём свидетельствуют контакты командования с «пилсудчиками» и Регентским советом). Кроме того, 1-й Польский корпус уклонялся от политической подчинённости сверхдержавам (Россия, Германия), в то время как «Секретная армия» опиралась на помощь ЦРУ и чётко ориентировалась на США, игнорируя даже многие внутрилаосские политические расклады.

* * *

В современных реалиях сетевых и «новых» войн, когда доступ к насилию (необязательно – к легитимному насилию) стал заметно шире, диаспоры вполне могут стать тем классом акторов мировых политических процессов, который будет играть более активную роль в вооружённых конфликтах – как внутригосударственных, так и межгосударственных. В современной политической науке пока нет ответа на вопрос, какова вероятность такого сценария. Поэтому существующая научная дискуссия о диаспорах как «разжигателях конфликтов» или «подстрекателях мира» нуждается в дополнительном осмыслении с точки зрения того, как вообще устроены современные вооружённые конфликты, какое место в них занимают диаспоры и сходные культурные и расовые социетальные единицы.

Безусловно, два проанализированных кейса закладывают основу для дальнейшего сбора данных о конфликтах с диаспоральным компонентом. В то же время сравнительный анализ вполне чётко указывает направление дальнейших поисков, а именно изучение взаимосвязи диаспор и гражданских войн, то есть распада государства как вестфальского суверена. Кроме того, перспективным направлением, исходя из сравнения, остается анализ взаимосвязи военных ин-

ституты и институты диаспорального представительства (с фокусом на парамилитарные и сходные по функциям подразделения).

Безусловно, данные кейсы объединяет также сравнительно слабая связь с территориями происхождения. В частности, у Польского корпуса не было физической возможности обеспечить что-либо, кроме эпизодического обмена информацией с отдельными политическими кругами за линией фронта. А у «Секретной армии» связь с территорией происхождения была потеряна в результате жёсткой ассимиляционной политики имперского Китая. Вряд ли можно утверждать, что такой характер связи с территориями происхождения ведёт к росту агрессивности диаспор. В то же время очевидно, что фактор оторванности устраняет один из сдерживающих механизмов в политическом поведении диаспор, в том числе в рамках вооружённого конфликта. Таким образом, анализ конфликтов с диаспоральным компонентом также нуждается в сбалансированном рассмотрении внутренних и внешних условий вовлечения диаспор в конфликты, связанных как с особенностями формирования самих диаспор, так и с государствами-участниками конфликтов.

Об авторе:

Иван Дмитриевич Лошкарёв – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политической теории, научный сотрудник Центра исследований политических элит Института международных исследований МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, Москва, 119454.

E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 323.113

Received: February 12, 2020

Accepted: April 06, 2021

Diasporas and Armed Conflicts: beyond Being “Third Party”

I.D. Loshkariov

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-39-56](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-39-56)

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs

Abstract: The article discusses an essential dimension of modern diaspora research related to the functional status of diasporas in contemporary armed conflicts. The conventional point of view is that diasporas can only act as the “third party” of the conflict by either con-

tributing to the deepening of the contradictions between the opposing parties or acting as an intermediary between them.

In theoretical terms, the author relies on the concept of "new" or network wars (netwars) and tries to demonstrate that there are the prerequisites for more active involvement of diasporas in armed conflicts at the structural level of modern world political processes. To identify the structural requirements for such participation, the author turns to the analysis of two cases.

The first case is the emergence and functioning of the 1st Polish Corps in 1917-1918 in Russia, which was formed when the Polish population of Russia was separated from their territory of origin as a result of the First World War. An analysis of the documents shows that the leadership of the corps quite clearly evaded political subordination to the Russian authorities and retained only military subordination, implying that the task of this unit was to participate in the restoration of Polish statehood.

The second case is the genesis and evolution of the "Secret Army" of General Wang Pao in Laos in 1960-1974. This unit played an essential role in the Civil War in Laos, as it managed to restrain the onslaught of the superior forces of the Patet Lao Front and troops from North Vietnam. Such long-term participation in hostilities was made possible thanks to US special services' logistical and technical support.

The two case studies allow us to conclude that there were armed units in previous historical periods with a clear diaspora component: they made a significant contribution to the overall dynamics of the confrontation between major parties to the conflict. This experience helps analyze contemporary conflicts with the diaspora component, especially in the context of the gradual erosion of power resources in world politics. The participation of diasporas in armed conflicts outside the "third party" framework is associated with the achievement of several conditions, both internal and external ones.

Keywords: diasporas, armed conflicts, Wang Pao, Dovbor-Musnitsky, Secret Army, Polish Corps.

About the author:

Ivan D. Loshkaryov – Ph.D. in Political Science, senior lecturer in the Department of Political Theory, a researcher at the Center for the Study of Political Elites, Institute of International Studies MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia, 76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454.
Email: ivan1loshkariov@gmail.com

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

- Adamson F.B. 2005. Globalization, Transnational Political Mobilisation, and Networks of Violence. *Cambridge Review of International Affairs*. 18(1). P. 31-49. DOI: 10.1080/09557570500059548
- Arquilla J., Ronfeldt D. 2001. *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*. Rand Corporation. DOI: 10.2307/20033106
- Baser B., Swain A. 2008. Diasporas as Peacemakers: Third Party Mediation in Homeland Conflicts. *International Journal on World Peace*. 25(3). P. 7-28. DOI: 10.2307/20752844
- Baser B. 2015. *Diasporas and Homeland Conflicts: A Comparative Perspective*. London: Ashgate.
- Bercovitch J. 2007. Diasporas and Conflict Resolution. Smith H., & Stares P.B. *Diasporas in Conflict: Peace-Makers or Peace-Wreckers?* Tokyo: United Nations University. P. 17-38.

Brinkerhoff J.M. 2008. Diaspora Identity and the Potential for Violence: toward an Identity-Mobilization Framework. *Identity: an International Journal of Theory and Research*. 8(1). P. 67-88. DOI: 10.1080/15283480701787376

Collier P., Hoeffler A. 2004. Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers*. 56(4). P. 563-595. DOI: 10.1093/oep/gpf064

Collier P. 2000. Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy. Washington, DC: World Bank. URL: https://siteresources.worldbank.org/DEC/Resources/economic_causes_of_civilwar.pdf (accessed 1.06.2021)

Demmers J. 2002. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics. *Javnost-The Public*. 9(1). P. 85-96.

Gleditsch K.S. 2007. Transnational Dimensions of Civil War. *Journal of Peace Research*. 44(3). P. 293-309. DOI: 10.1177/0022343307076637

Hamilton-Merritt J. 1993. *Tragic Mountains: The Hmong, the Americans, and the Secret Wars for Laos, 1942-1992*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Horst C. 2013. The Depoliticisation of Diasporas from the Horn of Africa: From Refugees to Transnational aid Workers. *African Studies*. 72(2). P. 228-245. DOI: 10.1080/00020184.2013.812881

Koinova M. 2011. Diasporas and Secessionist Conflicts: the Mobilization of the Armenian, Albanian and Chechen Diasporas. *Ethnic and Racial Studies*. 34(2). P. 333-356. DOI: 10.1080/01419870.2010.489646

Lyons T. 2007. Conflict-Generated Diasporas and Transnational Politics in Ethiopia: Analysis. *Conflict, Security & Development*. 7(4). P. 529-549. DOI: 10.1080/14678800701692951

Roth A. 2015. The Role of Diasporas in Conflict. *Journal of International Affairs*. 68(2). P. 289-301. URL: <https://blogs.cuit.columbia.edu/jia/files/2015/05/The-Role-of-Diasporas-in-Conflict.pdf> (accessed 1.06.2021)

Van Hear N., Cohen R. 2017. Diasporas and Conflict: Distance, Contiguity and Spheres of Engagement. *Oxford Development Studies*. 45(2). P. 171-184. DOI: 10.1080/13600818.2016.1160043

Vang T.S. 2008. *A History of the Hmong: from Ancient Times to the Modern Diaspora*. Morrisville: Lulu Press.

Webb B.G. 2016. *The Secret War in Laos and General Vang Pao 1958-1975*. Xlibris Corporation.

Weightman B.A. 2011. *Dragons and Tigers: a Geography of South, East, and Southeast Asia*. 3rd ed. New York: Wiley & Sons.

Yang K. 2003. Hmong diaspora of the post-war period. *Asian and Pacific Migration Journal*. 12(3). P. 271-300.

Cygankov P.A., Ul'rih B. 2012. Preodolevaya «Metodologicheskij nacionalizm»: iz besedy PA Cygankova i U. Beka [Overcoming «Methodological Nationalism»: from a conversation between PA Tsygankov and W. Beck]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. №.5. P. 28-34. (In Russian)

Istoriya Vostoka. 2002. V 6 t. T. 2. *Vostok v srednie veka* [The East in the Middle Ages]. Gl. redkol.: R.B. Rybakov (pred.) i dr.; [Otv. red. L.B. Alaev, K.Z. Ashrafyan]. Moscow: Vost. lit. (In Russian)

Istoriya Vostoka. 2004. V 6 t. T. 4. *Vostok v novoe vremya (konets XVIII — nachalo XX v.)* [The East in Modern Times (Late 18 — Early 20 Century.)]: Kn. 1. Gl. redkol.: R.B. Rybakov (pred.) i dr. Otv. red. L.B. Alaev i dr. Moscow: Vost. lit. (In Russian)

Kaldor M. 2015. *Novye i starые vojny: organizovannoe nasilie v global'noy epokhu* [New and Old wars: Organized Violence in the Global Era]. Per. s angl. A. Appolonova, M. Dondukovskogo. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russian)

Krevel'd van M. 2015. *Transformaciya vojny* [The Transformation of War]. Per. s angl. 2-e izd. Moscow: IRISEN, Socium. (In Russian)

Kun T. 2003. *Struktura nauchnyh revolyucij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Per. s angl. Moscow: ООО «Izdatel'stvo ACT». (In Russian)

Lebedeva M.M. 2013. Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya [Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(28). P. 38-42. (In Russian)

Olejnikov A.V. 2016. Nacional'nye voinskie formirovaniya Russkoj armii Pervoj Mirovoj vojny [National Military Formations of the Russian Army of the First World War]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*. №3. P. 18-26. (In Russian)

Rachkovskij V.A., Fedorov M.V. 2019. Fevral'skaya revolyuciya v Rossii i pol'skij vopros [The February Revolution in Russia and the Polish Question]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 64(3). P. 874-889. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.304 (In Russian)

Solnceva S.A. 2004. 1917: kadrovaya politika revolyucii v rossijskoj armii [1917: Personnel Policy of the Revolution in the Russian Army]. *Otechestvennaya istoriya*. №3. P. 102-111. (In Russian)

Zarinov I.Yu. 2010. *Polyaki v diaspole. Sravnitel'naya karakteristika etnicheskoj istorii pol'skih diaspor v Rossii, SSHA i Brazilii* [Poles in the Diaspora. Comparative characteristics of the ethnic history of Polish Diasporas in Russia, the United States, and Brazil]. Moscow: IEA RAN. (In Russian)

Список литературы на польском языке:

Miodowski A. 2008. Uwarunkowania polityczno-wojskowe procesu demobilizacji korpusów polskich w Rosji w 1918 r. *Białostockie Teki Historyczne*. №6. S. 157-175. DOI: 10.15290/bth.2008.06.08 (In Polish)

Wrzosek M. 1967. Konflikt Korpusu generała Dowbor-Muśnickiego z władzą radziecką (listopad 1917-luty 1918). *Przegląd Historyczny: dwumiesięcznik naukowy*. 58(4). S. 648-663. (In Polish)

Zieliński Z. 2009. Znaczenie polityczne i wojskowe I-go Korpusu Polskiego gen. Józefa Dowbor-Muśnickiego w odzyskaniu niepodległości przez Polskę. *Niepodległość i Pamięć*. №29. S. 41-52. (In Polish)

Список литературы на русском языке:

Заринов И.Ю. 2010. *Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии*. Москва: ИЭА РАН.

История Востока. 2002. В 6 т. Т. 2. *Восток в средние века*. Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; [Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян]. Москва: Вост. лит.

История Востока. 2004. В 6 т. Т. 4. *Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.)*: Кн. 1. Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др. Отв. ред. Л.Б. Алаев и др. Москва: Вост. лит.

- Калдор М. 2015. *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху*. Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. Москва: Изд-во Института Гайдара.
- Кревельд ван М. 2015. *Трансформация войны*. Пер. с англ. 2-е изд. Москва: ИРИСЭН, Социум.
- Кун Т. 2003. *Структура научных революций*. Пер. с англ. Москва: ООО «Издательство АСТ».
- Лебедева М.М. 2013. Акторы современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(28). С. 38-42.
- Олейников А.В. 2016. Национальные воинские формирования Русской армии Первой Мировой войны. *Военно-исторический журнал*. №3. С. 18-26.
- Рачковский В.А., Федоров М.В. 2019. Февральская революция в России и польский вопрос. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 64(3). С. 874–889. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.304
- Солнцева С.А. 2004. 1917: кадровая политика революции в российской армии. *Отечественная история*. №3. С.102-111.
- Цыганков П.А., Ульрих Б. 2012. Преодолевая «Методологический национализм»: из беседы ПА Цыганкова и У. Бека. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. №5. С. 28-34.

Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза

Ю.В. Боровский, О.В. Шишкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье представлено исследование, посвящённое анализу подходов Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского союза (ЕС) к обеспечению энергетической безопасности с позиций конструктивизма. Основная цель исследования состояла в том, чтобы установить, были ли секьюритизированы вопросы энергоснабжения в ходе европейской интеграции и, если да, то каковы были черты этого процесса. В научной литературе пока нет однозначного и исчерпывающего ответа на этот вопрос, который бы охватывал всю историю ЕЭС и ЕС. В ходе работы была использована обширная документальная база, размещённая на порталах ЕС. Авторам удалось установить, что в рамках европейской интеграции секьюритизация энергоснабжения является продолжительным, поступательным процессом, оформившимся в конце 1973 г. и продолжающимся по настоящее время. В его центре находится проблема зависимости стран-членов ЕЭС/ЕС от импортных энергоносителей, рассматриваемая через призму надёжности поставок, ценовой приемлемости и (с 2000-х гг.) экологической устойчивости. Авторы выделили две волны секьюритизации энергоснабжения в ЕЭС/ЕС. Первая охватила 1970-1990-е гг., вторая – 2000-2010-е гг., которые оформились под воздействием ряда триггеров. В первом случае ими стали нефтяное эмбарго арабских стран ОПЕК и в целом мировой нефтяной кризис 1973–1974 гг., несколько позже – очередной мировой нефтяной кризис 1979-1980 гг., случившийся из-за Исламской революции в Иране. Во втором случае триггерами послужили российско-украинские газовые споры 2006 и 2009 гг., а также резкое ухудшение российско-украинских отношений в 2014 г. Главным «актором секьюритизации» энергоснабжения в ЕЭС/ЕС всякий раз была Комиссия, хотя во время второй волны такую же функцию пытались выполнять Европарламент, отдельные страны ЕС и США. В роли «аудитории», призванной реагировать на алармистские призывы «акторов секьюритизации», неизменно выступали страны ЕЭС/ЕС, чьи интересы отражены в таких институтах, как Европейский совет и Совет ЕС. Выводы проведённого исследования могут быть полезными для глубокого, научно обоснованного понимания энергетической политики ЕС (в том числе в отношении России), а также прикладного применения конструктивистской концепции секьюритизации.

Ключевые слова: секьюритизация, энергоснабжение, энергетическая безопасность, энергетическая политика, Европейский союз, ЕС, Европейское экономическое сообщество, ЕЭС, Россия.

УДК: 339.923

Поступила в редакцию: 11.11.2020 г.

Принята к публикации: 15.04.2021 г.

Трудно оспорить приоритетный характер вопросов энергоснабжения для Европейского союза (ЕС) и для Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Однако с научной точки зрения важно установить, произошла ли секьюритизация энергоснабжения в ходе европейской интеграции и, если да, то когда это случилось, и в чём это выражалось. Как следствие, главная цель настоящего исследования заключается в рассмотрении подходов ЕЭС и ЕС к обеспечению энергетической безопасности в рамках конструктивистской теории (Buzan, Wæver 2003; Buzan, Hansen 2009). Последняя обладает большой объяснительной силой, поскольку позволяет понять, почему определённые явления начинают восприниматься в терминах безопасности.

Некоторые исследователи отчасти уже работали на данном направлении (Claes 2019; Godzimirski, Novak 2019; Heinrich 2019; Judge, Maltby 2017; Natorski, Herranz Surrallés 2008; Szulecki 2020; Szulecki, Westphal 2019), но, по нашему мнению, проблема требует дальнейшей проработки и актуализации, так как в отечественной литературе наблюдается явный дефицит внимания к энергетической политике ЕЭС. Мы считаем, что именно работа с обширной документальной базой, размещённой на порталах ЕС, позволит не только глубже рассмотреть процесс зарождения и развития энергетической политики в ходе европейской интеграции, но и сделать выводы о процессе её секьюритизации.

Конструктивистская концепция секьюритизации и безопасность энергоснабжения

Согласно положениям конструктивизма, безопасность энергоснабжения, как и любая другая область и проблема международной среды, является в значительной степени социальным конструктом или продуктом субъективной интерпретации действительности конкретными участниками международных отношений (Buzan, Wæver 2003). Этот подход явно контрастирует с другими ведущими парадигмами теории международных отношений – реализмом и либерализмом, которые опираются главным образом на определённый набор объективных предпосылок и характеристик, неизменно свойственных международной системе и её участникам (Morgenthau, Thompson, Clinton 2005; Keohane 2005; Luft, Korin 2009).

В центре конструктивистских теоретических построений находится концепция секьюритизации (англ. *securitization*), разработанная ведущими представителями Копенгагенской школы Б. Бузаном и О. Вейвером. Под секьюритизацией они понимают процесс, в ходе которого некий вопрос, явление или актор политизируются и начинают восприниматься государствами, группой государств или иными международными игроками в качестве угрозы их безопасности (Buzan, Wæver 2003). При этом проблемные рамки безопасности отнюдь

не ограничиваются военной сферой и могут всё время расширяться, охватывая по мере необходимости самые разные области, включая, например, экономику, экологию или энергетику (Buzan, Hansen 2009).

По мнению авторов концепции, процесс секьюритизации развивается по определённому алгоритму. Сначала «актор секьюритизации» (англ. *securitizing actor*) указывает в форме речевого акта на некую экзистенциальную угрозу (англ. *existential threat*), возникшую, по его мнению, для определённого референтного объекта (англ. *referent object*), например, энергоснабжения, и предлагает чрезвычайные меры (англ. *extraordinary measures*) по её нивелированию. Секьюритизацию можно считать состоявшейся в случае, если действия «актора» (англ. *securitizing move*) находят поддержку у «аудитории» (англ. *audience*) и выливаются в чёткую ответную реакцию. Под «аудиторией» при этом понимаются все вовлечённые в процесс участники, от которых зависит признание той или иной проблемы потенциальной угрозой и принятие неких действий в ответ (Buzan, Wæver 2003: 25).

Несмотря на то, что в последние десятилетия в научном сообществе концепция секьюритизации подвергается серьёзной критике, она отнюдь не утратила своей востребованности и гибкости для объяснения политики государств и других участников международных отношений в разных сферах, включая энергетическую. Так, например, С.Озкан (Ozcan 2013), А. Гейнрих и К.Зулецки (Heinrich, Szulecki 2019), Р. Даннройтер (Dannreuther 2015) продемонстрировали в своих исследованиях, как может работать концепция секьюритизации в международных энергетических отношениях. Другие учёные применили концепцию секьюритизации для понимания проблем энергоснабжения Европейского союза (Claes 2019; Godzimirski, Novak 2019; Heinrich 2019; Judge, Maltby 2017; Natorski, Herranz Surrallés 2008; Siddi 2019; Judge, Maltby 2017; Szulecki, Westphal 2019), отдельных стран ЕС (Lis 2019; Szulecki 2020), региона Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (Adamides, Christou 2016; Christou, Adamides 2013).

Таким образом, на сегодняшний день существует пласт научных публикаций, посвящённых секьюритизации энергоснабжения как в целом, так и в Европейском союзе. Тем не менее, работы, сфокусированные на ЕС, зачастую носят неоднозначный, излишне теоретизированный характер и, как правило, ограничены узкими хронологическими рамками или конкретной, достаточно узкой тематикой: проблемы газоснабжения (Godzimirski, Novak 2019), нестабильность мирового рынка нефти (Claes 2019), энергетические риски отдельных стран ЕС (Lis 2019; Szulecki 2020), проект «Северный поток» (Heinrich 2019) и т.д. При этом нет исследований, в которых рассматривается вся история энергетической политики ЕС (ранее ЕЭС) через призму представлений теоретиков Копенгагенской школы.

В преддверии основного анализа важно дать некоторые терминологические пояснения. Во-первых, под секьюритизацией энергоснабжения в ЕЭС или ЕС

понимается процесс, происходящий на уровне всего Сообщества или Союза, а не в отдельных государствах-членах. Во-вторых, под безопасным энергоснабжением или энергетической безопасностью применительно к ЕЭС и ЕС следует понимать в базовой интерпретации бесперебойную доступность источников энергии по приемлемой цене, в расширенной – с учётом экологического фактора (Dreyer, Stang 2013).

Секьюритизация энергоснабжения в ЕЭС: истоки процесса

Вопреки тому, что энергетика сыграла ключевую роль в момент зарождения европейской интеграции (учреждение Европейского объединения угля и стали в 1952 г. и Европейского сообщества по атомной энергии в 1958 г.), вопросы безопасного энергоснабжения юридически не были переведены в компетенцию наднациональных институтов. Тем не менее ЕЭС начал задумываться над решением проблемы энергоснабжения уже в 1960-х гг. Дело в том, что в 1950-60-х гг. нефть, причём главным образом импортная, заменила уголь в качестве основного компонента в энергобалансах государств-членов ЕЭС. Суэцкий кризис 1956 г. и Шестидневная арабо-израильская война 1967 г., в ходе которых арабские страны вводили эмбарго на поставки нефти во Францию, Великобританию и ФРГ, наглядно продемонстрировали европейцам всю опасность их высокой зависимости от импортной нефти, особенно ближневосточной, в случае если не окажется альтернативных поставщиков (Yergin 2019).

18 декабря 1968 г. Комиссия ЕЭС в меморандуме, направленном в Совет ЕЭС (далее Комиссия и Совет), отмечала, что отсутствие взаимодействия в энергетической сфере является «опасной тенденцией» для Сообщества как с точки зрения перспектив экономической интеграции, так и безопасного энергоснабжения. В качестве решения Брюссель предлагал странам-членам согласиться на общую энергетическую политику и в её рамках совместно реагировать на текущие и будущие риски, диверсифицировать нефтяной импорт, использовать доступный внутренний потенциал, включая разработку углеводородных залежей и развитие атомной энергетики и т.д. В результате такой политики, как считали в Комиссии, европейские потребители должны были получить безопасные поставки энергии по относительно стабильным и как можно более низким ценам¹.

Уже 20 декабря 1968 г. Совет ЕЭС в составе министров из стран-членов отреагировал на меморандум наднациональной по своему статусу Комиссии и принял Директиву 68/414/ЕЕС. Она обязала все страны Сообщества создать и хранить минимальные резервы нефти и нефтепродуктов на экстренный слу-

¹ *First guidelines for a Community energy policy*. Memorandum presented by the Commission to the Council on 18 December 1968, COM (68) 1040. URL: <http://aei.pitt.edu/5134/1/5134.pdf> (accessed 1.06.2021).

чай в объёме, равном их чистому импорту в течение 65 суток². Договориться о большем, к чему настойчиво призывала Комиссия, тогда не удалось. Таким образом, можно считать, что уже в 1968 г. Комиссия выступила в роли актора, попытавшегося секьюритизировать энергоснабжение в рамках Сообщества. Однако этот шаг (англ. *securitizing move*) получил недостаточную поддержку со стороны Совета, который следует ассоциировать с «аудиторией», если до конца придерживаться представлений Б. Бузана и О. Вейвера (Buzan, Wæver 2003). На тот момент времени восприятие проблемы безопасного энергоснабжения не было настолько политизированным и острым, чтобы заставить страны-члены ЕЭС передать чувствительные функции в области энергоснабжения на наднациональный уровень с последующим развитием энергетической политики всего Сообщества (Shadrina 2020: 166).

Свои инициативы по секьюритизации вопросов энергоснабжения Комиссия возобновила в 1972 г. (Hoerber 2013: 78). Так, она отреагировала на ухудшавшуюся ситуацию на мировом нефтяном рынке: спрос на жидкие углеводороды продолжал стремительно расти (с 1967 г. по 1973 г. он увеличился почти на 57%), что от года к году сокращало резервные мощности экспортёров и, соответственно, увеличивало вероятность того, что государства ЕЭС, на 95% зависимые от импортной нефти, столкнутся с серьёзным энергетическим дефицитом, особенно в случае очередной эскалации ситуации на Ближнем Востоке (свыше 35% мирового предложения нефти в 1973 г.)³. 19 – 21 октября 1972 г. лидеры стран ЕЭС встретились в Париже, где решили внять призывам Комиссии и признать необходимость скорейшей разработки энергетической политики Сообщества, обеспечивающей, как было отмечено, «надёжное и долговременное энергоснабжение на экономически приемлемых условиях»⁴.

Тем не менее в последующие месяцы каких-то прорывов не произошло. 19 декабря 1972 г. Совет принял Директиву 72/425/ЕЕС, которая увеличила объём минимальных обязательных резервов нефти и нефтепродуктов в странах ЕЭС до 90 суток их чистого импорта⁵. 24 июля 1973 г. он же утвердил Директиву 73/238/ЕЕС по смягчению негативных последствий при перебоях с поставками нефти и нефтепродуктов. Последний документ лишь призвал страны ЕЭС принять на национальном уровне все необходимые меры по нивелированию рисков, связанных с импортом жидких углеводородов, а также разрешил созывать

² Council Directive 68/414/EEC of 20 December 1968 imposing an obligation on Member States of the EEC to maintain minimum stocks of crude oil and/or petroleum products. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31968L0414> (accessed 1.06.2021).

³ BP Statistical Review of World Energy 2019. URL: www.bp.com (accessed 1.06.2021).

⁴ Meeting of the Heads of State or Government, Paris, 19-21 October 1972. *The Bulletin of the European Communities*. №10. P. 20. URL: http://aei.pitt.edu/1919/2/paris_1972_communique.pdf (accessed 1.06.2021).

⁵ Council Directive 72/425/EEC of 19 December 1972 imposing an obligation on Member States of the EEC to maintain minimum stocks of crude oil and/or petroleum products. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:31972L0425> (accessed 1.06.2021).

группу из представителей государств-членов и Комиссии для коллективного решения проблем с поставками нефти и нефтепродуктов⁶.

На основании Директив 68/414/ЕЕС, 72/425/ЕЕС и 73/238/ЕЕС страны ЕЭС начали предоставлять Комиссии национальные данные о потреблении и импорте углеводородов. И тем не менее, несмотря на прогресс в формировании централизованного центра сбора информации и анализа нефтяного рынка всего Сообщества, перспективы энергетической политики ЕЭС выглядели на рубеже 1960 – 1970-х гг. весьма туманными. Государства-члены всё ещё не видели необходимости в коллективном решении проблем энергетики. 25 июля 1973 г. Комиссия в своём сообщении представила Совету очередные предложения по созданию общей энергетической политики, включая меры по укреплению энергетической безопасности Сообщества. Например, предлагалось наладить сотрудничество от лица всего ЕЭС с внешними импортёрами и экспортёрами энергоносителей⁷. Однако подобные предложения требовали единогласной поддержки всех стран-членов, обеспечить которую в обычных, некризисных, условиях было вряд ли возможно.

В октябре 1973 г. начался мировой нефтяной кризис, спровоцированный войной Судного дня на Ближнем Востоке (6 – 24 октября 1973 г.). Страны Персидского залива приняли одностороннее решение о повышении на 70% справочной цены на нефть (16 октября 1973 г.), а арабские члены ОПЕК – решение о ежемесячном снижении на 5% добычи и введении эмбарго на поставки нефти в США, Нидерланды, Португалию и ЮАР, которых они обвинили в содействии Израилю (17 октября 1973 г.). Для стран ЕЭС это стало настоящим шоком, поскольку они всё ещё не располагали достаточными нефтяными резервами, а возможности в полной мере компенсировать ближневосточную нефть у них не оказалось (Claes 2019). Как следствие, холодной зимой 1973–1974 гг. они впервые были вынуждены предпринять экстренные меры экономии энергии, а их экономики в силу резкого повышения цен на энергоносители попали в состояние глубокого кризиса (Furfari 2009: 12–13). Мировой нефтяной баланс стал восстанавливаться только в марте 1974 г., когда эмбарго было отменено (Yergin 2019).

9 ноября 1973 г., в самый разгар мирового нефтяного кризиса, Совет ЕЭС принял регламент по поддержке проектов Сообщества в углеводородном секторе⁸. Несколько позже, 15–16 декабря 1973 г., в Копенгагене состоялась очередная встреча лидеров стран ЕЭС, ставшая настоящим прорывом. Во-первых,

⁶ *Council Directive 73/238/EEC of 24 July 1973 on measures to mitigate the effects of difficulties in the supply of crude oil and petroleum products*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:31973L0238> (accessed 1.06.2021).

⁷ *Communication from the Commission to the Council of 24 July 1973 on initial implementation of the "Guidelines and Priorities for a Community Energy policy"*; COM (73) 1320. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/08c8413f-7461-4581-a2b5-737163610334.0001.01/DOC_1 (accessed 1.06.2021).

⁸ *Regulation (EEC) No. 3056/73 of the Council of 9 November 1973 on the support of Community projects in the hydrocarbons sector*. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7131a390-7a7c-48ab-ae4a-d0c2d69e7bde/language-en> (accessed 1.06.2021).

собравшиеся главы государств и правительств признали, что ситуация, сложившаяся в результате мирового нефтяного кризиса, представляет «угрозу» для всего Сообщества, а длительный дефицит энергоресурсов будет иметь «**самые серьёзные последствия**» для производства, занятости и платёжного баланса государств-членов. Во-вторых, они впервые согласились с необходимостью принятия на уровне Сообщества незамедлительных и эффективных мер в области энергетической безопасности, руководствуясь, главным образом, ранее сформулированными предложениями Комиссии. В частности, было дано согласие на: налаживание сотрудничества ЕЭС с внешними импортёрами и экспортёрами; формирование общих энергетических балансов; изучение на общесоюзном уровне всевозможных рисков, вытекающих из мирового нефтяного кризиса; учреждение Энергетического комитета старших должностных лиц (ЭКСДЛ) стран-членов, отвечающих за реализацию решений Совета; справедливое коллективное ограничение потребления энергии; принятие всеобъемлющей программы ЕЭС в области альтернативной энергетики; начало работы по созданию внутреннего энергетического рынка.⁹

По завершении копенгагенского саммита председатель Комиссии ЕЭС Ф.-К. Ортоли заявил о всецелой поддержке выводов и решений, к которым пришли лидеры стран ЕЭС. По его мнению, они открывали путь для подлинных действий Сообщества в энергетической сфере, к которым неоднократно призывала Комиссия ранее¹⁰. Аналогичная позиция была выражена в официальном коммюнике, распространённом Комиссией 17 декабря 1973 г.¹¹. В тот же день Комиссия направила в Совет два предложения, которые требовали незамедлительного одобрения. Первое касалось создания ЭКСДЛ¹², второе – формирования общих энергетических балансов Сообщества на основе всей полноты данных, предоставляемых Комиссии странами-членами¹³. Совет ЕЭС, собравшийся 17–18 декабря 1973 г., поддержал эти предложения¹⁴.

В последующие месяцы и годы, отмеченные, в том числе, вторым мировым нефтяным кризисом 1979 – 1980-х гг., возникшим из-за Исламской революции в Иране и фактически укрепившим уже идущий процесс секьюритизации энергоснабжения в ЕЭС, из Комиссии в Совет стали поступать другие пред-

⁹ The Copenhagen Summit Conference, 15-16 December 1973. *Bulletin of the EEC*. 1973. №12. P. 11-12. URL: <https://ec.europa.eu/dorie/fileDownload.do?sessionId=1KGyQ1tKtPnJBQwQh6cwgC2yLn7BJMymvTrDq5s2rD3JYR9RfGQ!243197488?docId=203013&cardId=203013>(accessed 1.06.2021).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P.11-12.

¹² *Commission Proposal For a Council decision of 17 December 1973 on the creation of an Energy committee COM (73) 2206*. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/fc7351a0-07f0-4134-9b80-390977818d47.0001.01/DOC_1 (1.06.2021).

¹³ *Communication and Proposal from the Commission to the Council of 17 December 1973 on the information intended for the compilation of complete energy balance-sheets for the Community. COM (73) 2207 final*. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/1d9411dd-0b37-45b9-b578-7ad18f925a49.0001.01/DOC_1 (accessed 1.06.2021).

¹⁴ *European Yearbook*. Vol. XXII. 1974. Martinus Nijhoff: The Hague, 1976. P.543.

ложения, которые после их одобрения собственно наполнили энергетическое взаимодействие в рамках Сообщества конкретными смыслом и направлениями. В итоге энергетическая повестка ЕЭС вплоть до учреждения ЕС в 1993 г. охватила следующие вопросы, напрямую или косвенно связанные с обеспечением энергетической безопасности: коллективное реагирование на перебои с поставками нефти; солидарные действия в области энергосбережения, развития традиционной и альтернативной энергетики, поддержки энергетических НИОКР, сотрудничества с внешними импортёрами и экспортёрами; создание внутреннего энергетического рынка. Кроме этого, в конце 1974 г. была введена практика совместного достижения энергетических целей. Так, в ноябре 1974 г. Комиссия представила сообщение на тему «Энергетическая политика Сообщества: цели для 1985 г.», где, помимо прочего, ставилась цель сократить к середине следующего десятилетия зависимость всего ЕЭС от внешних поставок энергии с текущих 63% до 50% в 1985 г. В декабре 1974 г. Совет своими решениями утвердил целевые ориентиры на 1985 г., а в сентябре 1986 г. он же, исходя опять-таки из предложений Комиссии, установил новый набор энергетических целей Сообщества на период до 1995 г. Тогда же Совет определил в качестве ещё одной задачи Сообщества создание внутреннего энергетического рынка Сообщества для (как утверждалось) обеспечения энергетической безопасности, снижения издержек и повышения экономической конкуренции¹⁵.

Если говорить о работе Комиссии в энергетической сфере, то благодаря решениям лидеров стран ЕЭС (с 1975 г. в рамках Европейского совета) и Совета она также приобрела вполне определённые очертания в 1970-1980-х гг. Во-первых, Комиссия была уполномочена анализировать энергетическую ситуацию как внутри Сообщества, так и за его пределами, и на основе своего анализа выявлять складывающиеся тренды. Во-вторых, она получила право рассматривать под критическим углом зрения энергетическую политику государств-членов для определения их сильных и слабых сторон, а также обеспечения их большей совместимости. В-третьих, Комиссия стала заниматься разработкой энергетического законодательства Сообщества в тех случаях, когда имелись пробелы в национальных программах, а также когда совместные действия Сообщества по своей природе являлись более эффективными. В-четвёртых, Комиссии было поручено следить за исполнением тех решений, которые были приняты на уровне Сообщества и касались энергетической сферы. Таким образом, начиная с 1974 г., Комиссия стала на регулярной основе направлять в Совет аналитические отчёты и прогнозы, готовить комплексные энергетические программы и стратегии, а также предложения по отдельным направлениям. Кроме этого, она

¹⁵ *Communication from the Commission to the Council of 18 April 1988 on the internal energy market, COM (88) 238.* URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/bd5ce3f6-2b7c-11e7-9412-01aa75ed71a1.0001.01/DOC_1 (accessed 1.06.2021).

начала взаимодействовать от лица Сообщества с внешними странами-импортерами (прежде всего, в рамках Международного энергетического агентства) и странами-экспортерами.

Таким образом, секьюритизация вопросов энергоснабжения оформилась в рамках европейской интеграции в конце 1973 г. Именно тогда страны ЕЭС, представляющие собой «аудиторию», единодушно отреагировали на многочисленные призывы Комиссии, которая выступала в роли «актора секьюритизации» с 1968 г. и особенно активно в 1972-1973 гг. Триггером, побудившим страны ЕЭС, наконец, услышать Комиссию и начать принимать ответные меры, стали нефтяное эмбарго арабских стран ОПЕК и в целом мировой нефтяной кризис. Стало понятно, что только созданием резервов, даже больших, проблему не решить. Страны ЕЭС не отказались от права самостоятельно проводить свою энергетическую политику (определять энергетический баланс, выбирать источники импорта и т.д.), однако под влиянием инициатив Комиссии они согласились признать обеспечение энергетической безопасности общей проблемой Сообщества, требующей коллективных мер, и решили наделить Комиссию определёнными полномочиями в этой области. Энергетика тогда не входила в список общих компетенций ЕЭС, а достигнутые договорённости формально увязывались с экономической сферой и зачастую имели рекомендательный, добровольный характер (Natorski, Herranz Surrallés 2008: 73). Тем не менее созданная система взаимоотношений в энергетической сфере заработала и стала приносить свои плоды.

Секьюритизация энергоснабжения в ЕС: от застоя к новому развитию

Преобразование Европейского экономического сообщества в Европейский союз, случившееся после вступления в силу Маастрихтского договора в ноябре 1993 г., в корне не изменило подходов к энергетической безопасности в рамках европейской интеграции. Конечно, Комиссия настаивала на включении в договор целой главы, содержащей компетенции ЕС в сфере энергетики и энергетической безопасности. Однако это предложение было отклонено государствами-членами (Maltary 1997). Таким образом, в 1990-х гг. по вопросам безопасного энергоснабжения Комиссия продолжила работать в режиме, созданном в 1970-1980-х гг. При этом относительно низкие цены и избыточное предложение, свойственные мировому рынку нефти в последнюю декаду XX в., в немалой степени десекуритизировали проблему – безопасность энергоснабжения отошла на второй план.

Тем не менее ситуация стала меняться на рубеже веков. 29 ноября 2000 г. Комиссия представила Зелёную книгу, в которой она вновь выступила в роли «актора секьюритизации». В документе отмечалось, что без принятия должных мер в ближайшие 20-30 лет зависимость ЕС от импортных энергоносителей вырастет с текущих 50% до 70%, причём львиная доля поставок будет приходиться на

геополитически нестабильные страны и регионы¹⁶. Это предостережение сильно напоминало риторику Комиссии на рубеже 1960-1970-х гг. Тогда аналогичная зависимость Сообщества превышала 60% и имела тенденцию к росту. Однако за счёт энергосбережения, задействования внутренних ресурсов (прежде всего, разработки нефтегазовых залежей Северного моря), развития атомной и возобновляемой энергетики этот тренд удалось переломить¹⁷.

Коллективное восприятие странами ЕС проблем энергоснабжения стало отчётливо меняться только к середине 2000-х гг. Помимо нарастающих тревог Комиссии, тому было несколько объективных причин. Стремительный рост спроса на нефть в мире и особенно в развивающихся странах (КНР, Индия, др.), начавшийся в 2002 г., не только подстегнул мировые цены на жидкие углеводороды (в период с 2002 по 2008 г. они увеличились в среднегодовом исчислении в четыре раза: с 25 до 97 долл. за баррель, марка Brent)¹⁸, но и создал реальную угрозу мирового дефицита нефти, от которого в первую очередь могли пострадать страны ЕС (Claes 2019). Подобное развитие ситуации усугублялось ещё и тем, что Ближний Восток, располагающий крупнейшими запасами нефти в мире, вступил в 2003 г. в полосу политической турбулентности, а разрастающийся международный терроризм и беспрецедентные по своему масштабу стихийные бедствия (например, ураганы «Катрина» и «Рита» в августе и сентябре 2005 г.), вызванные, как полагали учёные, изменением климата, стали новыми дополнительными вызовами мировой нефтяной индустрии и энергетики в целом. Всё перечисленное сильно актуализировало для стран ЕС проблему энергетической безопасности и, прежде всего, их высокую, растущую зависимость от импортных углеводородов, в том числе газа (Natorski, Herranz Surrallés 2008).

Поэтому 29 апреля 2004 г. Совет ЕС принял Директиву о мерах по обеспечению безопасности поставок природного газа (2004/67/ЕС), создавшую правовую основу для действий Союза в случае проблем с импортом голубого топлива. В частности, директива разрешала созывать Координационную группу по газу (англ. *Gas Coordination Group*) из представителей государств-членов, Комиссии, газовой промышленности и сообщества потребителей для обмена информацией и координации действий при перебоях с газоснабжением¹⁹. Несколько позже, в октябре 2005 г., Европейский совет, собравшись в Лондоне, дал зелёный свет формированию долгосрочной, всеобъемлющей энергетической политики ЕС, связав воедино проблематику энергетической безопасности, экономического и

¹⁶ *Towards a European strategy for the security of energy supply*. Green Paper presented by the Commission on November 29, 2000. COM/2000/0769 final, Brussels. URL: http://aei.pitt.edu/1184/1/energy_supply_security_gp_COM_2000_769.pdf (accessed 1.06.2021).

¹⁷ *BP Statistical Review of World Energy 2019*. URL: www.bp.com (accessed 1.06.2021).

¹⁸ *BP Statistical Review of World Energy 2019*. URL: www.bp.com (accessed 1.06.2021).

¹⁹ *Council Directive 2004/67/EC of 26 April 2004 concerning measures to safeguard security of natural gas supply*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32004L0067> (accessed 1.06.2021).

устойчивого развития²⁰. Правда, её конкретные черты подлежали дальнейшему определению Комиссией и одобрению государствами-членами. Не исключено, что данный процесс мог растянуться на годы.

Тем не менее российско-украинский газовый конфликт, возникший после смены власти в Киеве в январе 2005 г. и вылившийся в прерывание поставок российского газа в Европу в январе 2006 г., стал катализатором для оформления второй волны секьюритизации энергоснабжения в ЕС (Judge, Maltby 2017). Иными словами, он обострил восприятие проблем энергоснабжения в Европе в качестве угрозы безопасности, имеющей широкие последствия как применительно к поставкам российского газа, так и в целом. Об этом красноречиво свидетельствуют слова комиссара ЕС по энергетике А. Пиебалгса. В июне 2006 г. он заявил, что за прошедший год в Европе произошли глубокие изменения в настроениях и что отныне вопрос об энергетической безопасности находится не только на столе технических специалистов и министров энергетики, но и министров иностранных дел, финансов, промышленности, а также глав государств и правительств стран ЕС²¹. Во избежание серьёзного кризиса в будущем комиссар призвал страны ЕС самым ответственным образом отреагировать на перемены, произошедшие в энергетической сфере.

Документы, опубликованные Комиссией сразу после первого российско-украинского газового спора, также отличались повышено алармистским, секьюритизирующим тоном²². В них вновь говорилось о чреватости растущей зависимости ЕС от импортных углеводородов. В новых условиях их стоимость становилась чрезмерно волатильной, а поставки ещё более нестабильными. Одновременно констатировалось, что крупные поставщики энергоресурсов в ЕС отныне могут использовать энергетику в качестве «рычага политического давления». В предыдущих документах Комиссии подобный риск отмечен не был. Памятуя о событиях января 2006 г., воспринятых многими европейцами как использование Москвой энергетического оружия в политических целях, Брюссель предлагал странам-членам развивать независимые (от России) газопроводные поставки из регионов Каспийского моря, Северной Африки и Ближнего Вос-

²⁰ *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament of 07 December 2005: Interim report on the follow up to the informal meeting of Heads of State and Government at Hampton Court*, COM (2005) 645 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2005:0645:FIN:EN:PDF> (accessed 1.06.2021).

²¹ *Nabucco pipeline – searching for alternative routes for our gas supply*. Speech by A. Piebalgs. Brussels, 26 June 2006. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/06/413&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=en> (accessed 1.06.2021).

²² *A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy. Green paper presented by the Commission on March 8, 2006*. COM (2006), Brussels. URL: https://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com2006_105_en.pdf (accessed 1.06.2021); *An External Policy to Serve Europe's Energy Interests. Paper from Commission/SG/HR for the European Council of 30 May 2006*. S160/06. URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/reports/90082.pdf (accessed 1.06.2021); *External energy relations – from principles to action*. Communication from the Commission to the European Council of 12 October 2006. COM (2006), Brussels. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0590:FIN:EN:PDF> (accessed: 15.06.20).

тока. Это явно контрастировало с риторикой прежних лет, когда Россия, напротив, представлялась перспективной альтернативой ближневосточным поставщикам (Siddi 2019)²³. В целом, как считали в Комиссии, в сложившихся условиях ЕС необходима была общая, скоординированная и солидарная энергетическая политика, призванная защитить страны-члены от существующих угроз, в том числе со стороны экспортёров, отказывавшихся играть по установленным в ЕС особым рыночным правилам. Для наполнения такой политики конкретным содержанием Брюссель предлагал целый набор мер, включая создание Сети корреспондентов ЕС по вопросам энергетической безопасности (*EU Network of Energy Security Correspondents (NESCO)*), предназначенной для раннего реагирования на угрозы энергетической безопасности.

Наконец, 10 января 2007 г. Комиссия обратилась к Европейскому совету и Европейскому парламенту с сообщением, в котором изложила концепцию «Энергетической политики для Европы» (*An Energy policy for Europe*), имевшую три главных направления: повышение безопасности энергоснабжения (солидарная диверсификация источников энергетического импорта, решение проблемы зависимости отдельных стран от одного поставщика газа, др.); обеспечение конкурентоспособности европейских экономик и ценовой доступности энергии (дальнейшая либерализация, унификация и интеграция внутреннего энергетического рынка, др.); содействие экологической устойчивости и борьба с изменением климата (декарбонизации экономики, повышение энергоэффективности и развитие ВИЭ)²⁴. Этот документ стал наиболее проработанным из предложенных Комиссией в середине 2000-х гг. Он одновременно продолжал список секьюритизирующих инициатив и использовал сложившуюся к востоку от ЕС кризисную ситуацию для продвижения коллективных мер.

После российско-украинского газового конфликта 2006 года в роли дополнительных «акторов секьюритизации» энергоснабжения в ЕС стали активно выступать Европейский парламент, отдельные страны ЕС, а также США. Европарламентарии ратовали за общую внешнюю энергетическую политику, предлагали странам-членам серьёзно отнестись к проблеме ненадёжности поставок российского газа, советовали Брюсселю расширить Энергетическое сообщество²⁵ за счёт включения в него новых членов и т.д. Некоторые восточноевропейские государства ЕС, прежде всего Польша, требовали радикально снизить

²³ *Towards a European strategy for the security of energy supply*. Green Paper presented by the Commission on November 29, 2000. COM/2000/0769 final, Brussels. URL: http://aei.pitt.edu/1184/1/energy_supply_security_gp_COM_2000_769.pdf (accessed 1.06.2021).

²⁴ *Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament. A Energy policy for Europe*. Brussels, 10.1.2007 COM (2007) final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52007DC0001&from=EN> (accessed 1.06.2021).

²⁵ Энергетическое сообщество – проект ЕС по экспорту европейского энергетического законодательства в страны Восточной Европы, находящиеся за пределами границ Союза. Проект был запущен Брюсселем в 2005 г. и реализуется поныне.

зависимость Союза от России, которая якобы использовала природный газ в качестве «политического инструмента». Проект «Северный поток», инициированный «Газпромом» в сентябре 2005 г., позиционировался ими в качестве «серьёзной угрозы» европейской энергетической безопасности (Natorski, Herranz Surrallés 2008). Именно после российско-украинского газового конфликта 2006 г. Варшава начала предпринимать энергичные усилия по диверсификации поставок российского газа, продвигая проекты строительства терминала по приему сжиженного природного газа (СПГ) в Свиноуйсьце, а также морского газопровода *Baltic Pipe*, соединяющего Польшу с Данией и Норвегией (Ruszel 2020). США, пытаясь ослабить энергетические связи ЕС и России, обвиняли последнюю в том, что она использует свои энергоресурсы в политических целях, «запугивая и шантажируя» европейских потребителей. С подобными обвинениями, в частности, выступил вице-президент США Р. Чейни на конференции восточноевропейских лидеров в Вильнюсе в мае 2006 г. (Саква 2010).

Таким образом, в середине 2000-х гг. «акторы секьюритизации» создали давление на «аудиторию» (страны-члены ЕС), потребовав от них реакции. Она последовала, но была относительно сдержанной и постепенной, поскольку, как и прежде, речь шла о чувствительных суверенных правах и компетенциях, а также стратегических и на тот момент незаменимых энергетических взаимоотношениях с Россией. Так, в декабре 2006 г. Европейский совет одобрил создание Сети корреспондентов ЕС по вопросам энергетической безопасности в составе представителей Комиссии, Совета и государств-членов²⁶. Эта структура, сформировавшаяся впервые в мае 2007 г., стала работать на регулярной основе, заметно расширив возможности ЕС по сбору информации и раннему реагированию на угрозы безопасному энергоснабжению.

В марте 2007 г. Европейский совет одобрил концепцию «Энергетической политики для Европы», ранее предложенную Комиссией, однако расставил определённые акценты. Для дальнейшей диверсификации поставщиков и маршрутов поставок углеводородов на европейский рынок лидеры стран ЕС согласились активизировать контакты со странами каспийского, черноморского и средиземноморского регионов, а также расширить Энергетическое сообщество за счёт новых участников. Вместе с тем они сочли набор имеющихся механизмов ЕС в области энергетической безопасности вполне достаточным и поэтому предложили отвечать на существующие внешние энергетические вызовы, действуя главным образом внутри Союза. Как следствие, Европейский совет поддержал предложения Комиссии по формированию внутреннего энергетического рынка и декарбонизации экономики ЕС к 2020 г. Последняя предусматривала сокращение парниковых газов (ПГ), повышение энергоэффективности и увеличение

²⁶ EU Network of Energy Security Correspondents meets in Brussels IP/07/1942. Brussels, 17 December 2007. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_07_1942 (accessed 1.06.2021).

доли ВИЭ в общесоюзном энергобалансе²⁷. В 2009–2012 г. эти предложения были закреплены в форме директив и стали обязательными для всех стран-членов.

В декабре 2007 г. на саммите ЕС был подписан Лиссабонский договор, в котором энергетика впервые была отнесена к сфере совместной компетенции ЕС и государств-членов. Это означало, что Совет ЕС и Европейский парламент (после вступления Лиссабонского договора в силу в 2009 г.) впервые получили право принимать решения непосредственно в области энергетики, однако права распоряжаться внутренними энергоресурсами, определять энергобаланс, выбирать внешних поставщиков и решать вопросы налогообложения, как и прежде, остались в компетенции стран-членов²⁸. Кроме того, Лиссабонский договор содержал пункт о солидарности стран ЕС в решении энергетических вопросов, а целями энергетической политики ЕС, помимо прочего, назывались обеспечение надёжных и диверсифицированных поставок энергоносителей, а также налаживание энергетического сотрудничества с третьими странами (Goudkov 2016). Энергетическая составляющая Лиссабонского договора не получила бы такого наполнения, если бы Москва и Киев не вступили в острый газовый спор в начале 2006 г.

Очередной российско-украинский газовый конфликт, случившийся в январе 2009 г. и вылившийся в полное перекрытие поставок российского газа через территорию Украины, только укрепил секьюритизацию в качестве ключевого подхода к проблеме энергоснабжения в ЕС (Judge, Maltby 2017). Так, 9 января 2009 г. была экстренно созвана Координационная группа ЕС по газу, в которой были рассмотрены различные меры кризисного реагирования²⁹. В июле 2009 г. Европарламент и Совет одобрили директивы Третьего энергетического пакета (ТЭП), которые существенно ограничили деятельность «Газпрома» на рынке ЕС, а также сделали приоритетом ЕС переход на спотовую торговлю газом взамен долгосрочных контрактов с «Газпромом» и другими поставщиками³⁰. В том же месяце Австрия, Венгрия, Румыния, Болгария и Турция подписали межправительственное соглашение о строительстве газопровода «Набукко», получившего поддержку со стороны Комиссии. «Набукко» должен был обеспечить Европу газом каспийского и, по возможности, ближневосточного регионов, и тем самым значительно диверсифицировать поставки российского газа в

²⁷ *European Council Presidency Conclusions, 8/9 March 2007, Brussels*. URL: <https://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%207224%202007%20REV%201> (accessed 1.06.2021).

²⁸ *Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (accessed 1.06.2021).

²⁹ *Commission staff working document: The January 2009 gas supply disruption to the EU: an assessment, Brussels, 16.7.2009, SEC (2009) 977 final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52009SC0977&from=EN> (accessed 1.06.2021).

³⁰ *Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0073&from=EN> (accessed 1.06.2021).

ЕС³¹. 14 сентября 2009 г. Совет принял Директиву 2009/119/ЕС, обязавшую государства-члены располагать минимальными, легкодоступными запасами нефти и нефтепродуктов в объёме их чистого импорта в течение 90 суток. Директива также учреждала постоянно действующую Координационную группу по нефти (*The Oil Coordination Group*) в составе представителей Комиссии и стран ЕС³². 20 октября 2010 г. Совет и Европарламент приняли Постановление 994/2010 о мерах по обеспечению безопасности газоснабжения³³. Оно требовало от стран ЕС разработки планов действий на случай прекращения поставок газа от одного из экспортёров, обеспечения реверсивной работы трансграничных газопроводов, а также вводила обязательные стандарты инфраструктуры (например, способность сети удовлетворять пиковый спрос в случае необходимости). Кроме того, Комиссия наделялась правом координировать действия стран ЕС в целях обеспечения безопасности газоснабжения (Aoun 2015).

Тем временем, Комиссия продолжала генерировать секьюритизирующие энергоснабжение инициативы. 11 ноября 2010 г. она представила Энергетическую стратегию на период до 2020 г.³⁴. Помимо прочего, в ней выражалась обеспокоенность тем, что после серьёзных газовых кризисов, продемонстрировавших уязвимость Европейского союза, единого подхода к взаимодействию с поставщиками энергоресурсов у ЕС так и не появилось. Аналогичную позицию Комиссия выразила в сентябре 2011 г., опубликовав сообщение «Энергетическая политика ЕС: взаимодействуя с партнерами за пределами наших границ»³⁵. Отчасти вняв призывам Комиссии, 25 октября 2012 г. Совет и Европарламент приняли Решение 994/2012/EU, обязавшее страны-члены не только информировать Комиссию о межгосударственных энергетических соглашениях с третьими странами, но и обеспечивать полное соответствие таких соглашений действующему законодательству ЕС, включая нормы ТЭП³⁶. В 2013 г. на смену провалившемуся проекту «Набукко» пришли Трансадриатический (ТАР) и Трансана-

³¹ Europe gas pipeline deal agreed. BBC. 2009. 13 July. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/8147053.stm> (accessed 1.06.2021).

³² Council Directive 2009/119/EC of 14 September 2009 imposing an obligation on Member States to maintain minimum stocks of crude oil and/or petroleum products. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0119&from=EN> (accessed 1.06.2021).

³³ Regulation (EU) No 994/2010 of the European Parliament and of the Council of 20 October 2010 concerning measures to safeguard security of gas supply and repealing Council Directive 2004/67/EC Text with EEA relevance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32010R0994> (accessed 1.06.2021).

³⁴ Energy 2020. A strategy for competitive, sustainable and secure energy. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM (2010) 639 final. Brussels, 10.11.2010. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2010:0639:FIN> (accessed 1.06.2021).

³⁵ Communication from the Commission on security of energy supply and international cooperation. «The EU Energy Policy: Engaging with Partners beyond Our Borders». COM(2011) 539 final Brussels, 7.9.2011. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52011DC0539> (accessed 1.06.2021).

³⁶ Decision No 994/2012/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing an information exchange mechanism with regard to intergovernmental agreements between Member States and third countries in the field of energy. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32012D0994> (accessed 1.06.2021).

толийский (TANAP) газопроводы, получившие в том же году статус проектов общего интереса (*projects of common interest*) и, соответственно, поддержку ЕС³⁷.

Госпереворот, случившийся на Украине в феврале 2014 г., и последовавшие за ним события, включая войну на Донбассе и вхождение Крыма в состав России, ввергли отношения Москвы и Киева в состояние глубочайшего кризиса. С учётом опыта предыдущих российско-украинских газовых кризисов ЕС однозначно воспринял ситуацию как повышение риска остаться без поставок российского газа или их большей части, поскольку основные объёмы голубого топлива из России за неимением альтернативы по-прежнему прокачивались через украинскую территорию (Godzimirski, Novak 2019; Szulecki, Westphal 2019). Уже в мае 2014 г. Комиссия представила сообщение на тему «Европейская стратегия энергетической безопасности», что де-факто стало очередной, значительно более агрессивной попыткой вывести секьюритизацию энергоснабжения в ЕС на более высокий уровень. В преамбуле документа отмечалось, что перебои с поставками российского газа в 2006 и 2009 гг. стали «сильным сигналом к пробуждению ЕС» и с тех пор было немало сделано для укрепления энергетической безопасности Союза. Тем не менее, как утверждала Комиссия, ЕС по-прежнему оставался уязвимым к «внешним энергетическим шокам». В частности, Брюссель беспокоило, что почти 40% газового импорта ЕС приходилось на Россию, а шесть государств-членов всё ещё зависели от «Газпрома» как единственного внешнего поставщика газа. Как следствие, Комиссия настаивала на более жёсткой стратегии энергетической безопасности, способной обеспечить устойчивость к перебоям с поставками энергоносителей в краткосрочной перспективе и снизить зависимость от конкретных видов импортного топлива, поставщиков и маршрутов – в долгосрочной. В частности, она предлагала протестировать потенциал ЕС по преодолению энергетического кризиса зимой 2014/2015 гг., укрепить механизмы чрезвычайной помощи и солидарности, защитить стратегическую энергетическую инфраструктуру, а также продолжить реализацию комплекса мер по фундаментальному решению проблемы энергетической безопасности в долгосрочной перспективе³⁸.

26–27 июня 2014 г. состоялось заседание Европейского совета, на котором главы государств и правительств стран ЕС решили поддержать ряд майских предложений Комиссии. В частности, они дали добро на проведение стресс-тестирования Союза на предмет краткосрочных перебоев с энергопоставками,

³⁷ Commission delegated regulation (EU) No 1391/2013 of 14 October 2013 amending Regulation (EU) No 347/2013 of the European Parliament and of the Council on guidelines for trans-European energy infrastructure as regards the Union list of projects of common interest. URL: https://ec.europa.eu/inea/sites/inea/files/download/calls2014/CEF-energy/pci_list.pdf (accessed 1.06.2021).

³⁸ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. European Energy Security Strategy, Brussels, 28.5.2014 COM (2014) 330 final. URL: <https://www.eesc.europa.eu/resources/docs/european-energy-security-strategy.pdf> (accessed 1.06.2021).

а также сочли необходимым защитить и развивать стратегическую энергетическую инфраструктуру ЕС³⁹.

Уже 16 октября 2014 г. Комиссия опубликовала результаты стресс-тестирования энергетической безопасности ЕС, смоделировав два сценария нарушения газоснабжения Европы в течение одного или шести месяцев. В первом сценарии моделировались действия ЕС в случае полной остановки импорта российского газа; во втором – срыв импорта российского газа только по украинскому транзитному маршруту⁴⁰. Авторы документа пришли к выводу, что Европейский союз сможет преодолеть предполагаемые энергетические кризисы зимой 2014/2015 гг., но ценой значительных дополнительных усилий и огромных экономических издержек. 23–24 октября 2014 г. Европейский совет в ходе очередного заседания согласился с результатами стресс-тестирования и высказался за дополнительные действия по снижению энергетической зависимости ЕС и укреплению его энергетической безопасности. Приоритетами стали: дальнейшая диверсификация источников газового импорта, повышение инфраструктурной взаимосвязанности стран ЕС в газовой сфере, наращивание регазификационных и накопительных мощностей в газовой системе, а также ряд традиционных мер, включая повышение энергоэффективности, использование местных ресурсов и устойчивых низкоуглеродных технологий. На международной арене предлагалось продолжить развивать Энергетическое сообщество и эффективное взаимодействие со стратегическими партнёрами и крупными поставщиками энергии⁴¹.

В марте 2015 г. Европейский совет также одобрил стратегию формирования Энергетического союза, представленную Комиссией в феврале того же года. По большому счёту эта стратегия, которую активно лоббировал председатель Европейского совета, бывший премьер-министр Польши Д. Туск, консолидировала под новым брендом всё то, что уже делалось в ЕС ранее (Pashkovskaya 2018; Szulecki, Westphal 2019). Однако само одобрение стратегии Европейским советом стало фактическим согласием стран-членов ЕС с дальнейшей секьюритизацией энергоснабжения в Союзе.

Во второй половине 2010-х гг. Комиссия, Европарламент, а также отдельные страны ЕС и США продолжили линию на секьюритизацию вопросов энергоснабжения. Они убеждали Европейский совет в необходимости рассматривать энергоснабжение как вопрос, жизненно важный для всего Европейского со-

³⁹ *European Council 26-27 June 2014. Conclusions. Brussels, 27 June 2014.* URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ec/143478.pdf (accessed 1.06.2021).

⁴⁰ *Communication from the Commission to the European Parliament and the Council on the short term resilience of the European gas system preparedness for a possible disruption of supplies from the East during the fall and winter of 2014/2015, Brussels, 16.10.2014, COM(2014) 654 final.* URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2014_stresstests_com_en_0.pdf (accessed 1.06.2021).

⁴¹ *European Council 23-24 October 2014. Conclusions. Brussels, 24 October 2014.* URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/24561/145397.pdf> (accessed 1.06.2021).

юза и требующий жёстких коллективных мер. Так, предлагалось подключить Комиссию к переговорам стран ЕС с поставщиками энергоносителей, прежде всего газа, создать «пул покупателей газа ЕС» для коллективных контактов с «Газпромом» (и другими внешними поставщиками) для противодействия возможному политическому давлению, перенести пункты сдачи-приемки импортного газа на внешний периметр ЕС и Энергетического сообщества. В случае с российским трубопроводным газом речь шла о его продаже на северной границе Германии («Северный поток – 1, 2»), а также восточных границах Польши и Украины. Последняя стала стороной Энергетического сообщества в 2009 г. В 2018 г. Комиссия предложила вести переговоры с «Газпромом» и Россией по «Северному потоку – 2» от лица всех стран ЕС. США, солидаризовавшись с рядом восточноевропейских стран ЕС, прежде всего Польшей, а также Украиной, стали активно добиваться отказа Европейского союза от российского газа или, по крайней мере, от проекта «Северный поток – 2», называя его прямой угрозой энергобезопасности Европы (Giuli 2018; Goldthau 2016). У Варшавы во всём этом контексте, вероятно, был свой дополнительный экономический и политический интерес. Её попытки во что бы то ни стало воспрепятствовать масштабным прямым поставкам российского газа в Германию по «Северному потоку – 1» и «Северному потоку – 2» при одновременном строительстве СПГ-терминала Свиноуйсьце (открыт в 2015 г.) и газопровода *Baltic Pipe* (открытие намечено на конец 2022 г.) (Ruszel 2020), а также сохранении транзита российского газа, идущего через Беларусь и Украину, позволяли Польше рассчитывать на статус ведущего газового хаба в Центральной Европе.

Тем не менее все указанные выше предложения не получили поддержки Европейского совета и Совета ЕС. Иными словами, очередные разносторонние попытки укрепить секьюритизацию в качестве основного подхода к проблеме энергоснабжения в ЕС (англ. *securitizing move*) для перевода более широкого спектра энергетических вопросов в сферу общесоюзной компетенции и принятия коллективных мер не материализовались. Это, однако, не означало, что ЕС прекратил двигаться по пути формирования полностью интегрированного внутреннего рынка, развития ВИЭ, повышения энергоэффективности и диверсификации газоснабжения. В ноябре 2016 г. Комиссия предложила новый пакет мер «Чистая энергия для всех европейцев» (англ. *Clean Energy for All Europeans Package*)⁴², а на протяжении всего 2018 г. и первой половины 2019 г. Европейский парламент и Совет ЕС приняли директивы, установившие более высокие целевые показатели ЕС в области декарбонизации экономики на период

⁴² *The clean energy for all Europeans. European Commission. Publication office of the European Union. 2019. March. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/b4e46873-7528-11e9-9f05-01aa75ed71a1/language-en?WT.mc_id=Searchresult&WT.ria_c=null&WT.ria_f=3608&WT.ria_ev=search (accessed 1.06.2021).*

до 2030 г.⁴³ 13 декабря 2019 г. Европейский совет также поддержал так называемую «Европейскую зелёную сделку» (англ. *European Green Deal*), представленную Комиссией двумя днями ранее⁴⁴ и по сути заключающуюся в практическом отказе ЕС от ископаемого топлива к 2050 г.

Таким образом, в начале 2000-х гг. возникли предпосылки для второй волны секьюритизации энергоснабжения в рамках европейской интеграции. Эта волна оформилась в 2006 г. на фоне возобновившегося роста зависимости ЕС от импорта энергоносителей и одновременно увеличивающейся нестабильности мировой системы энергоснабжения в силу геополитических, экономических, природных и иных факторов. Триггерами второй волны секьюритизации в рамках евроинтеграции стали российско-украинские газовые и иные разногласия, возникшие в 2006 г. и продолжавшиеся в последующие годы. Они не только активизировали деятельность Комиссии и других «акторов секьюритизации», но и убедили «аудиторию» (страны ЕС) в необходимости одобрить ответные меры, которые формализовали секьюритизацию энергоснабжения второй волны (Judge, Maltby 2017).

* * *

Секьюритизация энергоснабжения в рамках европейской интеграции – продолжительный, поступательный процесс, в центре которого находится проблема зависимости государств-членов ЕЭС и ЕС от импортных энергоносителей. Отправной точкой этого процесса следует считать декабрь 1973 г., когда лидеры стран ЕЭС («аудитория»), наконец, откликнулись на многолетние призывы Комиссии («актора секьюритизации») и одобрили первый пакет мер, призванных обеспечить безопасное энергоснабжение всего Сообщества. Триггерами, поспособствовавшими оформлению секьюритизации как основного подхода к вопросам энергоснабжения в ЕЭС, стали нефтяное эмбарго арабских стран ОПЕК и в целом первый мировой нефтяной кризис, несколько позже – второй мировой нефтяной кризис, случившийся в 1979–1980 гг. из-за революции в Иране.

Первая волна секьюритизации энергоснабжения, во время которой Комиссией разрабатывались, а Европейским советом и Советом одобрялись ответные меры, растянулась фактически на три десятилетия, вплоть до начала 2000-х гг. При этом 1990-е гг. можно даже считать периодом относительной десекуритизации энергоснабжения в Европе. В последнюю декаду XX в. на мировом рын-

⁴³ Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 1.06.2021); Directive (EU) 2018/2002 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 amending Directive 2012/27/EU on energy efficiency. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.328.01.0210.01.ENG&toc=OJ:L:2018:328:TOC (accessed 1.06.2021).

⁴⁴ The European Green Deal: Communication from the Commission to the European Parliament and the Council of 11 December 2019, COM(2019). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/european-green-deal-communication_en.pdf (accessed 1.06.2021).

ке наблюдался явный переизбыток нефти, а меры, предпринятые ЕЭС в 1970-1980-х гг., позволили ощутимо снизить зависимость Сообщества, впоследствии Союза, от импортных энергоносителей. Отход проблем с энергоснабжением на второй план привёл к тому, что они всё меньше воспринимались государствами-членами в качестве возможной угрозы для всех участников евроинтеграции.

Вторая волна секьюритизации энергоснабжения начала зарождаться в начале 2000-х гг. и была обусловлена возобновившимся ростом зависимости стран ЕС от импортных энергоносителей в то время, когда мировая система энергоснабжения начала от года к году испытывать нарастающее давление в силу разных факторов: стремительного повышения спроса на энергоносители в развивающихся странах, возрастающей политической турбулентности на Ближнем Востоке, разрастающегося международного терроризма, беспрецедентных по своему размаху стихийных бедствий. Тем не менее как и в 1970-х гг., для фактического оформления новой волны секьюритизации энергоснабжения в ЕС потребовались триггеры, которые способствовали принятию Европейским советом и Советом ответных мер. Ими стали российско-украинские газовые конфликты 2006 и 2009 гг., а также резкое ухудшение российско-украинских отношений в 2014 г. «Аудитория», т.е. все страны-члены, на основании общего восприятия ситуации согласились с необходимостью принятия коллективных мер.

Секьюритизация привела к тому, что государства-члены ЕС поделились своим суверенитетом в сфере энергоснабжения с наднациональными институтами ЕС. Это выразилось в создании в соответствии с Лиссабонским договором 2009 г. энергетической политики ЕС, отнесённой к сфере совместной компетенции ЕС и государств-членов. Наднациональные институты получили возможность если не жёстко указывать государствам-членам порядок разрешения проблем энергетического снабжения и безопасности, то определять цели, к которым им следует стремиться.

Комплексный взгляд Комиссии на вопросы энергобезопасности позволил выработать такие направления энергетической политики ЕС, как диверсификация поставок, разработка энергоэффективных технологий, применение альтернативной энергетики и развитие энергетической инфраструктуры. Всё это стало возможным благодаря расширению взаимодействия стран-членов по проблемам, которые ранее они решали по мере необходимости и на национальном уровне.

Главным «актором секьюритизации» всегда оставалась Комиссия. Именно этот институт ЕЭС/ЕС был изначально призван действовать в интересах всего объединения. Поэтому его повышенная тревожность в отношении постоянно преследовавшего ЕЭС/ЕС дефицита ключевых ресурсов для экономического (в т. ч. промышленного) развития вполне объяснима. Кроме того, именно Комиссия является основным институтом, обладающим правом законодательной инициативы, поэтому её активность, в том числе в вопросах энергоснабжения, вполне логична. В то же время нельзя исключать также стремление Комиссии

максимально «перетянуть на себя» полномочия национальных государств для повышения своего авторитета внутри ЕС и на международной арене. Решение застарелой проблемы поставок энергоресурсов могло бы этому в значительной степени способствовать и выступало бы свидетельством достижений интеграции в целом. Так или иначе, секьюритизация как подход к проблеме энергоснабжения привела к появлению энергетической политики ЕС, которая по-прежнему формируется под сильным влиянием «акторов секьюритизации»: Комиссии и со второй половины 2000-х гг. отдельных стран ЕС, Европарламента и даже США.

Несмотря на многочисленные доводы «акторов секьюритизации» в пользу принятия коллективных мер, которые основывались на анализе потребления и поставок энергоресурсов в рамках евроинтеграции, несмотря на их ссылки на реальные и предполагаемые угрозы энергетической безопасности, обе волны секьюритизации состоялись под воздействием триггеров – международных событий с сильным политическим подтекстом. В первом случае речь шла о событиях мирового масштаба при попытке арабских стран ОПЕК и Ирана через энергетическую зависимость развитых европейских государств оказать влияние на их внешнюю политику. Во втором случае международно-политический масштаб двусторонних российско-украинских газовых конфликтов 2006 и 2009 гг. был, казалось бы, незначителен, однако его восприятие в ЕС уже вписывалось в контекст возрождавшегося геополитического соперничества между Россией и Западом. Острота этого противостояния в полной мере проявила себя в ходе последовавшего в 2014 г. украинского кризиса, укрепившего секьюритизированный подход ЕС к энергоснабжению.

Таким образом, в начале 2000-х гг. возникли предпосылки для второй волны секьюритизации энергоснабжения в рамках европейской интеграции. Эта волна оформилась в 2006 г. на фоне возобновившегося роста зависимости ЕС от импорта энергоносителей и одновременно увеличивающейся нестабильности мировой системы энергоснабжения в силу геополитических, экономических, природных и иных факторов. Триггерами второй волны секьюритизации в рамках евроинтеграции стали российско-украинские разногласия в сфере поставок газа и в иных вопросах, возникшие в 2006 и продолжавшиеся в последующие годы. Они не только активизировали деятельность Комиссии и других «акторов секьюритизации», но и убедили страны ЕС – «аудиторию» в необходимости одобрить ответные меры, которые таким образом формализовали секьюритизацию энергоснабжения второй волны (Judge, Maltby 2017).

В целом, в рамках европейской интеграции роль «акторов» фактически свелась к формированию тревожного фона для того, чтобы «аудитория» соответствующим образом воспринимала проблемы энергоснабжения. В случаях, когда в результате событий-триггеров обозначенные «угрозы» начинали обретать более реальные черты, «аудитория» принимала ответные меры. В конечном итоге заданный «актерами» фон и серия кризисов привели к формированию энергетической политики ЕС.

Об авторах:

Юрий Викторович Боровский – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. Москва, 119454, проспект Вернадского, 76. E-mail: yuribor@mail.ru

Ольга Владимировна Шишкина – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. Москва, 119454, проспект Вернадского, 76. E-mail: shishkina.o.v@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.923

Received: April 15, 2021

Accepted: April 15, 2021

Securitization of Energy Supply within the European Integration

Y.V. Borovsky, O.V. Shishkina

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-57-81](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-57-81)

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs

Abstract: The article uses the constructivist securitization concept to analyze the European Economic Community (EEC), and the European Union (EU) approaches to ensuring energy security. It seeks to establish whether the energy supply has been securitized within the European integration process and if so when it happened. The literature review does not give a definitive and comprehensive answer to this question which is essential for all the history of the EEC and the EU. The authors of this study use an extensive documentary database available on the EU websites. They established that for the EEC/EU the energy policy securitization is a long-lasting ongoing process that came into being in 1973. Within the European integration, the securitization is justified by the dependency of the member states on the imported energy resources, which is regarded through the prism of securing reliable, affordable, and (since 2000s) environmentally sustainable supply. The authors identified two waves of energy supply securitization in the EEC/EU. The first wave was triggered by the oil embargo of the OPEC Arab countries and, generally, the world oil crisis of 1973-1974. The second wave of the 2000s and 2010s was triggered by the Russian-Ukrainian gas conflicts of 2006 and 2009 and the sharp deterioration of Russian-Ukrainian relations in 2014. For both waves, the Commission was the main 'securitizing actor'. However, during the second wave, the European Parliament, some EU countries, and even the United States made their own 'securitizing moves'. The 'audience' (EEC/EU countries) expressed its opinion towards the 'securitizing moves' through the European Council and the Council decisions. The research conclusions can be useful for a profound scientific explanation of the EU energy policy as well as for the operationalization of the securitization concept

Keywords: securitization, energy supply, energy security, energy policy, European Union, EU, European economic community, Russia.

About the authors:

Yury V. Borovsky – PhD. Historical Sciences, associate professor at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO–University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: yuribor@mail.ru

Olga V. Shishkina – PhD. Political Sciences, associate professor at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO–University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: shishkina.o.v@gmail.com

Conflict of interest:

The authors declare absence of conflict of interest.

References:

Adamides C., Christou O. 2016. Beyond Hegemony: Cyprus, Energy Securitization and the Emergence of New Regional Security Complexes. *The Eastern Mediterranean in Transition*. Eds. S. N. Litsas, A. Tziampiris. Routledge. P.179-190.

Aoun M.-C. European Energy Security Challenges and Global Energy Trends: Old Wine in New Bottles? *IAI Working Papers*. Roma, Istituto affari internazionali. 2015. 3(15). 19 p.

Buzan B., Wæver O. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 594 p.

Buzan B., Hansen L. 2009. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge University Press. 394 p.

Christou O., Adamides C. 2013. Energy Securitization and Desecuritization in the New Middle East. *Security Dialogue*. 5–6(44). P.507–522. DOI: 10.1177/0967010613499786

Claes D.H. 2019. The Global Oil Market and EU Energy Security. *Energy Security in Europe*. Divergent perceptions and policy challenges: ed. K.Szulecki. Palgrave Macmillan. P. 311-331.

Dannreuther R. 2015. Energy Security and Shifting Modes of Governance. *International Politics*. 4(52). P. 466–483. DOI: 10.1057/ip.2015.4

Dreyer I., Stang G. 2013. What energy security for the EU. *European Union Institute for Security Studies*. №39. November. P. 1-4. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EU-ISSFiles/Brief_39_Energy_security.pdf (accessed 1.06.2021).

Furfari S. 2009. *101 questions sur l'énergie*. Paris: Editions Technip. 256 p.

Giuli M. 2018. Nord Stream 2: Rule no more, but still divide (Issue paper). *European policy center*. 25 June. 26 p. URL: https://www.epc.eu/documents/uploads/pub_8613_nordstream2.pdf?doc_id=2010 (accessed 1.06.2021).

Goldthau A. 2016. *Assessing Nord Stream 2: regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK*. London: EUCERS. 39 p.

Godzimirski J., Novak Z. 2019. *EU Gas Supply Security: The Power of the Importer/Energy Security in Europe*. Divergent perceptions and policy challenges: ed. K.Szulecki. Palgrave Macmillan. P. 221-251.

Heinrich A. 2019. Securitization in the Gas Sector: Energy Security Debates Concerning the Example of the Nord Stream Pipeline. *Energy security in Europe. Divergent perceptions and policy challenges*. Ed. K.Szulecki. Palgrave Macmillan. P. 61-93.

Heinrich A., Szulecki K. 2019. Energy Securitization: Applying the Copenhagen School's Framework to energy. *Energy security in Europe. Divergent perceptions and policy challenges*. Ed. K.Szulecki. Palgrave Macmillan. P. 33-61. DOI: 10.1007/978-3-319-64964-1_2

Hoerber T. 2013. *The Origins of Energy and Environmental Policy in Europe: The Beginnings of a European Environmental Conscience*. Routledge. 304 p. DOI: 10.4324/9780203083048.

Judge A., Maltby T. 2017. European Energy Union? Caught between securitisation and 'riskification'. *European Journal of International Security*. 2(2). P. 179–202. DOI: 10.1017/eis.2017.3

Keohane R.O. 2005. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. New Jersey: Princeton University Press. 320 p.

Lis A. 2019. Politics and Knowledge Production: Between Securitization and Riskification of the Shale Gas Issue in Poland and Germany. *Energy Security in Europe. Divergent Perceptions and Policy Challenges*. Ed. K.Szulecki. Palgrave Macmillan. P. 93-117.

Luft G., Korin A. 2009. Realism and Idealism in the Energy Security Debate. *Energy Security Challenges for the 21st Century*. Ed. G.Kuft, A. Korin. Santa Barbara: Praeger. P. 335-349.

Maltary J.H. 1997. *Energy Policy in the European Union (The European Union Series)*. Palgrave. 192 p.

Morgenthau H., Thompson K.W., Clinton D. 2005. *Politics among Nations* (7th Edition). New York: McGraw-Hill Education. 752 p.

Natorski M., Herranz Surrallés A. 2008. Securitizing Moves to Nowhere? The Framing of the European Union's Energy Policy. *Journal of Contemporary European Research*. 2(4). P. 70–89.

Ozcan S. 2013. Securitization of Energy Through the Lenses of Copenhagen School. *West East Journal of Social Sciences*. 2(2). P. 57-72.

Ruszel M. 2020. The Significance of the Baltic Sea Region for Natural Gas Supplies to the V4 countries. *Energy Policy*. 146(3):111786. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421520305061> (accessed: 1.06.2021). DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111786

Shadrina E. 2020. Energy Integration in Eurasian Economic Union: Preliminary Study on progress and policy implications. *30 years since the fall of the Berlin wall*. Eds. A. Akimov, G. Kazakevitch. Palgrave. 437 p.

Siddi M. 2019. Identities and Vulnerabilities: The Ukraine Crisis and the Securitisation of the EU-Russia Gas Trade. *Energy security in Europe. Divergent perceptions and policy challenges*. Ed. K.Szulecki. Palgrave Macmillan. P 251-275. DOI: 10.1007/978-3-319-64964-1_10

Szulecki K. 2020. Securitization and State Encroachment on the Energy Sector: Politics of Exception in Poland's Energy Governance. *Energy Policy*. Vol. 136. P. 1-10.

Szulecki K., Westphal K. 2019. Taking Security Seriously in EU Energy Governance: Crimean Shock and the European Union. *Energy Security in Europe. Divergent perceptions and policy challenges*. Ed. K. Szulecki. Palgrave Macmillan. P. 177-203. DOI: 10.1007/978-3-319-64964-1_7

Gudkov I.V. 2016. *Kompetenciya Evropejskogo soyuza po regulirovaniyu otnoshenij v energeticheskoy sfere* [The Competence of the European Union to Regulate Relations in the Energy Sector]. *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo*. №1. P.10-17. (In Russian)

Ergin D. 2019. *Dobycha. Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'* [Mining. The World History of the Struggle for Oil, Money and Power]. Moscow: Al'pina Publisher. 944 p. (In Russian)

Pashkovskaya I.G. 2018. *Ramochnaya strategiya razvitiya Energeticheskogo soyuza Evrosoyuza* [EU Energy Union Development Framework Strategy]. *Politika i Obshchestvo*. №4. P. 53-61. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.4.26107 (In Russian)

Sakva R. 2010. Syr'evoy sektor Rossii: ekonomika kontrolya i politika renty [Russia's Raw Materials Sector: the Economics of Control and the Politics of Rent]. *Neprikosnovennyj zapas*. 6(74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sa9-pr.html> (accessed: 1.06.2021). (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Гудков И.В. 2016. Компетенция Европейского союза по регулированию отношений в энергетической сфере. *Международное экономическое право*. №1. С.10-17.

Ергин Д. 2019. Добыча. *Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. Москва: Альпина Паблицер. 944 с.

Пашковская И.Г. 2018. Рамочная стратегия развития Энергетического союза Евросоюза. *Политика и Общество*. №4. С. 53-61. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.4.26107

Саква Р. 2010. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты. *Неприкосновенный запас*. 6(74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sa9-pr.html> (дата обращения: 1/06/2021).

Does Turkey have a Central Asian Project?

Ali Emre Sucu¹, Q.I. Iskandarov², R.B. Mahmudov³, D.N. Chernov⁴

¹ Ankara University (Turkey)

² National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan)

³ University of World Economy and Diplomacy (Uzbekistan)

⁴ National Research University Higher School of Economics (Russia)

Abstract: Central Asia's importance in Turkish foreign policy has begun to rise since the beginning of the 2010s. Turkey determines its regional policy in the conception of the Turkic world, including Azerbaijan. With this regard, Turkey pays particular attention to the institutionalization of bilateral relations with the regional states. The most successful measure in that direction is the establishment of the Turkic Council. This integration project marks significant progress for the institutionalization of Turkey's Central Asian policy. Turkey is one of the non-regional actors affecting the Central Asian balance of power. However, it has limited influence on regional security and military affairs, which Russia dominates. Turkey is only a secondary non-regional actor in Central Asia. Therefore, it primarily structures its Central Asian policy using common historical and cultural elements. In this study, we investigate whether Turkey has a long-term project in Central Asia. For this purpose, we explore the restrictions of Turkish policy in Central Asia. After that, we compare Turkey's importance for the foreign policies of Central Asian states. Additionally, we evaluate Turkey's interest in non-Western organizations such as the Eurasian Economic Union and the Shanghai Cooperation Organization to transform Turkish foreign policy priorities in recent years. Finally, we show that Turkey has a policy toward Central Asia but not a fully-fledged project for the region.

Keywords: China, Central Asia, Eurasian Economic Union, Russia, Shanghai Cooperation Organization, Turkey

After the collapse of the Soviet Union, modern Central Asia has become a significant region that affects regional and international politics. As a result, central Asia is a center at the intersection of regional and global projects.

The region has rich energy resources. Their transportation to other countries raises the importance of Central Asia in energy politics. On the other hand, security threats such as fundamentalism and drug trafficking, which come from Afghanistan, desta-

UDC: 327.8

Received: April 15, 2021

Accepted: May 30, 2021

bilize the region and strengthen local regimes at the same time. In this framework, non-regional states devise various policies and create integration projects in political, military, economic, ideological, and cultural spheres. Undoubtedly, their purpose here is to increase their influence on regional development and use regional energy resources. Thus, it turns Central Asia into a region of power struggle (Nadtochey and Safranchuk 2019).

Currently, the main non-regional actors in Central Asia are China, Russia, and the USA. Secondary actors in the region are Turkey, Iran, some Arab and European countries, Japan, South Korea, and India. The influence of the countries listed in the second group on the balance of power in political and military-security fields in Central Asia remains limited. That group of states mainly strives to develop bilateral economic relations, focusing on building cultural and educational ties. In this way, they seek to contribute to the regional states' national identity-building processes.

Turkey is one of the secondary actors in the balance of power in Central Asia. It has cultural, religious, and linguistic ties with Central Asian people. Therefore, Central Asia is one of the areas where Turkey's regional power ambitions can rise. However, it is questionable whether Turkey can realize its regional policy.

Following this puzzle, we formulate our research question in the following way: which factors shape Turkey's role in Central Asia?

At this point, we propose two possible perspectives that help us to answer the research question. The first is to determine the position of Turkey in Central Asia. The second perspective is the evaluation of what Turkey's Central Asian policy means for Central Asian states. Besides, it is necessary to analyze Turkey's integration policy, the Turkic Council initiative, Turkey's interest in Eurasian Economic Union (EAEU), and Shanghai Cooperation Organization (SCO) in changing Turkey's foreign policy priorities in recent years.

The theoretical paradigm guiding our argument is neorealism. We study Turkish foreign policy as a behavior of a rational actor that seeks to guarantee its survival and secure its interests (Mearsheimer 1994). In this paradigm, institutions are mainly viewed as instruments of states that seek to increase their capabilities and influence other actors (Mearsheimer 1994). We also acknowledge that the behavior of states in world politics is guided by changes in the structure of international relations, including the actions of other states and entities (Waltz 1979). We will show that current Turkish foreign policy uses a pragmatic approach accompanied by the exploitation of institutions as agents of its influence.

We use case study as the primary methodological tool to answer the research question. This method implies a qualitative approach to studying holistic phenomena with observational evidence (Gerring 2007). Our study relies on an in-depth description and interpretation of the available evidence to understand current transformation trends and limitations of Turkish foreign policy. Additionally, we use comparative analysis to evaluate Turkey's position in the region compared to other important regional actors. It would help us to study how Turkey presents itself in the regional balance of power.

The main research narrative on Turkey's foreign policy in Central Asia has changed quite drastically since the republics' independence. Some of the early works in the field viewed the collapse of the USSR as the possibility for Turkey to use its cultural and ethnic ties with the Central Asian republic to gain additional influence in the region (Mozaffari 1997; Sayari 2000). Although up to the end of the 1990s and in the early 2000s, Turkey did not prioritize the region. At that time, scholars portrayed Turkey's foreign policy in Central Asia as contingent on developing its relationship with the EU and NATO (Aydin 1996, 2004; Mozaffari 1997; Weitz 2006).

The re-emergence of Russia and the rise of China limited Turkey's opportunities to promote its interests in Central Asia. The soft power that Turkey actively used during the first years of the independence of Central Asian republics seemed to be outbalanced by the significant military and economic capabilities of other actors in the region. This trend was also captured in the literature. Some scholars highlighted the failure of the strategy of pan-Turkism and the re-orientation of Turkish foreign policy towards more practical goals. To some extent, this pragmatism implied that Turkey became a neutral player in the region and prioritized economic relations (Duarte 2013; Zeeshan 2013; Ivanova 2019). This new approach to foreign policy was attributed to Ahmet Davutoglu. He was the minister of foreign affairs during the early 2010s and his policy of "zero problems" with neighboring countries (Safonkina 2014). Under this new approach, Turkey used soft power to build new multilateral institutions and harness cooperation in such spheres as science, education, and business (Safonkina 2014).

In some studies, scholars suggest that Turkey should look beyond common identity issues and interact with other significant regional powers more actively (Efe Çaman, Akyurt 2011; Hakan 2010). This view appears to be more realistic as it proposes concentrating on the structure of the regional power balance.

It is also important to mention that Turkey has not abandoned its grand cultural projects altogether. On the contrary, some authors highlight that the ideology of Neo-Ottomanism could be re-emerging as a significant factor that guides its interaction with neighbors (Mehdiev 2016).

Our work follows current trends in the literature that study the changing role of Turkey in the region. We review Turkey's foreign policy in the region as mainly dictated by its interests and find evidence of this in the available sources. Additionally, as in some studies discussed above, we also highlight some additional possibilities for Turkey if it tries to participate in Eurasian multilateral institutions such as SCO or EEU.

Limits of Turkey's Central Asian Policy

By the end of the Cold War, political instabilities and security risks in the near abroad of Turkey determine not only the Turkish foreign policy priorities but also its relations with the great powers. Accordingly, the Balkans, the Caucasus, the Middle East are among unstable regions in Turkey's neighborhood.

In this context, the US military intervention in Iraq in 2003, the Russian-Georgian War in 2008, the so-called 'the Arab Spring' in the Middle East (its evolution into a civil war in Syria), and finally, tensions between Turkey and Greece in the Eastern Mediterranean Sea have shaped Turkish foreign policy in the last 20 years. These dynamics bear some limitations on the continuity of Turkish policy in Central Asia. Turkey spends most of its foreign policy resources to regulate crises in those unstable regions. Notwithstanding these issues, Turkey has still managed to increase its importance in Central Asia from the 2010s.

Turkey defines its Central Asian policy with the 'Turkic World' approach. Thus, Turkey focuses primarily on cultural, linguistic, and economic relations, on the harmony of expected benefits with Turkic-speaking countries. In this context, it is necessary to put forward Turkey's Central Asian policy limits by evaluating them in the context of political, economic, military, and cultural-educational fields.

Political Relations

According to the Turkish Ministry of Foreign Affairs, Turkey's foreign policy priorities in Central Asia are¹:

- *Promoting stability and democratic values in the region by developing bilateral and multilateral relations,*
- *Increasing the functioning of multilateral organizations such as the Turkish Council, TURKSOY, TIKA,*
- *Increasing cooperation with countries in the region through such mechanisms as economic commissions and high-level strategic cooperation councils,*
- *Maintaining economic support for the development of the countries of the region,*
- *Increasing economic investments in the region by improving economy and trade relations.*

Turkey's relations with Kazakhstan and Uzbekistan determine Turkey's presence in Central Asia. The Kazakh-Turkish relations develop stably as compared to Turkey's relations with other countries.

Turkey is also eager to institutionalize its relations with the countries of the region. For this purpose, during Nazarbayev's visit to Turkey in 2009, the parties signed the Strategic Partnership Treaty and established the High-Level Strategic Cooperation Council in 2012. Moreover, under the Council, the Joint Strategic Planning Group and the Joint Economic Commission meetings proceed within bilateral relations.

Relations between Turkey and Uzbekistan deteriorated because Turkey sheltered representatives of Uzbek opposition in the 1990s. Furthermore, Turkey has taken a stand against Uzbekistan at the United Nations regarding the events in the Uzbek city

¹ Orta Asya Ülkeleri ile İlişkiler. *Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı*. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ulkeleri-iliskileri.tr.mfa> (accessed 10.06.2021)

of Andijan in 2005. The normalization process began when the minister of foreign affairs, Ahmet Davutoglu, visited Uzbekistan in 2014. Since Shavkat Mirziyoyev was president in 2016, a new era in bilateral relations has begun. The two countries have established the High-Level Strategic Cooperation Council. In addition, Turkey and Uzbekistan hold meetings within the Council of the Joint Economic Commission and Joint Strategic Planning Group.

Turkey's relations with Kyrgyzstan, on the one hand, are generally stable. They established The High-Level Strategic Cooperation Council as a mechanism of bilateral relations in 2011. Moreover, political consultations proceed with the Joint Strategic Planning Group meetings between ministers of foreign affairs. On the other hand, between Turkmenistan and Turkey, bilateral relations primarily developed in the economic field. From the 1990s to the current days, Turkey has become a significant trade partner in the economy of Turkmenistan. Two states hold regular high-level meetings. Besides, other meetings of different ministers regularly play an essential role in the development of bilateral relations.

Finally, because of the civil war in Tajikistan during the 1990s, Turkey and Tajikistan's bilateral relations began to develop in the 2000s. The visit of prime minister Erdogan to this country in 2003 marks the beginning of a new era. In 2012, The Republic of Turkey and the Republic of Tajikistan signed The Joint Statement to establish a Cooperation Council.

Turkey maintains positive relations with all states of the region, using bilateral institutions to reinforce them.

Economic Relations

Given its geographical proximity to major energy routes, Turkey strives to play a decisive role in energy transportation projects to Europe. Kazakhstan, Turkmenistan, and Azerbaijan (a South Caucasus country) are the leading regional partners in Turkey's energy policy. There is no borderland between Turkey and Central Asia. Therefore, the South Caucasus region is a trade route from Central Asia to Europe. From the 1990s to the present day, different energy pipeline projects emerged, such as the Baku – Tbilisi – Ceyhan oil pipeline (2006), the Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline (TANAP) in 2018, and the Baku – Tbilisi – Kars railway (2017).

In parallel with the Turkish economy's steady growth from the 2000s (with an average annual growth performance of 5.37% until 2020²), Central Asia has become a significant region in Turkish economic policy. Turkey's bilateral trade with the countries of Central Asia has increased steadily. Between 2014 and 2018, Turkey exported 38.94 billion dollars to the countries of the region³. In 2018, Turkey's trade volume

² Real GDP Forecast. *OECD*. URL: <https://data.oecd.org/gdp/real-gdp-forecast.htm>. (accessed 10.06.2021)

³ Türk Cumhuriyetlerine 5 Yılda 24.5 Milyar Dolarlık İhracat. *Anadolu Ajansı*. October 10, 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turk-cumhuriyetlerine-5-yilda-24-5-milyar-dolarlik-ihracat/1614208> (accessed 10.06.2021)

with Central Asian states was 6 billion dollars; it accounts for 15% of Turkey's total foreign trade. In 2019, Turkey's total trade volume with the region was about \$ 7 billion (see Table 1). As can be seen from the table, Kazakhstan and Uzbekistan are Turkey's two largest trading partners in the region.

Nevertheless, the trade volume with these two countries alone in 2019 is as low as about \$ 4.7 billion. On the other hand, Turkish companies' investments in Central Asia have approached 15 billion dollars⁴. Moreover, many Turkish firms operate in the region. While these companies' contracting assets have reached 86 billion dollars to date, more than 4000 Turkish companies are working in Central Asia⁵.

Table 1: Turkey's trade volume with Central Asian countries (million dollars) in 2019

	Import	Export	Trade Volume
Kazakhstan	1,404	900	2,304
Kyrgyzstan	372	442	814
Tajikistan	198	157	355
Turkmenistan	345	745	1,090
Uzbekistan	1,140	1,232	2,372

Military Cooperation

Turkey is a secondary actor in the security and military fields of Central Asia. Since the 1990s, Turkey has not found a foothold in the region to promote its military agenda. For instance, in 1994, Turkey was mainly occupied with implementing NATO's Partnership for Peace Program in Central Asia. However, as a secondary actor, Turkey provides limited financial assistance to countries in the region through military cooperation agreements. For example, Turkey provided Uzbekistan with a 1.2 million grant in March 2002 and signed an agreement on counterterrorism in 2003 (Aydin 2013). Turkish military aid to Kyrgyzstan is totaling \$13 million by 2013. Since 2010, Kazakh military students have started to study in Turkey. Besides, in 2005, Turkey provided military grants for military students from Kazakhstan (Aydin 2013).

Furthermore, Turkish and Kazakh defense industry companies ASELSAN and Kazakhstan Engineering signed a \$ 44 million worth agreement in 2012⁶. Turkey also gives limited military grants to Kyrgyz military students. In addition, from time to time, the Turkish army organizes training programs for Kyrgyz soldiers.

In general, Russia ensures the security needs of Central Asia. Russia has a military presence in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan. It protects the security of the region

⁴ Orta Asya Ülkeleri ile İlişkiler. *Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı*. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ul-keleri-iliskileri.tr.mfa> (accessed 10.06.2021)

⁵ Orta Asya Ülkeleri ile İlişkiler. *Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı*. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ul-keleri-iliskileri.tr.mfa> (accessed 10.06.2021)

⁶ Ryskeldi Satke, Casey Michel, and Sertaç Korkmaz, Turkey in Central Asia: Turkic Togetherness? *The Diplomat*. November 28, 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/11/turkey-in-central-asia-turkic-togetherness> (accessed 10.06.2021)

and restricts the activities of an external actor in this area (Safranchuk 2019). In recent years, China's military effectiveness in Central Asia also has increased. Although not yet officially confirmed, there are claims that China has a military base in Tajikistan⁷.

Turkey's Soft Power

Turkey's soft power in Central Asia has been historically based on religious, linguistic, and cultural elements. Turkey uses them to establish governmental organizations and educational institutions, promote the Turkish press, and broadcast media in Central Asia. With this regard, Turkey's cultural influence in Central Asia remains strong, and this is mainly due to the state policy of those Central Asian ruling elites who want to distance themselves from Russia (Malysheva 2017).

Turkey's soft power policies in Central Asia have developed in several areas. For this purpose, during the 1990s, the Turkish Cooperation and Coordination Agency (TIKA) and the International Organisation of Turkic Culture (TURKSOY) were established. TIKA has 57 branches all over the world. Five of them operate in the capitals of all Central Asian states⁸. TURKSOY is a multilateral cultural organization consisting of 6 members of the Central Asian republics, Azerbaijan and Turkey⁹. In 2007, Yunus Emre Institute was also founded as a governmental organization for contributing to Turkey's soft power politics. The mission of the Yunus Emre Institute is to introduce the Turkish language, culture, and art to the world. It has branches in 58 countries around the world. In Central Asia, there is only one branch in the Nursultan, the capital of Kazakhstan¹⁰. Another institution operating in this field is the Presidency of Turks Abroad and Related Communities (YTB), established in 2010¹¹. Under The 'Great Student Project,' from 1992 to 2012, the Presidency allocated some 22.000 quotas to the Central Asian republics, and 15.248 of them reached their recipients (Aydin 2013). Unfortunately, this project was not successful, and it was renamed in 2012 under the umbrella of YTB as 'the Turkey scholarship.' From 2013 to 2019 (see Table 2), the number of students studying in Turkey increased from 10,023 to 23,423. Besides, the Turkish universities and educational institutions continue their activities in Central Asia. These universities are Ahmet Yesevi University in Kazakhstan (1991), Süleyman Demirel University (1996), the Kyrgyz Manas University of Turkey in Kyrgyzstan (1995). The TOBB University of Economics and Technology in Ankara has also opened a branch in Tashkent for Uzbek students who will study in it during the 2020 – 2021 academic year.

⁷ Tajikistan: Secret Chinese base becomes slightly less secret. *EurasiaNet*. September 23, 2020. URL: <https://eurasianet.org/tajikistan-secret-chinese-base-becomes-slightly-less-secret> (accessed 10.06.2021)

⁸ *TIKA Official Website*. URL: <https://www.tika.gov.tr/en> (accessed 10.06.2021)

⁹ *TURKSOY, Official Website*. URL: <https://www.turksoy.org/ru> (accessed 10.06.2021)

¹⁰ Yunus Emre Enstitüsü. *Nursultan*. URL: <https://nur-sultan.yee.org.tr> (accessed 10.06.2021)

¹¹ T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. *Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı*. The Official Website. URL: <https://www.ytb.gov.tr/kurumsal/baskanligimiz-2> (accessed 10.06.2021)

In addition to these governmental institutions, after the Central Asian states gained their independence, some religious foundations from Turkey began educational and cultural activities in Central Asia. These groups have started to establish Turkish high schools and language education centers. The most well-known of these religious groups are 'cemaat' under Fethullah Gulen's leadership (living in the USA and responsible for the military coup attempt on July 15, 2015, in Turkey). After the coup attempt, Turkey identified that group as the Fethullahist Terrorist Organisation (FETO). Therefore, Turkey wants to eliminate all the Turkish schools and educational centers founded by this group. Transferring these schools to Turkey's administration has resulted in a problem with Central Asian states. These schools were already closed in Uzbekistan before the year 2000. Turkmenistan, too, closed them in 2011. Besides, Tajikistan closed these educational institutions in 2016 after the military coup attempt. In Kazakhstan and Kyrgyzstan, some issues are still present. Negotiations with these countries are ongoing. Therefore, the impact of Turkey's educational policy in the region is questionable.

On the other hand, Turkey continues to broadcast television in Central Asia. For this purpose, it founded the TRTAvaз channel in 2009. This channel also produces content in Central Asian languages during the day by aiming to be a bridge in the geography where Turkic languages are spoken. During this period, the Turkish series have become popular in Central Asia, as in many parts of the world. Turkey is the second most exported country of TV series in the world after the United States. It has exported more than 150 Turkish series to 146 countries as of 2019. Those series bring approximately 500 million dollars of revenue with an audience of 700 million viewers¹². The majority of these series have no ideological content. In this way, Turkish daily life and the Turkish language have become more prevalent in Central Asia.

Table 2: Number of Central Asian students studying in Turkey by year

	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	2018-2019
Kazakhstan	1306	1799	1986	2015	2065	2191
Kyrgyzstan	1410	1819	1994	2032	1926	1937
Tajikistan	469	624	701	692	656	649
Turkmeni- stan	6941	9092	9903	10418	12247	17571
Uzbekistan	371	556	652	736	840	1075
Totally	10,028	13,890	15,236	15,893	17734	23,423

Turkic Council as a New Integration Project

Turkic Council is a unique example of Turkey's integration policy with Central Asian states since the demise of the Soviet Union. The four Central Asian states, except

¹² ABD'den Sonra En Fazla Dizi İhrac Eden Ülke Türkiye. *Anadolu Ajansı*. November 11, 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/abdden-sonra-en-fazla-dizi-ihrac-eden-ulke-turkiye/1641524> (accessed 10.06.2021)

for Turkmenistan, are members of the Council. The Council is also a leading organization in Central Asia which does not include Russia. This organization originated from the Summits of Turkic Speaking States in the 1990s. During the 1990s, they did not result in a multilateral mechanism. However, as a positive result, at the first summit in 1992, it was decided to establish TURKSOY. The members of the organization held meetings regularly until 2009. In that year, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Turkey signed the council agreement to establish the Turkic Council as a roof organization in Nakhchivan. In this context, the Turkic Council's related organizations are TURKSOY, TURKPA (Parliamentary Assembly of Turkish-speaking countries), Turkish Business Council, Turkish Academy, and Turkish Culture and Heritage Foundation. The first summit of the Turkic Council convened in Almaty, Kazakhstan, in 2011. Uzbekistan became a member of the Council in 2019. At the 2019 summit, Nursultan Nazarbayev was elected as a lifetime president of the Council. The summits of the Turkic Council were held seven times until 2020. The Council of Foreign Ministers is the main body of political cooperation, and it meets regularly within the framework of the Summit of the Turkic Council. Besides, member states propose cooperating in transportation, education, youth and sports, transport, economy, culture, information and communication technologies, diaspora, media.

We shall question the purpose of existence of this organization in two ways: whether the Council can act as a Central Asian project for Turkey and to what extent the Turkic Council is an alternative for Central Asia states.

The Turkic Council cannot act as a full-fledged Central Asian project, but it marks a definite beginning for later periods. The foundation of such an organization, independent from Russia and China, constitutes a soft alternative for Central Asia's Turkic-speaking states. Consequently, Russia and China have sorted the region's needs as the more traditional security, military, and economic needs are provided. Turkic Council could embrace more non-traditional areas such as education and culture, which would expand its scope.

Secondly, could the Council be an alternative to other forms of cooperation in the region? The Turkic Council has the potential to be an alternative form of determining the foreign policies of regional states. The Council gives Central Asian republics a chance to expand their multipolarity even further.

Russia is the leader of the most multilateral organization in which Central Asian republics are members. This situation in the relations of the regional states is considerable detail to keep in mind when considering integration projects. When we look at the countries of the region, all of them also have weak civil societies. It restricts the soft power capabilities of external actors. Besides, clan and family structures dominate their political systems. It is one of the biggest obstacles to building a national identity within regional countries.

The Turkic Council is an effective instrument for the development of Turkey's relations with Central Asian republics. However, Turkey's resources are not sufficient to finance the needs of Central Asian states. Moreover, as a regional power in Central

Asia, Turkey does not have the adequate material capacity to implement an effective foreign policy.

Nevertheless, recent Turkey's relations with the EU and the United States also affect Turkey's interactions with Central Asian states. Therefore, the Eurasian vector in Turkish foreign policy will open new areas in Central Asia to Turkey. The EAEU and the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) are the two integration projects of which Central Asian countries are also members and stand in Turkey as two new alternatives. Turkey's approach to these two organizations also offers a new choice to the continuity of Turkey's politics in Central Asia for an extended period.

Turkey's Policy Towards EAEU and SCO

Turkish foreign policy priorities have undergone several changes since the mid-2010s. Based on integration with Western institutions, the traditional Turkish foreign policy priorities began to change during this period. However, the EU and the United States' relations are still the main determinants of Turkish foreign policy. One of the main factors of deterioration of relations with Western partners is the so-called Arab Spring, which resulted in a civil war in Syria. The approaches of Turkey and the Western states to the resolution of the Syrian crisis differ pretty significantly.

As a NATO member, Turkey has purchased S-400 air defense systems from Russia instead of F35. However, the failed coup attempt on July 15, 2016, resulted in a new breaking point in Turkey's relations with Western countries.

As a result, some negative trends are emerging. EU suspended Turkey's accession process. The relations with NATO remain troubled. These issues require Turkey to pursue a more independent foreign policy. Therefore, the Eurasian vector is becoming an alternative for Turkey.

Turkey has developed policies to improve its relations with Eurasian countries such as Russia and China. In contrast, organizations involving these two countries have emerged as an alternative for Turkish integration policy. These projects affect Turkey's policy in Central Asia. They can present Turkey with new economic and political opportunities, but they also may impose some constraints. For instance, if Turkey becomes a member of those organizations, it would have to implement its policy in Central Asia in line with Russia and China's preferences.

During the Supreme Economic Council of EAEU in Minsk in 2013, the president of Kazakhstan Nazarbayev voiced a possibility of Turkey's membership in the EAEU. This move could have also marked the desire of Kazakhstan to balance Russia in the union. Among Central Asian countries, only Kazakhstan and Kyrgyzstan are members of the union, while Tajikistan is the candidate country. Other members have raised the issue of Uzbekistan's membership in the union since 2019. The Economic Union is a project of Russia's regional economic integration in the post-Soviet area, including Central Asia.

First of all, we should consider whether the economic interests of Turkey match with those of the EAEU member states. The EU has remained Turkey's most important trading partner. The trade volume between Turkey and the EU amounted to 162 billion dollars in 2019. Turkey ranks sixth with a 3.4% share in EU total exports, and Turkey's trade volume with the EU corresponds to 49% of Turkey's total exports with 88 billion dollars in the same year¹³. Turkey's trade volume with CIS countries in 2019 was 36.3 billion dollars, while Central Asia's trade volume with Turkey was only 8.5 billion dollars¹⁴. As a result, Turkey's foreign trade with the EU is larger than the sum of trade with the CIS and Central Asian countries. Therefore, the pursuit of membership in the EAEU will affect Turkey's relations with the EU countries. The fact that recently only Kazakhstan and Kyrgyzstan of the Central Asian countries are members of the union also limits Turkey's interest in membership.

The possibility of membership in SCO has been one of the alternatives of the Turkish foreign policy agendas since the 2010s. For the first time, Prime Minister Recep Tayyip Erdogan stated it in 2012 while he was returning from Russia¹⁵. Among Central Asian countries, only Turkmenistan is not a member of the organization. As of 2013, it has officially become a dialogue partner. In this respect, Turkey is the only country with this status as a NATO member state. Furthermore, although Turkey is not an SCO member, it was elected as the SCO Energy Club's rotating president in 2017. In 2016, President Erdogan stated that the EU was not the only alternative for Turkey when he returned from Uzbekistan. He asked why Turkey will not be in the Shanghai-Five¹⁶. A week later, Chinese Foreign Ministry Spokesman¹⁷ reminded that Turkey has the status of a dialogue partner in the SCO and added that they are happy with the close cooperation with Turkey. However, no further development has happened since then. Turkey's accession to the SCO could signal that it is considering other partnerships instead of the EU. Therefore, if Turkey sees the SCO as a real alternative and applies for membership, how will it affect the Central Asian policy of Turkey?

In the current situation, there are three ways for Turkey to develop its Central Asian policy for the near future:

1. Turkey will normalize its relations with Western countries. Through this, Turkey can offer new alternatives to the Central Asian states as in the 1990s. Recent developments demonstrate that Turkey is moving away from that.

¹³ Yani Başımızdaki Dev Pazar Avrupa Birliği. *Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı*. URL: <https://ticaret.gov.tr/dis-iliskiler/avrupa-birligi/yani-basimizdaki-dev-pazar-avrupa-birligi> (accessed 10.06.2021)

¹⁴ *Türkiye Cumhuriyeti Dış Ticaret İstatistikleri*. URL: <https://ticaret.gov.tr/istatistikler/dis-ticaret-istatistikleri/dis-ticaret-istatistikleri-2019-2020-ocak-mayis-donemi-genel-ticaret-sistemi%20Ülke%20Gruplarına%20Göre%20Dış%20Ticaret> (accessed 10.06.2021)

¹⁵ Bizi de Şangay Beşlisine Alın. *Milliyet*. July 26, 2012. URL: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/bizi-de-sangay-beslisi-ne-alin-1571936> (accessed 10.06.2021)

¹⁶ Şangay Beşlisi Nedir? *Habertürk*. 21.11.2016. URL: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/1326726-sangay-5lisi-nedir> (accessed 10.06.2021)

¹⁷ Çin: Türkiye, Şanghay İşbirliği Örgütü'ne üyelik başvurusu yaparsa değerlendiririz. *BBC News Türkçe*. 21.11.2016. URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-38051010> (accessed 10.06.2021)

2. If the Eurasian vector in Turkey's foreign policy becomes more institutionalized, membership in SCO will elevate its importance even further. It will open new possibilities to Turkey in Central Asia.

3. The relations with China and Russia will expand and deepen in the field of security and military partnerships. Therefore, Turkey can be a part of military-security politics in Central Asia.

As a result, Turkey's effectiveness in regional security issues may increase. However, Turkey's membership in NATO raises additional issues in this regard. Whether Turkey will be able to implement its foreign policy independently of other regional powers remains. There is no doubt that Turkey will have to follow policies parallel with Russian and Chinese political interests. It will mean that Turkey will preserve its secondary power status in Central Asia. In a possible security issue, will Turkey pursue common interests in the region with Russia and China, or will the interests differ? It will be directly proportional to the institutionalization of Turkey's relations with Russia and China.

* * *

Turkey is a secondary actor in Central Asian politics. The most significant reason for this is the inadequacy of its material resources to meet the political, military, security, and economic needs of Central Asian countries. On the whole, Russia and China still determine the security, economic, and political agendas of the Central Asian region. Furthermore, the Russian military presence in Central Asia closes the region for other actors' military activities. Turkish foreign policymakers prefer to concentrate on developing bilateral relations in trade, culture, and education.

While the importance of the Central Asian direction of Turkish foreign policy continues to rise, it is still unclear whether Turkey has developed a long-term project for the region. Currently, Turkish regional policy is shaped by more realist imperatives. As a secondary actor in the region, Turkey aims to develop bilateral economic relations with Central Asian countries. For this purpose, it increases its investments in the region. Besides, Turkey aims to activate soft power potential in cultural and educational fields. The Turkish Council is an essential organization for the realization of these policies. In these ways, Turkey has become an effective alternative for Central Asian countries.

The Turkish government supports the foundation of Turkish universities and educational institutions in the region. Graduates from Turkish educational institutions will be bridges between Turkey and Central Asian countries in the future. Nevertheless, Turkey is not alone in this area. Russia, China, the Western states, and other non-regional actors are also implementing their regional policies.

The agenda of membership in the EAEU and the SCO can have increased importance given Turkey's changing foreign policy priorities. Turkey's interest in these areas will undoubtedly increase, but it will also affect Turkey's relations with NATO and the EU. Membership in EAEU or the SCO could open a new political space for Turkey in

Central Asia. However, Russia and China will undoubtedly force Turkey to follow their policies.

As a result, Turkey has a policy in Central Asia, but there is no long-term Central Asian Project. As seen, Russia and China dominate the fields of political and military cooperation in the region. This guarantees a secondary role for Turkey in the region. Therefore, Turkey should balance its foreign policy between Western states and the other power centers such as Russia and China.

About the authors:

Ali Emre Sucu – Research Associate, Ankara University, Turkey, 06100 Ankara, Döğol Street 6.
E-mail: aliemresc@gmail.com

Qosimsho I. Iskandarov – Doctor of Historical Sciences, Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Republic of Tajikistan

Rustam B. Mahmudov – University of World Economy and Diplomacy, 54, Mustakillik Ave., Tashkent, 100007, Uzbekistan.

Daniil N. Chernov – National Research University Higher School of Economics, Russia 101000, Moscow, 20 Myasnitskaya ulitsa. E-mail: dnchernovv@gmail.com

Conflict of interest:

The authors declare absence of conflict of interest.

УДК 339.923

Поступила в редакцию: 15.04.2021 г.

Принята к публикации: 30.05.2021 г.

Есть ли у Турции Центральноазиатский проект?

А.Э. Суджу¹, К.И. Искандаров², Р.Б. Махмудов³, Д.Н. Чернов⁴
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96)

¹ Анкарский университет

² Национальная академия наук Таджикистана

³ Университет мировой экономики и дипломатии

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С 2000-х гг. Центральная Азия стала приоритетным регионом во внешней политике Турции. Она определяет свою региональную политику в концепции тюркского мира, включая Азербайджан. В этой связи Турция уделяет особое внимание институционализации двусторонних отношений с государствами региона. Наиболее успешной политикой в этом направлении является создание Тюркского совета. Такой интеграционный проект стал значительным прогрессом турецкой политики в Центральной Азии.

Турция является одной из внешних стран, влияющих на баланс сил в Центральной Азии. Однако роль Турции ограничивается определением региональных повесток дня в области безопасности и военно-политического сотрудничества. В этих условиях Турция рассматривается как второстепенная внешняя страна в Центральной Азии. Поэтому она в первую очередь формирует свою политику, приближаясь к общим историко-культурным элементам. В исследовании авторы ставят вопрос о том, есть ли у Турции проект в Центральной Азии на долгосрочную перспективу. С этой целью изучаются ограничения турецкой политики в ЦА. После этого также сопоставлено значение Турции для внешней политики центральноазиатских государств. Кроме того, интерес Турции к западным организациям, таким как Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества, оценивается при переходе турецких внешнеполитических приоритетов в последние годы. К концу исследования станет очевидно, что Турция имеет политику в отношении Центральной Азии, но не имеет проекта в Центральной Азии на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, Россия, Китай, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества.

Об авторах:

Али Эмре Суджу – научный сотрудник, Анкарский университет, Республика Турция, 06100 Анкара, улица Деголь 6. E-mail: aliemresc@gmail.com

Косимшо Искандарович Искандаров – доктор исторических наук, главный учёный секретарь Национальной академии наук Таджикистана, Республика Таджикистан.

Рустам Баходирович Махмудов – Университет мировой экономики и дипломатии, Республика Узбекистан Республика Узбекистан, 10000 Ташкент, проспект Мустакиллик, 54. E-mail: rmaxmudov@uwed.uz

Даниил Николаевич Чернов – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, г. Москва, улица Мясницкая, 20. E-mail: dnchernov@gmail.com

References:

- Aydin M. 1996. Turkey and Central Asia: Challenges of change. *Central Asian Survey*. 15(2). P. 157–177. DOI: 10.1080/02634939608400943
- Aydin M. 2004. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus1. *Turkish Studies*. 5(2). P. 1–22. DOI: 10.1080/1468384042000228576
- Aydın M. 2013. Kafkasya ve Orta Asya ile İlişkileri, Baskın Oran (ed.). *Türk Dış Politikası, Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, Cilt 3 (2001-2012)*, 2. Baskı, İstanbul: İletişim Yayınları. 473 p.
- Duarte P. 2013. Turkey vis-à-vis Central Asia: a Geostrategic Assessment. *Turkish Journal of International Relations*. 53(9). P. 1689–1699. DOI: 10.21599/atjir.32734
- Efe Çaman M., Akyurt A.M. 2011. The Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy. *Turkish Journal Of International Relations*. 10(2-3). P. 45–64. DOI: 10.21599/atjir.88454
- Gerring J. 2007. *Case Study Research: Principles and Practices*. New York: Cambridge University Press. 278 p.
- Hakan F. 2010. Turkish Foreign Policy towards Central Asia. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 12(1). P. 109–121. DOI: 10.1080/19448950903507560
- Mearsheimer J. 1994. The False Promise of International Institutions. *International Security*. 19(3). P. 5–49.

Mozaffari M. 1997. Security Politics in the Commonwealth of Independent States. In M. Mozaffari (Ed.). *Security Politics in the Commonwealth of Independent States*. Palgrave Macmillan UK. DOI: 10.1007/978-1-349-25786-7

Safranchuk I. 2019. Afghanistan's political future and its role in Eurasian cooperation. *India Quarterly*. 75(1). P. 15-28. DOI: <https://doi.org/10.1177/0974928418821467>.

Sayari S. 2000. Turkish Foreign Policy in the Post-Cold War Era: The challenges of multi regionalism. *Journal of International Affairs*. 54(1). P. 169-182.

Waltz K.N. 2010. *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press. 256. p.

Weitz R. 2006. Towards a New Turkey-Nato Partnership in Central Asia. *Turkish Policy Quarterly*. 5(2). P. 121-131.

Zeeshan F. 2013. Central Asia's Place in Turkey's Foreign Policy. *Policy Perspectives*. 15(225). P. 1-12.

Ivanova I. 2019. Турция в Центральной Азии: партнер или союзник. [Turkey in Central Asia: a partner or a rival]. *Asia and Africa Today*. 76(7). P. 39-47. DOI 10.31857/S032150750005567-5 (In Russian)

Malysheva D. 2017. Mezhdunarodno politicheskoye vzaimodeystviye gosudarstv Tsentral'noy Azii s Turtsiyye i Iranom. *Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii*. №3. P. 46-58. P. 48. (In Russian)

Mehdiyev E.T. 2016. «Neosmanizm» v regionalnoi politike Turcii [Neo-Ottomanism in the Regional Policy of Turkey]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(47). P. 32-39. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39 (In Russian)

Nadtochey Yu., Safranchuk I. 2019. Evrazija: slozhnosti upravleniya [Eurasia: Challenges of Governance]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(6). P.188-197. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-188-197> (In Russian).

Safonkina E. Tircua kak novii actor poliki «myagkoi sili» [Turkey as a New Actor of Soft Power]. *International Organizations Research Journal*. 9(2). P. 145-166. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Иванова И.И. 2019. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? *Азия и Африка сегодня*. №7. С. 39-47. DOI 10.31857/S032150750005567-5

Малышева Д.Б. 2017. Международно-политическое взаимодействие государств центральной Азии с Турцией и Ираном. *Россия и новые государства Евразии*. 3(36). С. 46-58

Мехдиев Э.Т. 2016. «Неоосманизм» в региональной политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета*.; 2(47). С. 32-39. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39

Надточей Ю., Сафранчук И. 2019. Евразия: сложности управления. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(6). С.188-197. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-188-197>.

Сафонкина Е.А. 2014. Турция как новый актер политики «мягкой силы». *Вестник международных организаций*. 9(2). С. 145-166.

The Present and the Past of American Liberalism In Light of Slavery and Racial Injustice

E.G. Ponomareva

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Book review: Gajić S. 2020. From Slave to Citizen: The Struggle of African Americans for the Recognition of Humanity. Belgrade, CATENA MUNDI. 294 p. (In Serbian) [Гајић С. Од роба до грађанина. Борба афроамериканаца за признање човечности]

Keywords: abolitionism, humanity, segregation, Frederick Douglass, W.E.B. Du Bois, Francis Bacon, blended race, double consciousness, religion, feminism.

2020 went down in history as the year of new dividing lines and destructive practices. The boomerang of colonial politics returned centuries later and was skillfully used for political purposes. The BLM movement forced to revise many of the foundations of modern not only political democracy but also morality, culture, and history¹. In this context, the new book by Stevan Gajic, Doctor of Political Science, a leading researcher at the Belgrade Institute for European Studies, seems exceptionally timely.

Gajić's book explores the ideas of the most influential African-American political thinkers, primarily Frederick Douglass² and W.E.B. Du Bois³, and their relevance for

UDC: 326.4

Received: April 10, 2021

Accepted: May 15, 2021

¹ Buchanan L., Quoctrung B., Patel J.K. 2020. Black Lives Matter May Be the Largest Movement in U.S. History. *The New York Times*. June 6. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html> (accessed 1.06.2021)

² Frederick Douglass (1818–1895) was the most influential African-American abolitionist, political thinker, an impressive speaker, an uncompromising fighter for the cause of the abolition of slavery in the United States. Douglass himself was born in slavery. Because of this attitude, he clashed with his close friends, who were also abolitionists, who believed that free states should secede from the Union and detach from the slaveholding South. Douglass was warning them that this would be a betrayal not only of slaves and the idea of civic solidarity but also of their integrity. Douglass is also one of the most significant political figures of the American Civil War, during which he achieved great success in convincing President Abraham Lincoln to include African Americans in the army of the Union. After the war, he was the American

understanding contemporary relations within American society. The book offers novel insights and comparative ideational analyses of African-American political thought from the 19th century to the present day.

Although it captures the political thought of African Americans more broadly, the book focuses on the confrontation of the intellectual work of Frederick Douglass and William Du Bois and the dynamics in which "the second continued on the first" but "did not give identical answers." "Not only for the sake of a concrete history of political ideas, but for the sake of giving universal answers," as the author states, "which contain somewhat abstract notions such as freedom, equality, or justice" (p. 8).

Gajić analyses different views of Douglass (Douglass 1881; Douglass 1869) and Du Bois (Du Bois 2007) concerning the future of African-Americans in the country to which their ancestors were forcibly brought. Douglass, a liberal thinker, placed the individual's interest in the center of his viewpoint on the equalization of all people in their natural rights and the subsequent emancipation of African-Americans from slavery (p. 128). Du Bois, a socialist, focused on collective interests and found the position of African-Americans in society fundamentally undermined, doomed to forever measure themselves by standards they did not create and to look upon themselves through 'white' eyes. He argued this prevented them from attaining happiness, even if their position was legally equated with white America, as the psychological traces of slavery would remain. The author skillfully contrasts the basic postulates of the political philosophies of Douglass and Du Bois. The former developed a line from liberal individualism to American messianic nationalism, while the latter followed the path of socialism, an understanding of permanently disrupted collective (racial) relations in America, and the double consciousness of African Americans (p. 14). The first was a Christian, the second an agnostic. The first is an apologist for the Declaration of Independence; the second is its critic (p. 130). Throughout the book, the author occasion-

ambassador to Haiti. In the United States to this day, the word abolitionist is synonymous with the name of Frederick Douglass.

³ W.E.B. Du Bois (1868–1963) is undoubtedly one of the most influential figures in the African-American struggle for emancipation. He was also an extremely productive writer. Although, unlike Frederick Douglass, born a free man in the northern state of Massachusetts, Du Bois had early in life felt the injustice of racial segregation in the South. Segregation with which Du Bois was preoccupied for most of his professional life started after the American Civil War. The racial segregation and injustice gave him inspiration for inventing the concept of the color line, double consciousness, and other obstacles which tormented the African American people, or "The Black Folk," as Du Bois liked to call his people. Because of his political views, especially his sympathy for communism, although he enjoyed a high international reputation, Du Bois was not entirely accepted in the Pantheon of American heroes. He thoroughly resented the American establishment for its entire activity. In doing so, they provoked a unique rage campaign, as in the case of the article he wrote on the occasion of Stalin's death. Du Bois' visit to the USSR and meetings with Khrushchev and China with Mao Zedong also provoked anger back home. Du Bois founded the Niagara Movement, which opposed the then-dominant school of thought of another black leader, Booker T. Washington, and his Tuskegee ideology of compromise with racial segregation. Du Bois is the founder of the most famous organization of African Americans, the National Association for the Advancement of Colored People or NAACP. Because of the political attitudes that cost him severe persecution in America, he voluntarily emigrated to Ghana at the invitation of his friend, the president of that African country, Kwame Nkrumah. He also took the citizenship of Ghana, and after his death, his state burial was arranged, and his body still rests in the mausoleum in Accra.

ally explains to us the influences that formed both thinkers. For Douglass, it was first Locke, Bacon, and Thomas Jefferson; for Du Bois it was Marx and Lenin.

The book offers a bold and intriguing perspective on how the roots of Douglass' thought do not go back only to Thomas Jefferson's Declaration of Independence and John Locke's 'Theory of Natural Law,' but that it also drew inspiration from a more distant past, from Francis Bacon's *New Atlantis* (Bacon 1627). The influence of Bacon's thought on Douglass is seen in the latter's belief that the US is an entirely new organism, with a unique and essentially messianic role in the world (p. 151). The book, therefore, reveals striking analogies between Bacon's *New Atlantis* (1627) and Douglass' speech "Our Composite Nationality" (1869) (Douglass 1869). Gajić points to the connection between Douglass' vision of the United States in the future and Bacon's fictional island of Bensalem, namely "choice, predestination and exceptionalism, assimilation of foreigners, superiority and order, development and geographical position, the decline of Europe and the rise of the United States (Bensalem)" (p. 127).

Further, analyzing Douglass' words with which he described the power of the USA to assimilate, enrich and provide happiness to people who come to the United States from all over the world, the author finds parallels with topics from *New Atlantis* (for example, the founding fathers are comparable to Bacon's merchants of light). Like Bensalem, the path (possible and uncertain) of the United States that Douglass advocated is to be a society based on natural law, overcoming the legacy of slavery with an outcome in harmonious and integrated equality for all.

According to the vision set out in that speech, the US will, just like Bacon's 'island of Bensalem,' by a policy of assimilation and attraction of the world's population, draw in citizens from the rest of the world, and thus constantly strengthen, because they are destined to lead the world. The author also constantly reminds us that Du Bois consistently continued in Douglass' footsteps; however, he challenged the reality of nominally granted civil rights to African Americans. Thus, the largest part of the book is dedicated to the analysis and comparison of the thoughts and ideas of these two thinkers.

Equally noteworthy is the book's analysis of connections—also previously unacknowledged—between the critical ideas of Du Bois and the Russian linguist and historian Nikolai Trubetzkoy (1890–1938). It explores the striking similarity between Du Bois' concept of *double consciousness* and Trubetzkoy's theory of cosmopolitanism as a globally imposed yet covert *Romano-Germanic chauvinism* (p. 135–150). Du Bois sees racial and ethnic determinism in American society and an unsolvable challenge of double consciousness for African Americans. He thinks that harmony between American and black identity is impossible for African Americans. In his most famous book, *Souls of The Black Folk*, Du Bois writes - "An American a Negro; two souls, two thoughts, two unreconciled strivings; two warring ideals in one black body whose dogged strength alone keeps it from being torn asunder" (p. 8).

In addition to Douglass and Du Bois, this book analyses the political thought of other prominent African-American thinkers and activists (including Malcolm X and Martin Luther King Jr.) and their views on the position of African-Americans, the

global place of the US, religion (p. 173-197) and feminism (p. 198-218). It invokes and examines the ideas of many other theorists in this context, from Aristotle and Machiavelli to Locke, Francis Yates, Alexander Dugin, Nikolai Danilevsky, and Edward Said – to name but a few.

The book also considers the future of liberalism and possible implications for liberal theory after its victory over the two competing 20th-century ideologies, fascism, and communism and the transition to post-liberalism (p. 229-237). It shows that the significance of the ideas of Douglass, Du Bois, and other African-American thinkers far exceeds the boundaries of this community and the parameters of the US. The issues they raised are unavoidable when considering any ethnically and racially diverse society, which gives their ideas a global character.

The first two chapters are devoted to their early youth and formative years. Then follows the central part of the book, the chapter "Douglass' vision of the future – *New Atlantis* and the concept of blended race versus Du Bois' double consciousness," which elaborates their intellectual work through nine subchapters following ideological themes (p. 70). Here we can emphasize two elements in particular. The author pays attention to the influence of Bacon's *New Atlantis* as an ideal-type utopia, the New World (with capital letters), on the formation of Douglass' views embodied in the speech "Our Composite Nationality." Although the author notices that Douglass does not explicitly mention Bacon anywhere, he draws a clear vertical between the two in which Thomas Jefferson, as Douglass' "favorite" father, the founder of the United States, is the primary mediator.

Gajić makes a unique contribution by noticing the coincidence of the critique of universalism with Du Bois and Trubetzkoy. Their critique was based on the understanding that universalist ideas are entirely contextual, originated in a particular historical moment and its circumstances, burdened with narrower experiences and worldviews, and as such unsuitable for transfer to other societies, different cultural identities. Gajić sees it this way: "that common idea is that" universality, "created for one racial or cultural identity, and according to the ideas and measures of that identity, cannot be grafted onto another identity without serious negative consequences for another identity. It is not possible because it is unnatural. When it is done, the result is a double consciousness [...] Both Du Bois and Trubetzkoy noticed the same phenomenon: the constant aspiration of a group that "copies" someone else's identity – voluntarily accepted or imposed – to achieve the "original," which is at hand, and the constant evasion of the desired target, like a mirage" (p. 135).

Trubetzkoy wrote in a completely different context – in Europe and about "Romano-Germanic" cosmopolitanism, which Gajić explains with a more extensive citation of Trubetzkoy's book *Europe and Humanity*. Gajić also notices the difference, which is primarily a difference of circumstances – African Americans do not have a tradition to which they could "return" to as they were people belonging to different ethnicities with different languages, who were rooted out of their land in Africa, forcefully brought to the United States where they mixed amongst themselves and with the whites. There-

fore they were rooted out from their own cultures but were never accepted in the new land. As Douglass wrote in his "Oration in Memory of Abraham Lincoln" (1876), their destiny was only to become the stepchildren. So a "return" to their roots could not be the outcome of their emancipation, unlike with different European nations (Trubetzkoy mainly dealt with Russians and Romano-Germanic influences). Thus, essentially in his pessimism, Du Bois saw the only practical solution in the elevation of African Americans within American society. Elevation, preferably in a higher socioeconomic level, would be driven by Du Bois called 'the talented tenth' among African Americans. After this chapter, Gajić thematically and briefly deals with certain aspects of Douglass' and Du Bois' intellectual work in a comparative form. It seems that today Trubetzkoy's and Du Bois' ideas are more relevant than ever before. Gajić is essentially suggesting that chauvinism of the present became ontological in a certain sense. It is not racial or national allegiance that makes a person think they have the right or entitlement to discriminate against others, but a set of values that gives people, regardless of their background, the self-proclaimed a self-given right to behave arrogantly and essentially expect a type of servitude from others for this behavior.

Analyzing the phenomenon of American exceptionalism— long considered axiomatic and self-explanatory within the American elite, or at least a large part of it—the book finds its roots in Bacon's *New Atlantis* and Locke's Theory of Natural Law. The belief in exceptionalism and uniqueness has been manifested in US foreign policy since Theodore Roosevelt and Woodrow Wilson and has more recently been invoked by Barack Obama, the first US president of African descent.

Gajić also deals with the critique of American imperialism present in Du Bois's writings. Then there are religious themes. Gajić emphasized the importance of American Quaker missionaries in the early stages in the cause for the abolition of slavery. A whole chapter is dedicated to the relation of African American thinkers, including Martin Luther King Jr, Malcolm X, Douglass, and Du Bois, to Christianity. Many of them had similar views of Christianity as a religion being abused to subjugate African Americans (and other communities). Malcolm X was undoubtedly among more radical critics who rejected Christianity altogether and embraced Islam instead.

Both Douglass and Du Bois' saw parallels in the discrimination and marginalization of African Americans and women. The struggle for the political and social emancipation of women had many parallels with that of the African Americans. Thus the book also analyses the modern feminist movement and its relation to questions of race and gender. The work of Douglass, Du Bois, and other African-American activists and the sources of their political ideas have strongly influenced the dramatic events that shape the US and the whole of humankind to the present day. In feminism, Gajić sees a significant agreement between Douglass and Du Bois, with a root in the understanding of natural rights and personal freedom. The author reminds us of their biographical details (Douglass' vivid memories of his aunt's whipping, Du Bois's trauma of being left by his father when he was a child) and the great importance of the "black mother figure" in their upbringing and political thinking.

The book examines the Baconian development of the human race from the men of the *New Atlantis* to Donna Haraway's concept of the cyborg – a new creature, which is no longer a human being, thus rendering the question of feminism obsolete (Haraway 1991). Cyborg is neither man nor woman, neither animal nor machine, and is all of that at the same time, similarly to the future man of Douglass' *blended race* of future Americans, who would no longer be white, black, Chinese, or of any other racial (or national) identity, but a combination of them (p. 223-224).

The penultimate chapter ("The End of Humanism") presents the author's attempt to connect Douglass' ideas about the post-racial or blended-racial America with thoroughly contemporary topics such as post-liberalism (Dugin), post-sexual cyborgs (Haraway), and archeofuturism (Faye). The last chapter deals with African Americans and the future of liberalism. In addition to the reliable use of literature, Gajić made several fresh observations, and here we primarily mean the observation of Bacon's influence on Douglass and the parallelism in the thinking of Du Bois and Trubetzkoy (p. 226).

The final part of the book offers observations—in the context of Douglass' and Du Bois' thought—on many contemporary movements in the US and their intertwining, with constant conflicts on values, peaking during the 2020 presidential campaign. One central message of the book is that the ideas of the past live today and influence the present in ways the actors of current events are often unaware of. More than that, the book represents a thematic novelty in science, it broadens our aspects of political philosophy, and therefore I can recommend publishers to translate this book from Serbian and publish it. Gajić's book is not only a severe scientific work but also a unique research endeavor. There are not many experts in Russia on this issue, so the book should be translated into the Russian language. It is equally essential that the work of Gajić gives rise to controversy, which is a breeding ground for the growth of the Tree of Knowledge. Therefore, I would like to wish the author new studies and polemical books.

About the author:

Elena G. Ponomareva – Dr. of Science (Political Science), Professor of Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 76 Prospect Vernadskogo, room 3026, Moscow, Russian Federation, 119454.
E-mail: nastya304@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares absence of conflict of interest.

УДК: 326.4

Поступила в редакцию: 10.04.2021 г.

Принята к публикации: 15.05.2021 г.

Настоящее и прошлое американского либерализма в свете проблемы рабства и расовой несправедливости

Е.Г. Пономарева

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-97-103](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-97-103)

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу Гайич С. 2020. От раба к гражданину: Борьба афроамериканцев за признание человечности. Белград, CATENA MUNDI. 294 с.

Ключевые слова: аболиционизм, гуманизм, сегрегация, Фредерик Дуглас, У.Э.Б. Дюбуа, Фрэнсис Бэкон, смешанная раса, двойное сознание, религия, феминизм.

Об авторе:

Елена Георгиевна Пономарева – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, каб. 3026.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

Bacon F. 1627. *New Atlantis*. The Project Gutenberg EBook. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2434/2434-h/2434-h.htm> (accessed 1.06.2021)

Douglass F. 1881. *Life and Times of Frederick Douglass, Written by Himself: His Early Life as a Slave, His Escape from Bondage, and His Complete History to the Present Time*. Park Publishing co., Hartford, Conn., Electronic Edition. URL: <https://docsouth.unc.edu/neh/doug192/menu.html> (accessed 1.06.2021)

Douglass F. 1869. *Our Composite Nationality*. URL: <https://teachingamericanhistory.org/library/document/our-composite-nationality> (accessed 1.06.2021)

Du Bois W.E.B. 2007. *The Souls of Black Folk*. 1903. Oxford-New York: Oxford University Press. 223 p.

Haraway D. 1991. *Simians, Cyborgs and Women: The reinvention of nature*. New York: Routledge. 287 p.

СЭВ как «ядро» альтернативной глобализации

А.А. Попов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Рецензия на коллективную монографию: «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов/ отв. ред. М.А. Липкин. Москва: Весь мир, 2019.

Ключевые слова: социализм, социалистические страны, Совет экономической взаимопомощи, СССР, экономическое сотрудничество.

Развитие межгосударственных отношений после окончания Второй мировой войны шло под влиянием комплекса разнонаправленных тенденций. С одной стороны, политико-идеологическое противостояние холодной войны существенно ограничило возможность восстановления довоенных общеевропейских производственных цепочек, торговых связей и деловых отношений. С другой – последствия войны, в том числе истощение ресурсной базы для европейских экономик, побуждали политическое руководство европейских стран искать варианты углубления кооперации и экономической интеграции. Самым успешным и тщательно изученным вариантом такого взаимодействия стала западноевропейская интеграция. Однако указанные факторы действовали на территории всего континента и привели к расширению международного сотрудничества и в Северной, и в Восточной Европе.

Интеграционные процессы социалистических стран и их потенциал как акторов глобальной экономики долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Отчасти это происходило из-за того, что на фоне западноевропейской интеграции достижения стран-членов Совета экономической взаимопомощи в строительстве институтов международного сотрудничества выглядели относительно скромными. Внутри СЭВ не были созданы эффективные институты наднационального регулирования, движение товаров и капиталов было ограниче-

УДК: 334.7

Поступила в редакцию: 20.04.2021 г.

Принята к публикации: 10.05.2021 г.

но, равно как и самостоятельность стран-членов, которые фактически играли роль «сателлитов».

Однако исследования последних лет существенно углубили наши представления о том, как функционировала «мировая система социализма», насколько сложными мотивами руководствовались её субъекты. Одним из главных открытий стало понимание того, что, начиная с 1950-х гг., не только советское руководство выступало инициатором углубления кооперации и перехода к более тесной интеграции, но и польские, чехословацкие, и венгерские политические элиты. При этом необходимость прямого сопоставления с ЕЭС выглядит сегодня довольно надуманной. Институты СЭВ трансформировались таким образом, чтобы позволять странам с высокой ролью государственного сектора в экономике реализовывать свои прагматические интересы через крупные международные проекты. Фактически внутри СЭВ, за исключением двух инициатив Н.С. Хрущева в начале 1960-х гг., не планировалось даже элементов наднационального регулирования. С этой точки зрения, современным международным экономическим объединениям, в которых страны-участники значительно отличаются по масштабу экономики и выступают против ограничения суверенитета, опыт кооперации стран-членов СЭВ ближе опыта интеграции ЕЭС.

Отказ от идеологических штампов при анализе истории международных экономических отношений социалистических стран позволил целому ряду исследователей говорить об «альтернативной глобализации» (Sanchez-Sibony 2020; Mark, Feygin 2020; Lorenzini 2020). В 2020 г. опубликовано сразу три коллективных монографии о контактах Восточной Европы с Западом (Kansikas 2014; Beyond Brussels... 2020; European Socialist Regimes... 2020) и Глобальным Югом (Trecker 2020; Москоленко 2020; Улунян 2020). Однако до настоящего времени было опубликовано крайне мало крупных работ по истории развития экономического сотрудничества внутри СЭВ как ядра этой самой «альтернативной глобализации».

Рецензируемая коллективная монография посвящена истории становления многостороннего сотрудничества социалистического лагеря. Хотя формально монография опубликована в конце 2019 г., из-за пандемии до читателя она добралась только в конце 2020-го. Книга продолжает цикл публикаций в рамках проекта РНФ ««Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х гг.: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР» (Липкин 2019; Некрасов 2019). Отличительная черта данной публикации – многообразие авторских подходов к отбору и анализу материала, позволяющее оценить результаты трехлетней работы научного коллектива.

В монографии рассматриваются основные аспекты взаимодействия СССР и стран-членов СЭВ в 1950-е – 1970-е гг.: развитие политических институтов международного сотрудничества, эволюция идеологических концепций и представлений о сущности мировой системы социализма, особенности внешней

торговли внутри блока и научно-технического сотрудничества. Отдельное внимание уделено внутриблоковым дискуссиям в процессе институциональной трансформации СЭВ. Так, процесс обсуждения Комплексной программы социалистической экономической интеграции рассмотрен через призму обсуждения «особой» позиции Румынии. В двух последних параграфах рассматривается восприятие СЭВ сторонними наблюдателями на основе анализа документов МИД Франции и ЦРУ США.

Задача реконструкции политико-идеологического контекста развития «мировой системы социализма» в 1950-е – 1970-е гг. решается в первых двух параграфах книги. Так, Т.А. Джалилов в разделе «СССР и страны “народной демократии” в поисках форм организации мировой системы социализма: от роспуска Коминформа к реформе СЭВ. 1954–1964 гг.» на основе документов Российского государственного архива новейшей истории показал, как в период правления Хрущёва происходил поиск новых форм взаимоотношений внутри социалистического лагеря. Он увязывает отказ от директивного стиля в отношениях с Восточной Европой, ликвидацию Коминформа и активизацию деятельности СЭВ с политическими изменениями внутри ЦК КПСС после 1953 г. (с. 17–18). В качестве ключевого события на этом пути автор выделяет Совещание руководителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии в январе 1956 г. Совещание позволило наметить основные направления сотрудничества социалистических стран и при этом подтвердить принципиальный для советского руководства «тезис о ведущей роли КПСС» внутри блока (с. 35). В том же контексте «укрепления единства и сплочённости мировой системы социализма» рассматриваются и попытки Хрущёва осуществить масштабные реформы СЭВ в 1962–1964 гг. (с. 42–43).

Эволюцию идеологических установок о путях развития сотрудничества социалистических стран в период правления Л.И. Брежнева во втором разделе, озаглавленном «Советский Союз в мировой системе социализма: идейно-теоретическая база (1960–1970-е гг.)», рассматривает И.А. Аггеева. Проследив эволюцию концепций «мировая система социализма» и «социалистическое содружество» в советском официальном дискурсе, автор показывает, как с их помощью обосновывалась необходимость сплочения социалистических стран под руководством СССР в глобальной перспективе (с. 77). Особое внимание уделено «прагматическо-реалистическим» попыткам разработать идеологическую базу для «подлинно взаимовыгодных» отношений стран СЭВ с учётом наметившегося замедления экономического роста в СССР (с. 83–84). Аггеева заключает, что «решения в пользу глобальной ответственности», мотивированной идеологией, и «в ущерб национальным экономическим интересам» стали в итоге одной из причин кризиса советского социализма (с. 85).

Прикладные аспекты многостороннего сотрудничества стран соцлагеря в монографии раскрыты через анализ особенностей научно-технического и внешнеторгового взаимодействия. В разделе «СССР и страны СЭВ: внешнеторговые

аспекты взаимодействия (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.)» Н.Ю. Пивоваров показывает, как менялась внешнеторговая политика советского руководства в период коллективного руководства и правления Хрущёва. На основе анализа данных об объёмах товарооборотов и материалов политических дискуссий руководства стран-членов СЭВ автор выдвигает тезис о «чрезвычайной эффективности социалистической внешней торговли» во второй половине 1950-х гг. и последующем затухании «внешнеторгового экономического чуда» к началу 1960-х (с. 131). По мнению исследователя, советское руководство стремилось с помощью внешней торговли «порвать замкнутость социалистической системы», но его усилия вели не столько к расширению торговли внутри СЭВ, сколько к росту импорта из капиталистических стран. Эта ситуация стимулировала обсуждение реформ внутриблоковой торговли через разработку проектов социалистической системы цен, многостороннего клиринга и координации капиталовложений, которые, несмотря на определенную критику, были реализованы во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг.

Раздел «Научно-техническое сотрудничество в рамках СЭВ: организация и повседневные практики», написанный С.Б. Вольфсоном, посвящён описанию ключевых этапов формирования инфраструктуры для научно-технического обмена СССР и европейских социалистических стран. При этом основное внимание уделено событиям 1969 – 1973 гг., так или иначе связанным с разработкой, принятием и внедрением Комплексной программы. Автор утверждает, что именно принятие Комплексной программы в 1971 г. сделало СЭВ «привлекательной площадкой для научных обменов и совместных исследований» (с. 147).

Тема чрезвычайной значимости 1971 года для социалистической интеграции получила развитие в разделе «Семеро против одного? Принятие Комплексной программы социалистической экономической интеграции и “особая” позиция Румынии» под авторством М.А. Липкина и А.С. Гладышевой. Авторы фокусируются на анализе позиции румынского руководства по ключевым положениям разработки Комплексной программы в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Детально разбирая дебаты советского и румынского руководства, Липкин и Гладышева показывают наличие, что на их ход влияли как серьезные разногласия внутри Политбюро ЦК КПСС, так и внутри социалистического лагеря, что позволяло Чаушеску искать поддержки в Пекине. При этом тот факт, что советское руководство согласилось (а вслед за ним и руководители других шести восточноевропейских стран) на компромисс по ряду предложений Румынии, исследователи считают мотивированным, главным образом, стремлением сохранить внешнюю видимость «единства “ядра” мировой системы социализма» (с. 182). По их мнению, такое решение нанесло ущерб эффективности восточноевропейской интеграции и ограничило возможности сотрудничества, заложенные в ранних версиях Комплексной программы.

Вопрос соблюдения национальных интересов стран-членов в контексте реформирования СЭВ был актуален не только для Румынии. Все восточноев-

ропейские страны стремились усилить собственные позиции внутри блока, но гораздо реже шли на открытое столкновения с СССР. В этой связи большой интерес представляет опыт Восточной Германии, которой посвящён раздел Б.В. Яблокова «ГДР в системе СЭВ: отражение новой экономической системы во внешнеэкономическом сотрудничестве социалистических стран в 1960-е гг.». Уникальное положение ГДР, зависимой от торговли с ФРГ, побуждало восточно-германское руководство в 1960-е гг., с одной стороны, выступать за углубление координации торговых и производственных планов внутри СЭВ, а с другой – искать возможности для смягчения государственной монополии внешней торговли. Смена политического руководства ГДР, которое в 1969–1971 гг. сделало ставку на поддержку экономической интеграции стран СЭВ, привела к возврату к централизованной модели управления (с. 216–219). Однако, по мнению автора, такое решение привело лишь к дальнейшему росту импортной зависимости ГДР и «политическому банкротству СЕПГ» (с. 220).

Концепция «мировой системы социализма», если она была чем-то кроме идеологического конструкта, предполагает, что внешние наблюдатели также признавали существование таковой системы. Два последние раздела рецензируемой книги посвящены именно этому аспекту существования «ядра» социалистической системы. Е.А. Осипов подготовил раздел «Французский взгляд на СЭВ в 1956–1963 гг. Эволюция подхода и последствия для политики Пятой республики. По материалам архива МИД Франции». Автор утверждает, что со второй половины 1950-х гг. эксперты французского МИДа в целом позитивно оценивали опыт реформирования СЭВ, называли организацию реальным конкурентом ЕЭС, а программный документ СЭВ «Основные принципы международного социалистического разделения труда» воспринимался как «хартия интеграции» (с. 231). При этом провал реформ Хрущёва в 1962–1963 гг. и победа компромиссного подхода в трансформации СЭВ привели к пересмотру оценок. С 1965 г. МИД Франции воспринимал СЭВ как «пародию» на ЕЭС, предпочитая развивать двусторонние отношения с социалистическими странами (с. 239–240).

Подобную трансформацию внешних оценок подтверждает и проведённое Ар.А. Улуняном исследование материалов ЦРУ. В разделе «Восточноевропейская часть СЭВ глазами “главного противника”: оценки и прогнозы ЦРУ США в 1964–1978 гг.», опираясь на недавно рассекреченные материалы ЦРУ, он утверждает, что уже с весны 1964 г. аналитики США фиксировали признаки внутреннего кризиса СЭВ (с. 250). Он убедительно показывает, что к 1971 г. аналитические центры ЦРУ накопили достаточно данных и опыта их анализа, чтобы прогнозировать советско-румынское столкновение при обсуждении Комплексной программы в Бухаресте и стратегию поведения Чаушеску (с. 284). В этой связи примечательно отличие ЦРУ и официальной идеологии стран СЭВ в оценках самой Комплексной программы. Аналитики разведки не только показывали компромиссный и ограниченный характер документа, но и его противоречия с реаль-

ными потребностями в «автономных органах» восточноевропейской интеграции, создание которых, по их мнению, было невыгодно СССР (с. 286). Более того, они верно предугадали попытку советского руководства канализировать взаимодействие восточноевропейских стран с ЕЭС через СЭВ. Попытки институализации равноправных отношений СЭВ и ЕЭС были инициированы советским руководством и встретили сопротивление и внутри соцлагеря, и внутри ЕЭС (с. 295–296). Наконец, автор доказывает, что американские аналитики ясно понимали значение «энергетического фактора» для поддержания во второй половине 1970-х гг. устойчивых отношений между странами-членами СЭВ, в которых к этому моменту существовали глубокие противоречия (с. 231).

В целом рецензируемая монография позволяет увидеть процессы политической трансформации Совета экономической взаимопомощи в 1950-х – 1970-х гг. через восприятие акторами различными как по уровню (международные организации, политическое руководство стран-членов, профильные эксперты внутри стран-членов), так и по степени включённости в наблюдаемые процессы (инициаторы интеграции в лице советского и восточногерманского руководства, «национально-ориентированное» румынское правительство, внешние наблюдатели стран Запада). Отличительной чертой книги является повышенное внимание к политическим аспектам экономических отношений стран социалистического блока.

Исследование будет интересно специалистам, изучающим особенности внешней политики СССР в позднесоветский период, историю Восточной Европы в послевоенный период, а также исследователям общеевропейских интеграционных процессов. Работа написана грамотным научным языком.

Несомненным преимуществом исследования является привлечение обширного комплекса источников, значительная часть которых впервые введена в научный оборот. Основу исследования составляют малоизвестные документы из фондов Российского государственного архива новейшей истории. При этом стоит отметить, что, как правило, авторы опираются на советские делопроизводственные документы (протоколы и стенограммы совещаний, черновые записи докладов, диктовки руководства, ведомственные и партийные информационные справки, и докладные записки) и документы личного характера (воспоминания, дневниковые записи). Такой подбор источников позволил достаточно полно раскрыть политические процессы трансформации социалистического блока, но в то же время отодвинул на второй план сугубо экономические вопросы развития СЭВ.

Основные тезисы авторов исследования логичны, непротиворечивы и подкреплены большим количеством эмпирического материала. Однако необходимо отметить, что в первых четырёх разделах целый ряд заключений сделан с опорой исключительно на советские делопроизводственные документы. Хотя полученные выводы вполне укладываются в принятые в современной историографии концепции, сложно оценить позиции авторов по дискуссионным во-

просам, поскольку фактически они обходят их стороной. Например, в какой степени прагматические задачи внешней торговли определяли контуры отношений между странами СЭВ и их взаимодействие со странами Запада и Глобального Юга, как на развитие СЭВ влияли крупные внешнеэкономические и внешнеполитические вызовы («энергетический кризис», Пражская весна и т.д.), как политика советского руководства соотносилась с национальными стратегиями восточноевропейских стран в отношениях с Западом. Впрочем, учитывая акцент монографии на фактологическом изложении малоизвестных эпизодов истории СЭВ и внешней политики СССР, такой подход выглядит вполне допустимым. В конце концов, не вызывает сомнений, что изложенные в монографии данные и факты сами по себе вносят существенный вклад в уточнение и углубление современных представлений о политических процессах внутри социалистического лагеря. Как не вызывает сомнений, что в ближайшие годы на их основе вырастут новые концепции.

Вместе с тем при всех очевидных достоинствах этого исследования, целый ряд тезисов носит явно дискуссионный характер. Например, С.Б. Вольфсон утверждает, что в первый период научно-технического сотрудничества «передавались главным образом советские технологии» (с. 134). При этом автор корректно подчёркивает, что СССР заимствовал технологии из ГДР, Чехословакии и Венгрии. Строго формально СССР действительно можно назвать главным импортером технологий внутри блока с 1949 по 1965 гг. Проблема в том, что такой подход значительно упрощает ситуацию и не учитывает целого ряда факторов: номенклатуру передаваемых технологических документов, уровень передаваемых и получаемых технологий, различия в структуре научно-технического обмена при И.В. Сталине и Н.С. Хрущёве, объёмы прямого обмена технологиями между европейскими социалистическими странами. На практике, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. наблюдалась явная асимметрия в качестве обмениваемых технологий: СССР импортировал передовые из ГДР, Чехословакии и Венгрии, при том что до четверти экспортированных СССР документов были представлены учебными программами. Показательно, что это противоречие, равно как и другие проблемные вопросы научно-технического сотрудничества, давно обсуждаются в историографии (Austin 2011; Kochetkova 2020), но из текста не ясно, знаком ли автор с выводами других исследователей.

Есть в тексте и досадная несогласованность в интерпретации статистических данных. Так, Н.Ю. Пивоваров утверждает, что к концу 1950-х – началу 1960-х гг. рост внешнеторговых оборотов внутри СЭВ замедляется и перерастает в системный кризис в 1962–1963 гг. Более того, он выделяет конкретные причины этого замедления (с. 131). А ниже Е.А. Осипов уже пишет, что «в 1959–1961 гг. удалось добиться значительного роста торговли между странами (14,2% в год вместо 8,5% в 1956–1958 гг.)» (с. 229–230). Разумеется, данные различных источников могут отличаться, как и глубина интерпретации. Но поскольку книга заявлена как коллективная монография, а не сборник статей, по-

добные противоречия следовало либо устранить, либо особо подчеркнуть их наличие.

Наконец, приведённые в исследовании данные могут быть истолкованы противоречиво. Так, в последних двух разделах авторы подчёркивают, что после провала попытки Хрущёва реформировать СЭВ западные наблюдатели меняют свои оценки, отмечая, что интеграционный потенциал СЭВ существенно снизился. Сходные выводы можно сделать на основе материалов, приведённых в разделах, написанных Т.А. Джалиловым и Н.Ю. Пивоваровым. При этом в других разделах подчёркивается ключевое значение для социалистической интеграции процесса разработки и принятия Комплексной программы социалистической экономической интеграции в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Наличие или отсутствие противоречия между этими оценками имеет концептуальное значение, но, к сожалению, авторская интерпретация отсутствует.

Подводя итог, стоит ещё раз подчеркнуть значимость публикации данной монографии для восполнения пробелов по целому ряду аспектов функционирования Совета экономической взаимопомощи и «мировой системы социализма». Научный коллектив проделал большую работу по сбору и анализу архивных материалов, благодаря чему коллективная монография получилась чрезвычайно детализированной реконструкцией многогранного процесса формирования «ядра» социалистической интеграции. Однако усиление одного аспекта исследования, как это часто бывает, привело к ослаблению другого. В частности, данный труд значительно бы усилили отсылки к текущим дискуссиям в зарубежной историографии, а также, например, раздел, обобщающий подходы и выводы авторов.

Исследование вносит существенный вклад в понимание политических механизмов согласования интересов СССР и социалистических стран по вопросам экономического сотрудничества друг с другом и с третьими странами. Несомненно, что данная книга дополнит список новейших исследований, и, что важно, позволит точнее отразить мотивы и устремления советского руководства, которые часто игнорировались в современных исследованиях социалистического лагеря.

Об авторе:

Алексей Алексеевич Попов – кандидат исторических наук, доцент Историко-филологического факультета, кафедра истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 334.7
 Received: April 20, 2021
 Accepted: May 10, 2021

Comecon as the «Core» of Alternative Globalization

A.A. Popov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-104-113](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-104-113)

Chelyabinsk State University

Book review: «The World System of Socialism» and the Global Economy in the mid-1950s – mid-1970s/ ed. by M.A. Lipkin. Moscow: Ves'mir, 2019.

Keywords: socialism, socialist countries, Council of Mutual Economic Assistance, USSR, economic co-operation.

About the author:

Alexey A. Popov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of History and Philology, Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interest.

References:

Beyond Brussels: Reassessing European Integration in East and West Europe. 2020. Eds. Broad M., Kansikas S. London: Palgrave Macmillan.

European Socialist Regimes' Fateful Engagement with the West: National Strategies in the long 1970s. 2020. Eds. A. Romano, F. Romero. London: Routledge. 290 p. DOI: 10.4324/9780429340703.

Jersild A. 2011. The Soviet State as Imperial Scavenger: «Catch Up and Surpass» in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960. *American Historical Review*. 116(1). P. 109–132. DOI: 10.1086/ahr.116.1.109

Kansikas S. 2014. *Socialist Countries Face the European Community. Soviet-Bloc Controversies over East-West Trade.* Frankfurt am Main. DOI:10.3726/978-3-653-03669-5

Kochetkova E. 2020. Technological Inequalities and Motivation of Soviet Institutions in the Scientific-Technological Cooperation of Comecon in Europe, 1950s–80s. *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. P. 1–19. DOI: 10.1080/13507486.2020.1835829

Lorenzini S. 2019. *Global Development. A Cold War History.* Princeton. DOI: 10.1515/9780691185569

Mark J., Feygin Y. 2020. The Soviet Union, Eastern Europe, and Alternative Vision of a Global Economy 1950s–1980s. *Alternative Globalizations: Eastern Europe and the Postcolonial World.* Bloomington. P. 35–58. DOI: 10.2307/j.ctvx8b7ph.5

Sanchez-Sibony O. 2014. *Red Globalization: the Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev.* New York. 278 p. DOI: 10.1017/CBO9781139628778

Trecker M. 2020. *Red Money for the Global South. East-South Economic Relations in the Cold War*. London: Routledge. 254 p.

Lipkin M.A. 2019. *Sovet Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi: istoricheskij opyt al'ternativnogo global'nogo miroustrojstva (1949–1979)* [The Council for Mutual Economic Assistance: the Historical Experience of an Alternative Global World Order (1949–1979)]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 184 p. (In Russian)

Moskolenko D.A. 2020. Torgovo-ekonomicheskoe vzaimodejstvie stran-chlenov SEV s razvivayushchimisya stranami Afriki v 1960–1970-h gg. [Trade and Economic Cooperation of the COMECON Member Countries with the Developing Countries of Africa in the 1960s and 1970s.]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal "History"]. 12 (98). CHast' I Tom 11. DOI: 10.18254/S207987840012967-2. (In Russian)

Nekrasov V.L. 2019. «Dilemma Hrushchyova»: reformy Gosplana SSSR: neftekhimicheskij projekt i vyzovy holodnoj vojny (vtoraya polovina 1950-h – pervaya polovina 1960-h gg.) [Khrushchev's Dilemma]: Reforms of the USSR State Planning Committee: Petrochemical Projects and Challenges of the Cold War (Second Half of the 1950s – First half of the 1960s)]. Moskva. 174 p. (In Russian)

Ulunyan A.A. 2020. Evropejskie chleny SEV i «tretij mir»: ekonomicheskaya pomoshch' v ocenках CRU SSHA (1965–1975) [European Members of the COMECON and the "Third World": Economic Aid in the Assessments of the US CIA (1965–1975)]. *Slavyanovednie*. №3. P. 64–77. DOI: 10.31857/S0869544X0009525-0 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Липкин М.А. 2019. *Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979)*. Москва: Издательство «Весь Мир». 184 с.

Москоленко Д.А. 2020. Торгово-экономическое взаимодействие стран-членов СЭВ с развивающимися странами Африки в 1960–1970-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 12 (98). Часть I Том 11. DOI: 10.18254/S207987840012967-2.

Некрасов В.Л. 2019. «Дилемма Хрущёва»: реформы Госплана СССР: нефтехимических проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). Москва. 174 с.

Улунян А.А. 2020. Европейские члены СЭВ и «третий мир»: экономическая помощь в оценках ЦРУ США (1965–1975). *Славяноведние*. №3. С. 64–77. DOI: 10.31857/S0869544X0009525-0

Современная монетаристская теория – панацея от всех экономических бед США

Е.А. Чернышева

ПАО «Сбербанк»

Рецензия на книгу: Kelton S. 2020. *The Deficit Myth*. S. Kelton. Sydney: McPhersons Printing Group. 325 p. ISBN 978-1-529-35253-5.

Ключевые слова: современная монетаристская теория, безработица, инфляция, государственный долг, дефицит бюджета, экономические дефициты, эмиссия, фискальная политика, прямые иностранные инвестиции

Мировой финансовый кризис 2008 г. продемонстрировал неэффективность государственного регулирования финансовой сферы в наиболее развитых странах, в первую очередь в США. Эта проблема породила кризис мировых масштабов, который в итоге плавно трансформировался в долговой кризис Еврозоны в 2012 г. При этом сохранение значительных объемов государственного долга в США и его продолжающийся рост не добавляют уверенности в устойчивости американских институтов, многие из которых являются «*too-big-to-fail*». Одновременно с этим проблема государственного долга Японии, а также таких стран ЕС, как Греция, Португалия и Испания остается нерешённой.

Научный дискурс вокруг проблемы государственного долга и до описанных событий вёлся очень активно. В частности, Б. Эйхенгрин указывал на то, что большой объём задолженности является фактором риска для мировой финансовой системы (Эйхенгрин 2017). А. Гринспен конкретизировал общие риски, представленные Б. Эйхенгрином, и экстраполировал их на американскую действительность, указывая, что сохранение социальной устойчивости общества

УДК: 330.88

Поступила в редакцию: 10.04.2021 г.

Принята к публикации: 15.05.2021 г.

в США находится под угрозой из-за неадекватной политики заимствований (Гринспен 2017).

Таким образом, обсуждаемый труд представляет значительный интерес, так как с позиций современной монетарной теории (неомонетаризма) указывает на несостоятельность аргументов классиков экономической теории, доказывая, что долговое бремя США не является значительной проблемой для страны. Актуальности исследованию добавляет аргументированное опровержение основных принципов монетаристских и частично кейнсианских постулатов относительно связи прямых иностранных инвестиций и государственного долга, инфляции и уровня безработицы, а также новый взгляд на задачи фискальной политики.

Современная монетарная теория указывает на несостоятельность аргументов классической экономической теории относительно государственного регулирования экономики путём применения рестриктивной монетарной политики и балансирования государственного бюджета. В рамках положений современной монетарной теории государство как основной экономический агент и основной гарант стоимости денег не должно ограничивать государственные расходы уровнем сбалансированного бюджета, так как может эмитировать любой объём денежной массы. Аналогично, указывается на то, что основной целью госрегулирования должно стать достижение максимального экономического роста при контролируемой инфляции. Эта теория во многом перекликается с Кейнсианской теорией, предлагая активно инвестировать в экономику государству, ограниченному лишь инфляцией. Очевидно, что критика современной монетарной теории достаточно обширна, поскольку в общепринятом смысле логика первой заключается в отсутствии ограничений на экономическую политику государства, тогда как даже исторические примеры, такие как экономический кризис Еврозоны в 2012 г. или же кризисы отдельных её стран в этот период, показали несостоятельность неразумного увеличения государственного долга. Эту проблему можно выразить проще – современная монетарная теория состоятельна для отдельных наиболее развитых стран с исключительно широко используемыми валютами, увеличение госдолга которых не подрвёт доверие к их валютам и способность отвечать по обязательствам. В контексте критики современной монетарной теории рассмотрим труд С. Келли.

Во «Введении» автор указывает на то, что бюджетный дефицит и государственный долг сопровождали экономику США на протяжении практически всего XX в., что не являлось значительной проблемой для экономического развития. Более того, выход из Великой депрессии был найден во вливании денег в реальный сектор, а не в таргетировании инфляции, послевоенные годы стали эпохой максимального роста благосостояния американцев, несмотря на быстрый рост задолженности и экспансивную монетарную политику. Приведённые примеры указывают на искусственный характер аргументов в пользу бездефицитного бюджета и небольшого государственного долга. Автор указывает на шесть основных положений, которые труд опровергает (каждому из них посвя-

щено по главе): ограниченность государственного бюджета в получении финансовых ресурсов, прямую связь больших вливаний денежной массы в экономику и инфляции, обобщение государственного долга с объёмом государственного долга на человека, негативное влияние государственного долга и бюджетного дефицита на экономику, обязательность положительного торгового баланса для устойчивого развития экономики, неэкономических характер социальных программ. Таким образом, в контексте современной монетарной теории труд С. Келли представляет интерес для интересующихся положениями этого нового направления экономической мысли.

Первая глава посвящена попытке доказать, что государство не идентично в своих расходах с предприятием или домашним хозяйством. Автор указывает на то, что ФРС США может профинансировать любой объём расходов, так как является эмитентом доллара США, то есть при дефицитном бюджете она либо выпустит государственные облигации США, либо погасит при необходимости образующиеся долги при помощи эмиссии дополнительной ликвидности. Здесь уместно указать на оригинальное восприятие автором налоговой системы. Она, по мнению С. Келтона, является абсолютно необязательным элементом финансовой системы, так как государству налоги как финансовый актив не нужны, оно использует их исключительно как элемент регулирования деятельности экономических агентов. Таким образом, парадокс Триффина (Triffin 1968) в полной мере отражён, раскрывается и объясняется, однако из-за характера исследования, посвящённого в первую очередь экономике США, воспринимается как нечто характерное для любой развитой экономики. Автор указывает, что приведённые ею доказательства справедливы для стран, которые могут проводить независимую монетарную политику, однако возникает вопрос о том, что это за страны. Если отнести к ним те государства, чья валюта используется как резервная, то тезис в большой степени применим, хотя в полной мере относится только к США. Если же речь о странах с конвертируемой (частично конвертируемой валютой), то тезис несостоятелен, так как доверие к их валюте основано на способности платить по обязательствам, при росте которых доверие падает и растёт инфляция.

Вторая глава посвящена анализу взаимосвязи инфляции и государственных расходов и бюджетного дефицита. С точки зрения неомонетаризма, инфляция не связана напрямую с денежной массой – она возникает только при увеличении денежной массы в условиях полной занятости всех ресурсов в экономике, достичь которую, как известно из кривой производственных возможностей, практически невозможно. Таким образом, аргументы противников увеличения государственных расходов в условиях дефицита бюджета, аргументированные ростом инфляции, безосновательны. Это положение коррелирует с взглядами апологетов теории социальной экономики, однако в их трудах акцент делается на том, что безработица и инфляция – негативные явления, которые снижают равновесие в обществе. Исходя из этого выводы автора обоснованы, но целепо-

лагание снижения безработицы отражено достаточно поверхностно, как и реалии государственной монетарной политики в условиях высокой инфляции и безработицы. Современная монетарная теория, как видится из работы, хорошо функционирует в идеально настроенной экономике, тогда как единственный ответ на кризис – количественное смягчение.

Третья глава указывает на то, что в США государственный долг стал инструментом политической и информационной борьбы. Акцентируется на то, что государственный долг никак не соотносится с показателем подушевого государственного долга, а население США никогда не будет отвечать по обязательствам страны. В этой связи информация в том виде, в котором её подают СМИ, является инструментом привлечения сторонников в Сенате США и избирателей на выборах. Также отмечается несостоятельность отказа от трат на развитие социальной сферы Сената на основании правила *PAYGO*, так как модель *TAB(S)*¹ в США не работает, а в предыдущих главах уже была доказана неограниченность финансовых возможностей ФРС в финансировании государственных расходов США.

Четвёртая глава построена на основании утверждения, что государство не единственный участник финансового рынка, доказывается, что бюджетный дефицит – профицит счетов экономических агентов, в том числе иностранных. Бюджетный дефицит США, с точки зрения автора, позволяет гражданам и предприятиям США формировать финансовые резервы, которые потом трансформируются в частные инвестиции. И снова возникает вопрос, зачем государству – институту, способному, по мнению автора, регулировать всю экономику, ограничивать свои возможности, повышая потенциал других экономических агентов. В этом контексте ни одна теория государства (как общественного договора, института насилия и пр.) не может объяснить причину того, что государство добровольно отказывается от дополнительных ресурсов для собственного развития (развития потенциала своего населения) в пользу других государств. Подход автора в этом контексте выглядит поверхностным.

Пятая глава посвящена анализу отрицательного сальдо счетов текущих операций США. Автор апеллирует к тому, что значение внешнего государственного долга США – не более, чем записи долга в ФРС, то есть погасить этот долг США может за счёт эмиссии долларов США в любой момент без ущерба для экономики благодаря большому спросу на доллар США в мире, равно как и на облигации госдолга США. Их погашение также возможно в любой момент, с точки зрения С. Келтон. Эту точку зрения опровергает мнение экономистов КНР и других крупных держателей американских ценных бумаг, которые в кризисные для США времена продают эти активы (например, дедолларизация в России и

¹ Модель «сначала налоги и бюджетный профицит, а затем траты» (выдвинута М. Тэтчер (Порецкова 2012) противоположна продвигаемой авторами модели *S(TAB)*.

отказ от резервов в долларах, сокращение китайских долларовых резервов и пр.). Автор не учитывает, что доверие к США не столь высокое, как считалось ранее, особенно в условиях исчезновения парадигмы борьбы либерального мира во главе с США против коммунистического во главе с СССР. Поиск новых внешних врагов на сегодняшний день у США идёт с переменным успехом, тем более что Россия на эту позицию подходит не до конца, так как не позволяет консолидировать усилия всех стран бывшего капиталистического блока.

Шестая глава освещает проблемы безработицы в США и социального обеспечения безработных и граждан страны в целом. Автор повторно указывает на то, что таргетирование инфляции не связано напрямую с количеством безработных, и платить невозможность найти работу для большого числа американцев за эфемерный контроль над инфляцией нельзя. При этом на основании положений современной монетарной теории и кейнсианства автор выдвигает предложение дать государственные гарантии не только минимальной зарплаты, но и трудового обеспечения для всех желающих. Эта идея очень интересна, но возникает препятствие – необходимость глубокого регулирования экономики государством во избежание превышения количества рабочих мест в одном районе (штате, области и т.д.) и недостатке в другом. США – классический пример высоко либерализованной экономики, поэтому на такое глубокое регулирование экономики она не способна.

Седьмая и восьмая главы объединены единой смысловой концепцией – в седьмой главе автор указывает на важные элементы экономического дефицита, которые существуют в США, например, на дефицит образования, работы, экологии, социального равенства и, что необычно для американских авторов в последнее время, на дефицит демократии. Восьмая глава предлагает концептуальный пересмотр политики США и смену парадигмы экономического развития на неомонетаризм, в частности, реализацию предложения о всеобщей гарантии рабочих мест. Тем не менее даже сам автор признаёт, что неомонетаризм не является панацеей для всех проблем, он только один из инструментов, соответственно, обоснование его выбора как ключа к решению проблем США должно быть проработано глубже и обширнее, чем предложения, в основном теоретические, для решения текущих экономических проблем страны.

Несмотря на богатый исследовательский материал и многочисленные источники в кругах высокопоставленных чиновников США, исследование имеет ряд ограничений, в частности, оно распространяется на «страны, проводящие независимую монетарную политику», то есть имеющие свободноплавающий курс национальной валюты и минимум ограничений на рынке. При этом выводы, сделанные автором, излишне обширны и «могут быть применены и для развивающихся стран». Стоит отметить, что только КНР имеет валюту, относящуюся к резервным, а все успешные примеры реализации предложенной политики относятся либо к США, либо к Британии и Японии, то есть к странам с наиболее мощными валютами. Ещё одним важным ограничением является то,

что, несмотря на убедительную аргументацию, автор исследует американскую экономику, но рекомендации даёт для более широкого круга стран, тогда как парадокс Триффина относится только к США. Аналогично бесконтрольно увеличивать денежную массу в глобальном масштабе сегодня также может только США, что приводит к заключению о несостоятельности выводов автора для остальных стран.

Книгу выделяет оптимизм автора по отношению к будущему США, а также видимая беззаботность и нежелание обращаться к геополитическим реалиям – автор считает, что «Китай никогда не потребует одномоментного возврата американского долга». Риторика книги демонстрирует позитивное восприятие действительности и проблем, стоящих перед экономикой США. В работе присутствует характерный для экономических трудов последнего времени публицистический стиль и ряд аналогий, некоторые из которых неуместны в серьёзных научных исследованиях, так как излишне упрощают экономические процессы.

Помимо прочего нельзя не отметить и такие противоречия в работе, как утверждение о возможности государственного бюджета обеспечить работой всех жителей США и реализовать социально значимые проекты в сфере инфраструктуры и экологии (которые требуют исключительно больших вложений) и ограничение на использование капитала, диктуемые ростом инфляции. В соответствии с позицией автора, рост экономики США должен превышать темп инфляции, что в предложенных условиях выглядит маловероятным. С. Келтон активно продвигает идею о том, что «если где-то образуется дефицит, где-то он компенсируется профицитом». Также автор указывает на то, что страны третьего мира тоже могут развиваться по предложенной модели, что в свою очередь означает, что их дефициты должны отражаться профицитами на чьих-то счетах. В этой связи возникает вопрос о том, кто заплатит за развитие наименее развитых стран? Выдвигаемый автором подход указывает на то, что США не будут оплачивать развитие других экономик, если это приведёт к снижению благосостояния американцев. Таким образом, автор противоречит себе.

Ряд американских исследований также указывают на то, что предложенный подход не учитывает современные реалии геополитики и геоэкономики. Например, С. Джонсон доказывает, что в итоге государственный долг США приведёт к коллапсу американской экономики и тогда его оплатой станет снижение благосостояния американцев (Johnson 2013), а К. Махбубани доказывает, что КНР воспользуется любой возможностью ослабить США, даже если это будет использование американского госдолга (Mahbubani 2020).

Целевая аудитория исследования – американские граждане и экономисты, что в свою очередь снимает ряд ограничений и вопросов, объясняет и демонстрируемую автором уверенность в возможности решить проблемы американской экономики. Однако, несмотря на это, исследование остается популистским и может быть интересно научному сообществу оригинальностью концепции налогообложения, объяснением парадокса Триффина, а также концепцией га-

рантии всеобщей занятости. При этом нельзя не сказать, что автор осознаёт, что неомонетаризм ограничен в своих возможностях, и упоминает это, однако не раскрывает его ограничения, в связи с чем создается иллюзия его идеальности для американской, как и для любой другой, экономики, что в корне неверно.

Ключевым моментом всего исследования является доказательство возможности США использовать государственный бюджет, не учитывая последствия и объёмы государственного долга и дефицита. Эти постулаты справедливы для США на современном этапе, однако, как утверждает сам автор, «современная монетаристская теория не является панацеей от всех проблем». Таким образом, исследование интересно для понимания настроений и ситуации в американском экономическом сообществе, однако воспринимать предложенные рекомендации следует исключительно применительно к США сегодня.

Об авторе:

Елена Андреевна Чернышева – сотрудник Управления правового сопровождения корпоративного бизнеса ПАО Сбербанк, Россия, Москва, 117997, ул. Вавилова, д.19. E-mail: chernysheva.el.an@sberbank.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 330.88
Received: April 10, 2021
Accepted: May 15, 2021

Is Modern Monetary Theory a Real Solution for All US Economic Problems?

E.A. Chernysheva
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-3-78-114-121](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-114-121)

Sberbank

Book review: Kelton S. 2020. The Deficit Myth. Sydney: McPhersons Printing Group. 325 p. ISBN 978-1-529-35253-5.

Keywords: modern monetary theory, unemployment, inflation, public debt, budget deficit, economic deficits, emission, fiscal policy, foreign direct investment

About the author:

Elena A. Chernysheva – employee of the Department of Legal Support of Corporate Business of Sberbank, Russia, Moscow, 117997, Vavilova str., 19. E-mail: chernysheva.el.an@sberbank.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Johnson S. 2013. *White House Burning: Our National Debt and Why It Matters to You*. Vintage. 384 p.

Mahbubani K. 2020. *Has China Won? The Chinese Challenge to American Primacy*. Public Affairs. 320 p.

Triffin R. 1968. *Our International Monetary System: Yesterday, Today and Tomorrow*. Random House. 206 p.

Grinspen A. 2017. *Jepoha potrjasenij. Problemy i perspektivy mirovoj finansovoj sistemy* [The Age of Turbulence: Adventures in a New World]. Moscow: Al'pina Publisher. 552 p. (In Russian)

Poreckova E.A. 2012. Margaret Tjetcher i Dzhon Mejdzhor: bitva za vlast' [Margaret Thatcher and John Major: The Battle for Power]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 12(4). P. 72-76. (In Russian)

Jejhenrin B. 2017. *Global'nye disbalansy i uroki Bretton-Vudsa* [Global Imbalances and Lessons from Bretton Woods]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 200 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Гринспен А. 2017. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. Москва: Альпина Паблишер. 552 с.

Порецкова Е.А. 2012. Маргарет Тэтчер и Джон Мейджор: битва за власть. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 12(4). С. 72-76.

Эйхенрин Б. 2017. *Глобальные дисбалансы и уроки Бреттон-Вудса*. Москва: Издательство Института Гайдара. 200 с.